

Виктория Осадчая

ТЫ ДУМАЕШЬ,
ЧТО Я СЛОВА

Annotation

Алиса всю жизнь была любимым и единственным ребенком в семье, поэтому не могла не слушать родителей. За исключением одного момента, когда она влюбилась в очередной раз в дворового парнишку. И они сделали все, чтобы дочь была счастлива, но с другим человеком. Но правду, как известно, не скрыть. Но как простить тех, кто думая о твоём счастье, просто уничтожил всю твою жизнь? Как убежать от себя? И как здорово, что у тебя все еще имеются в жизни надежные подруги.

Виктория Осадчая

Ты думал, что я слабая...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ С НАЧАЛОМ ИСТОРИИ НОВОЙ ГЕРОИНИ

Теплое утреннее апрельское солнце ласкало загорелую кожу, защищенную легким кружевом пляжной туники. Мессинский бриз немного трепал выбивающуюся светлую прядь из под широкой поля моей шляпы, пытаюсь все время ее сдуть. На термометре плюс двадцать пять, ни с чем несравнимый запах моря и легкое волнение по поводу предстоящей встречи. Скоро, совсем скоро.

— Синьорина, Ваш заказ, — смуглый парнишка в белой униформе поставил передо мной бокал с холодным апельсиновым фрешем и блюдо с нарезкой сыра. Захотелось мне сегодня побаловать свои вкусовые рецепторы. — Вы завтракаете одна, или кого-то ждете? — поинтересовался все тот же парнишка.

— Жду, — ответила я. Как странно, этот чужой язык для меня всего за один год перестал резать слух. — Должна прийти моя подруга, если спросит сеньориту Буджардини, то проводите ее ко мне.

Да-да, вместо самого обыкновенного русского «Иванова», или звучащего гордо «Агеева», я выбрала себе совсем другую фамилию, которая на русском могла звучать как «маленький лжец». А что? Лжец — он и есть лжец, даже если это симпатичное лицо женского рода. А вот имя я так и не решилась сменить. Мне оно нравилось, и звучало оно красиво на любом языке. Алиса Буджардини — новая личность, появившаяся в мире всего два года назад. Я посмела перечить всем правилам, я посмела ставить свой дом, я посмела бросить все и начать свою жизнь заново, с чистого листа.

— Проходите, сеньорита, — послышалась английская речь все того же мальчишки — официанта, который вел за собой девушку в широком длинном платье из легкого материала. Среди белых столиков она смотрелась как бригантна со своим выпирающим животом и быстрым шагом. Да-да, зрение не могло меня обмануть, это была моя Арина.

Предыдущую ночь я не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок в душной постели, все представляла, как может пройти наша встреча. Я исчезла тогда так неожиданно, ничего ей не объяснила, оставила ее одну с рестораном. Простила ли она меня?

— Привет! — я поднялась первая, расправила несуществующие складки на платье и уставилась на нее, оставив солнцезащитные очки на столе.

— Здравствуй! — отдышалась она, подперев правой рукой поясницу. — Чего тебя на юга-то потянуло? А еще говорила, что я непутевая. Мне после нашей апрельской сырости здесь кабздец придет раньше времени, — сказала она таким тоном, словно мы буквально на днях виделись. И все, отпустило! МОЯ! РОДНАЯ! ЛУЧШАЯ!

Не сдерживая эмоций, я кинулась на ее тонкую шею, обняла за хрупкие плечи и даже попыталась разрыдаться.

— Алиска, ты на меня так не дави, а то мои засранцы вылезут на четыре месяца раньше, — закричала она.

— Прости-прости, — отскочила я от Арины и погладила ее животик. Хотя на ее хрупкой фигурке он смотрелся как-то нелепо, мысль о том, что там находится ребенок меня, приводила в восторг. Вот он, загадочный женский организм.

— Алиска, хорошая моя, — улыбнулась подруга и теперь уже сама кинулась на меня. — Как я по тебе соскучилась, как же мне тебя не хватало.

В общем, приветствие у нас заняло довольно длительный промежуток времени, не давая работать официанту, ждущему, пока эти слезно-сопливая церемония закончится.

— Батюшки, ты пателки отрастила, да и еще перекрасила, — хмыкнула Аринка, дотрагиваясь до пряди, которая постоянно выбивалась из общего хвоста под шляпой.

— Изменила имидж. Хотела подстричься, потом вспомнила, что горячие итальянцы любят длинноволосых женщин, — заметила я.

— Ага, еще длинноногих и чтобы в постели были «айс», хотя нет, это северный вариант. Им нужен «не айс, а хот чили пеперс», — специально коверкала англоязычные слова подруга.

— Как тебя твой Барышников с пузенью отпустил? Неужели не беспокоится за наследника империи?

— Забыла тебе сказать, что он сволочь! — на мой вопросительный взгляд Арина рассмеялась. — На этот раз заделал целых два наследника. С каждым разом все больше и больше. На третий я точно не решусь, с его геометрически-прогрессирующим органом.

Она изменилась. Да, точно! Наверное, любящий и заботящийся человек рядом менял любую женщину. А как светились ее глаза! Я завидовала, только чистой белой завистью. У меня так не получилось.

— И ты в такую даль...

— А что? Я тетка сильная, мне еще вино дегустировать. Вернее, я возьму тебя для этого, ну и контракты на поставку подписывать. А вообще, сказала, что за два года совместной жизни он меня достал, и я заслужила трехдневный отдых в самой Италии. О тебе я не говорила, но придется раскрывать карты, если вдруг начнет обвинять, что я летала до любовника, — от ее веселого щебетания на душе становилось спокойно, а от созерцания ее здорового аппетита, у меня он разыгрался тоже.

Я еще долго расспрашивала Арину о ее жизни, о жизни ее близких людей, так и не решившись задать главный вопрос. Нет, не о своем муже для которого я умерла два года назад.

— Оказывается, с подачей Серафимы Андреевны, он приковал меня к батарее, напугал до смерти, — рассказывала Арина. — Он слишком буквально ее понял. Но, как видишь, помогло.

Я хохотала над ее рассказом, представляя всю эту картину.

— Ромка молодец! А по-другому, тебя непутевую невозможно было стреножить. Слушай, Ариш, ты простишь меня за то, что я тебя бросила тогда? — вот он этот вопрос. Завтрак медленно перетекал в полдник, а я только набралась смелости.

— Я? А за что мне обижаться? — удивилась она. Если ты решила уехать, значит, на то были веские причины. Я бы хотела, конечно, знать, и теперь пришло время требовать, наверное.

— Ты права, — согласилась я с ее доводами. — Я понимаю, ты просто не хотела лезть в душу, а я как дура держала все в себе, хотя давно нужно было выговориться.

— Вот, полностью поддерживаю твою идею, хотя место дислокации придется менять, пока твою пузатую подругу не настиг тепловой удар — обмахнулась Арина салфеткой.

Моей миссией было защищать ее от глупостей, теперь, похоже, ролями мы менялись. Но ведь рассказывать все равно придется, независимо от того, где мы окажемся.

— Началось все довольно давно, тут тебе и неверие в женскую дружбу, и формирование скверного характера, — начала я, когда мы оказались в просторном номере отеля, который Арина выбрала для остановки.

— Ты говори, а я душ приму, не буду дверь закрывать, — попросила она. И я была благодарна потому, что так было легче начинать, когда ты не смотришь собеседнику в глаза. И...воспоминания поплыли тонкой струйкой фонтанчика Писающего мальчика, ровно, интенсивно и холодно.

* * *

Родилась я в семье гаишника. Да-да, угораздило же меня вляпаться по самые уши, еще с тем учетом, что мама была учителем русского языка и литературы, и отдали меня в школу, где она работала.

Ну, и вот это стало проблемой. Мало того, что моего папу взяточником называли, так еще и мама каждый раз норовила поправить мне воротничок блузки или бантик. Нет, изгоем я не была, но и особой популярностью у школьной элиты не пользовалась. Так, средний класс, а вместе с этим и подруги, и друзья должны были соответствовать уровню. Вот и выискались у меня две подружки-хохотушки, Леночка и Вера. Верные, надежные, мы всегда были вместе, не разлучались почти никогда, делились всем, чем только можно, даже если стыдно, даже если больно.

Когда мы перешли учиться в среднее звено, мама заняла пост заведующего учебной частью, а уже ближе к старшим классам, отца повысили до подполковника, поэтому руководящей должности ему было не избежать. Вот так и я, постепенно, мелкими шажочками добралась до статуса «элита». Ну да, когда твоему отцу пророчат место начальника ГИБДД, а мама, возможно, станет на место директора школы, потому что нынешней осталось несколько лет до пенсии.

Конечно, я никогда не стремилась прыгнуть выше своей головы, но теперь девочки, с которыми хотели дружить все, зазывали меня в свою компанию, у меня некрасавицы появились даже поклонники. А мне папиной дочки было все равно. Ребенок в семье я единственный, так что опекали меня родители самыми изощренными способами. Ничего, выжила!

Как я упомянула секунду назад, я не была красива, по крайней мере эталоном красоты широкий рот, огромные голубые глаза на худом аленьком личике не могли считаться. При чем рост вроде был нормальный, а худоба моя даже для родителей стала проблемой номер один. Умудрились даже по врачам меня водить, мол, аппетит плохой, и соответственно вес тоже никудышный. Все костоправы в один голос утверждали, что я не больна, гельминтов и всяких других гадостей, на которые тоже меня проверяли унижительно родители, тоже не имела, просто это молодой растущий организм и много энергии тратиться на учебу, ну и спорт. Это был второй толчок к тому, чтобы меня ограничивали в действиях. «О, спорт, ты жизнь!» — это выражение напрочь было вычеркнуто из нашей семьи. Я понимаю, что меня оберегали и все такое, но не заниматься волейболом, или плаванием, я не могла, плюс еще хотели меня оторвать от рисования, мол, тоже ведь энергия тратиться. Бред, скажете вы! Просто моих впечатлительных родителей было переубедить трудно, если им сбрело что-то в голову.

Этот период закончился моим «переходным возрастом». И тут меня понесло — полное непослушание и клеймо трудного подростка Я сделала ВСЕ, чтобы мои родители поседели раньше времени. Я пренебрегала всеми правилами приличия, одевая максимально откровенную одежду даже в школу, я связалась с местной шентропой, что постоянно обитали у нас в подъезде. Попробовала алкоголь, сигареты, даже «косячками» не брезговала. От

безответственного секса меня спасла моя первая любовь – Генка Денисенко. Когда я была в десятом классе, он уже учился на третьем курсе в институте. Парень из приличной семьи, которая может и не была известна в городе, но и плохого ничего нельзя было сказать.

Когда мы познакомились и как? Вот это уже другой вопрос, на который у меня в заглавнике имелась одна удивительная история.

Осень выдалась довольно промозглой и сырой. Чуть ли не ежедневно с наступлением октября на улице моросил противный мелкий дождик, так то бабьим летом даже не пахло. То ли мимо промчалось, то ли являлось в виде затишья на коротких два дня. Ненавидела я это время года всегда потому, что оно у меня четко ассоциировалось с началом учебы. А со школой, как я уже говорила, у меня были особые отношения. Даже не со школой, а с одним из ее работников. Кто помнит этот запах выкрашенных классов, когда краска уже вроде выветрилась, а напоминание о ремонте все еще витает в воздухе? Кто помнит эту не истоптанную, совсем новехонькую пару туфель, которые к концу учебного дня обязательно натирала мозоль, а потом приходилось несколько дней носить ее с лейкопластырем, который в свою очередь так и норовил все время вылезти наружу? Кто помнит эти разбитые коленки за лето и выгоревшие волосы на солнце, потому что пропадали не как современная молодежь в компьютерах, а на улице, на площадках? Кто помнит обернутые в новые обложки старые потрепанные учебники, и сзади на последнем листе прежние их хозяева оставляли свои имена, и совсем белые неисписанные тетради? Это сейчас я вспоминаю это время с неким благоговением, а тогда...

Одним из таких промозглых вечеров, когда уже давно стемнело и фонари отливали на мокром асфальте поблескивающим отражением, я шла не спеша домой. В этот самый вечер как раз одна. Сбежала от одного придурка, который хотел залезть мне под юбку. Нет, на такой шаг я не была готова. Дома ждали невыученные уроки, и злые родители, которые снова мне будут читать мораль. Бррр!

Я поехала. Кутаясь в косуху, завернулась посильнее и завернула в парк, выходящий прямо на мой дом. Как назло, снова начал моросить дождь, а я нехотя прибавила шаг, домой не торопилась. Прохожих в это время было «раз, два и обчелся».

Вдруг где-то вдаль я услышала слабое мяуканье, причем, уже довольно охрипшим голосом. Неужели кому-то может быть хуже чем мне сейчас? Огляделась по сторонам: никого нет. Странно. Достала из кармана фонарик. Как нельзя, кстати, забыла его вчера у своего дружка. Хотела сегодня вернуть в школе, но он не явился. Осветив сначала лужайку, я ничего не обнаружила, тем более что представитель кошачьих уже затих. Позвала "ксс-ксс-ксс". Снова подал голос, но откуда-то сверху. Оказалось, что малыш скалолаз. Я как была в короткой юбке, так и собралась лезть за котенком. Я чуть ли не плакала от жалости и безысходности, потому что залезть на дерево было тяжело из-за ровного скользкого ствола без единого сучка. Руки все время соскальзывали, как бы я не цеплялась. Пришла мысль попросить прохожего, но как назло, парк опустел.

— Тише, маленький, сейчас что-нибудь придумаем, — успокаивала я не на шутку разгорячившегося котенка, который почуял, что на него обратили внимание. Отмечу сразу, почему такое рвение? А у меня такая жизненная ситуация, когда людей жалко не так, как животных. Любой фильм типа «Хатико», заканчивался жуткой истерикой со слезами и соплями. Мне ведь было всего шестнадцать.

Вдруг, вдаль показался щупленький мужской силуэт, который бодрой походкой направлялся прямо в мою сторону, а я тут карабкаюсь на ствол. И на тот момент мне было абсолютно наплевать, как я выгляжу.

— Девушка, Вам помочь? — вдруг раздался приятный голос парня.

— Там котенок, он замерз, наверное, и голодный — парировала я, отвечая на вопрос совсем не впопад.

— Отойди назад, — попросил он. С ловкостью альпиниста скользкое дерево этим скалолазом было покорено за короткое время. А назад он прыгнул уже держа в руках бедолагу мокрого насквозь, дрожащего от снизившейся температуры и сырости.

— Спасибо, — радостным голосом произнесла я.

— Ты чего ночью шорохаешься по парку? — уточнил парень.

— От подруги иду, — соврала, натягивая юбку пониже. Котенок притаился у меня за пазухой, причем начал дрожать еще больше, чем прежде. — Я тут живу рядом.

— А чудовище тебе это зачем?

— Я жалостливая, — что-то внутри начало наполняться теплом.

— Кажется, слишком! Идем, провожу. А то попался бы кто другой, так может самой спастись пришлось бы.

По пути мы и познакомились, и успели даже немного поболтать. Но мне этого «немного» оказалось безумно мало. Да, парень был старше меня намного, интересен, эрудирован. Такому не нужна малолетка в мини-юбке, такому нужна настоящая девушка, которой он мог бы не стесняться. Ни на тот момент, ни вообще, я такой не была. Но надежду мне дала его просьба:

— Может, дашь номер телефона? Мне же нужно знать, как живет наш спасенный.

И я дала номер, отдала бы все тогда, если бы только попросил. И если честно, я ждала его звонка, исписывая

пол тетрадей его именем. Вот так вот за каких-то полчаса я влюбилась в абсолютно незнакомого мне человека. И впервые в жизни боялась признаться подругам.

ОН ПОЗВОНИЛ!!! Это было самой фееричный момент в моей жизни.

— Привет! Это Гена. Помнишь?

Еще бы я не помнила! Хорошо, что он не видел моей глупой улыбки на тот момент.

Мы договорились встретиться на следующий день в парке. И в тот самый день я вспомнила, что в шкафу у меня имеется приличная одежда, что макияж не должен быть таким броским. Как же радовались родители, хотя появилась новая проблема «ДОЧЬ ПОБЕЖАЛА НА СВИДАНИЕ». Боже мой, трагедия века!

И это я тоже выстояла! Так начались мои первые в жизни отношения, настоящие, с нежными и сладкими поцелуями, долгими прогулками, первым сексуальным опытом и знакомством с родителями.

А дальше...Дальше...Хм, судьба сыграла со мной в русскую рулетку, когда я же мечтала, что моим мужем станет именно Генка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ ГОВОРИТЬСЯ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЧАХ С КРАСНЫМИ ЛАЗЕРАМИ

— И что с этим Генкой произошло? — поинтересовалась Арина. Мы лежали на огромной кровати, за окном была жара, когда в комнате работал кондиционер, а на столике стояла куча всяких вкусняшек, которые пропадали в нас. Все как в старые добрые времена. Не хватало только Римы. Она бы точно дополнила мой рассказ какими-нибудь колкими замечаниями.

— Что-что? Встречались мы долго, целых четыре года. Родители молчали, даже радовались где-то про себя, мол, ребенок взялся за голову. Тем более, то с его подачей я выбрала интересное направление для учебы, а он вроде поддерживал. Вот только видеться мы стали реже.

* * *

После окончания школы я поступила в Санкт-Петербург. В институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. Долго готовилась, поступление далось тяжело, так как конкурс был большой. Поступила! САМА. Хотя папа пытался подключить свои связи. В Питере у него были знакомые, при чем влиятельные. Со скандалом снова выбила себе свободу. Мне казалось, что я задыхаюсь в доме родителей, когда контролируют каждый твой шаг, это напрягает. Виделись мы редко потому, что он работал в нашем родном городке.

— Хочу вырваться, — говорил он, — но не могу. Ты же знаешь, что учиться меня посылала городская администрация. Вот я и должен отработать эти пять лет.

Я не знаю, что произошло. То ли ждать меня он устал, то ли мужики все одинаковые. Только вернувшись однажды на выходные, я узнала одну ооочень ошеломляющую новость.

— Привет! — я сидела в кафешке, ждала Генку. Мы договорились встретиться в его обеденный перерыв. Но вместо моего молодого человека пришла моя лучшая подружка.

— Привет, Лен, — мы чмокнулись, как обычно. — Мы тут с генной решили пообедать. — Присоединись к нам?

— Да, я собственно по этому поводу, Алис, — она виновато улыбнулась, присаживаясь напротив.

— Что-то случилось? — на улице весна, еще чуть-чуть, и я закончу второй курс института, наконец, буду допущена в мастерские. А летом мы планировали с Денисенко слетать в Египет, отдохнуть. Планы были радужные, но сбываться им было не суждено.

— Случилось, — Ленка достала сигареты из сумочки, закурила. — Слушай, мы с тобой давно знакомы, дружим со школы. Ты меня должна понять. В общем, — она сделала еще одну глубокую затяжку, — тут такое дело. Генка не придет. Через две недели у нас с ним свадьба. Я беременна, Алис.

Что я могла сказать в тот момент? А ничего! Я не поверила просто.

— Ты шутишь? Вы меня так разыграть решили? — рассмеялась я.

— Нет, Лиска. Какие шутки? Ты в своем Питере пропадаешь, вот мы как-то и сошлись на одной из вечеринок. Переспали, на утро решили сделать вид, что ничего не было. Но нас стало тянуть друг к другу. Мы тайно встречались целых три месяца, а потом я забеременела. Не скажу, что случайно. Ты уж прости меня, но так вышло.

Так вышло. ТАК ВЫШЛО, мать твою! А я осталась в дураках. И вроде Верка меня успокаивала, когда я в слезах кинулась к ней.

— Ты представляешь, а этот пидор даже не соизволил явиться, чтобы объяснить. Послал эту суку.

— Ну ты чего, Алиска. Все забудется. Найдешь себе нового мужика, выйдешь замуж...

И успокаивала она меня, оказывается, таким образом, потому что сама была свидетелем этой истории, даже пособником, а в итоге на свадьбе Леночки Верочка должна была стать подружкой невесты.

* * *

— Вот суки, — заявила Аринка, отправляя в рот здоровенную такую виноградину.

— Не то слово! Вот поэтому до тебя у меня подруг больше не было. И говорила я, что наша дружба основана на взаимовыгоде из-за вредности. Насрали мне в душу Верочка и Леночка.

— Я о твоей вредности догадывалась. Отомстила? — поинтересовалась подруга с особым рвением.

— Не-а, их жизнь наказала. Ленка с Генкой развелись спустя три года. У них родился сын, но это не удержало особо сладколюбивого до женских промежностей Геннадия.

— Фу, — скривилась Арина. — Грубо-то как!

— А что? Выяснилось, что Ленка была не единственная, с кем мне изменял этот кучерявый баран. Да и с ней он в любви и верности прожил не долго. Она удерживала его в семье, а потом, видимо, руки опустились. Сейчас уехала куда-то в Краснодар, мальчишке уже девятый год, воспитывает одна. А Верка... — я вздохнула. — Верку я в последний раз видела, незадолго до отъезда. Столкнулись случайно. Стала она дешевой проституткой. Она всегда любила мужское внимание. Связалась с каким-то отморожком, а он стал подкладывать ее под нужных ему людей. Короче, не позавидуешь такому.

— Не фиговенько так, — Арина присвиснула. — Ладно, рассказ твой я еще дослушаю, а мы, наверное, пойдем окунемся в море соленом, в море огромном. Ты со мной? — поинтересовалась она.

— Я всегда с тобой, хорошая моя, — я положила голову ей на плечо. И так стало хорошо-хорошо, словно приобрела то, что утратила целую жизнь назад.

Море, солнце, золотой песок, куча горячих мужчин и две красивые девушки. Хороший сюжет для любого женского романчика. Да я и радовалась этому спокойному наслаждению обществом подруги. За ужином нам передали бутылочку довольно приличного шампанского, как оказалось от нашего соседа. Не знаю почему, но не могла я итальянских мужчин принимать серьезно, хотя и существует поверие, что они хорошие и темпераментные любовники. К новым отношениям я пока была не готова.

— А тебе можно пить? — я наблюдала, как Аринка залпом выпивает целый бокал шампанского.

— В умеренных количествах можно, — промокнула она губы салфеткой.

— И это ты называешь умеренные количества? — усмехнулась я.

— Так если бы нас было двое, то да, много. А тут целая троица! — рассмеялась она. — А с Тимохей ты как познакомилась? Он же не местный.

— Ну, до Тимофея у меня была еще одна история. Помнишь того мужчину, что приходил в ресторан перед тем, как я сбежала? — уточнила я, и получив утвердительный ответ от подруги, продолжила. — Так вот, это и есть моя больная любовь. Владимир Краснослободцев.

* * *

День, когда я выпускалась из института, я запомню надолго. Не скажу, что я была самой перспективной студенткой, будущего мне не пророчили известного, но говорили, что перспективы есть, а если не получится, то я легко могу найти себя в преподавательской деятельности. Художнику всегда было тяжело реализовать свои таланты, так как изначально считается, что это народ бедствующий, зарабатывающий копейки на своей мазне. Да и направление у меня было не самое перспективное — пейзажи. Я пробовала писать портреты, но всегда была проблема с глазами потому, что я не могла передать всю палитру чувств и эмоций, что они могли отражать. Обычно за портреты я получала очень низкие оценки, но опять же, преподаватель утверждал, что талант есть, я просто зажата для того, чтобы его раскрыть. Вообще, мир искусства — это очень жестокий мир, где учитываются самые мельчайшие детали. Был у нас мальчишка, вроде писал очень неплохо, вроде старался изо всех сил, вроде даже продал несколько своих картин. А нет — У ТЕБЯ НЕТ ТАЛАНТА! И ты хоть разбейся головой о стену, но главны наши судьи этого самого таланта не разглядели, а соответственно и путь тебе в элиту заказан.

Но, несмотря а то, что я была середнячком, все таки преподаватели меня любили. Особенно был один старикашка Петр Иванович, который любил вытягивать из меня по крупичам душу, чтобы я вкладывала эту крупичу в свою работу.

Вот и когда на руках у меня был диплом, он остановил меня в коридоре и попросил, чтобы я не переставала писать.

— Алисочка, Вам нужно проживать каждую картину. Вы не смотрите на свои отметки, это всего лишь мнение тех, кто не смог в Вас разглядеть перспективу. Вы зажаты, вы комплексуете, что у Вас может что-то не получиться, или получиться хуже. А штамповать картины, как нас заставляют окружающие, Вам не стоит. Вкладывайте душу в свои работы, вы должны влюбляться в них, как в мужчин. И тогда я уверен, что через некоторое время, мы еще услышим Ваше имя.

Я ведь тогда и не придавала значение его словам. Подумаешь, у дедули начинается старческий маразм. Но поблагодарив и попрощавшись, впервые решила с группой отправиться на квартирник, который устраивали выпускники нашего факультета. Я всегда скрывалась в общезитии от таких вот мероприятий, а тут подписалась.

Вроде все проходило как всегда, по обычному сценарию: куча выпивки, пение под гитару, пьяные танцы, философские беседы, даже травкой баловались. И тут появился ОН. Вовка сразу выделялся среди той шумной пестрой толпы, а я смотрела во все глаза и не могла отвести взгляда. И ничего в нем заразе не было такого, но что-то все же приковывало к нему внимание девушек. С одними он был хорошо знаком, и при встрече даже чмокал в

щечку, другие просто бросали в его сторону заинтересованные взгляды. Это было странно, но мое болевшего до того момента сердечко от предательства и растоптанных чувств, вдруг снова заколотилось. И при чем так бешено, что я чуть не потеряла сознание.

— Это кто? — уточнила я у своего однокурсника, который в этот момент оказался рядом.

— Этот что ли? — Кипень косо на него посмотрел, оценил, а потом выдал. — Это Светки Баевой бывший ухажер. Все никак успокоиться не может.

Ну да, кто я такая, чтобы тягаться с Баевой? Вот именно, по меркам красоты того времени, да и настоящего тоже, я больше подходила на роль героини в сериале «Не родись красивой». А может мне просто так казалось. После предательства Генки я перестала следить за своей внешностью, забыв, что чуточку макияжа, нормальная прическа, одежда без мешковатого покроя, и я могла бы стать красавицей. И даже немного потягаться с Баевой, хотя и проиграть, но проиграть с достоинством в честном бою.

— Она то приласкает его, то пошлет. В общем, держит на коротком поводке. А этот Краснослободцев тип мутный. Недавно милиция им активно интересовалась.

— Убил кого? — как можно безразличнее спросила я.

— А черт его знает. Я в такие подробности не вникаю.

А я наблюдала за ним. Впервые в жизни мне это казалось жизненно необходимым. Конечно, как он мог заметить серую мышь среди такой толпы красивых девушек? Чтобы освежить голову и мысли в ней, я отправилась на балкон. Ночь была тихой, при чем начинался сезон белых ночей, поэтому я наблюдала за течением Невы, которая с четвертого этажа была видна как на ладони. Я подкурила сигарету, что давно покоилась в пачке, лежащей на дне сумочки. Это все нервы. А родители о моей вредной привычке даже не догадывались.

С реки тянуло прохладой, которая заставила меня посильнее укутаться в безразмерный теплый халат, который предоставил все тот же однокурсник, делившийся несколько минут информацией об этом загадочном парне, он же являлся и хозяином этой огромной квартиры. Это была бывшая коммуналка. Несколько комнат были объединены вместе, превращая помещение, где сейчас проходили главные действия вечеринки, в огромную студию.

— Тоже скучаешь? — почему-то этот незнакомый голос вызвал в моем организме взрыв эмоций. Я даже не поворачивала головы, а уже знала, что это ОН. Боже! Боже! Боже! Я попыталась успокоиться, чтобы не упасть и грязь лицом, как некая овца, которая даже в словах теряется.

— Не люблю такие вечеринки, — ответила, выпуская в небо облако дыма. Помогало! Никотин действительно немножко глушил мое волнение.

— А что тогда делаешь здесь? — вопрос прозвучал грубовато, но головы я так и не повернула.

— Притащили, сказали нужно срочно отметить окончание учебы, — ответила, повторно делая затяжку. Сигарета подмигнула красным огоньком и снова превратилась в серый пепел.

— Так ты из этих? — уточнил он.

— От тебя это звучит как приговор, — усмехнулась я. — Даже стыдно, что я такая непутевая имею художественное образование.

— Просто со странностями вы, творческие люди, — он встал рядом, всматриваясь куда-то вдаль. Закурил. Повернулся. Посмотрел в глаза... И все! Я поплыла. Такого взгляда и таких глаз я не видела, я утонула, захлебнулась и не собиралась возвращаться назад. НИКОГДА.

— Хочешь отсюда сбежать? — предложил он.

— Собиралась после того, как докурю, — соврала я.

— А если составлю тебе компанию?

— Тебя не потеряют? — я посмотрела в сторону Светки, которая вроде бы и танцевала с каким-то молодым человеком, но все равно посматривала в нашу сторону.

— Какая осведомленность, — хмыкнул он. — Я решил, что пора менять свои интересы.

Полоснуло по сердцу мечом с красным лазером. Неужели, такая как Я, могла заинтересовать такого как ОН?

Остаток ночи мы гуляли по городу, а к утру оказались в небольшой однокомнатной квартирке, где он проживал с другом, которого в этот момент дома не было. Соседи от моих громких стонов стучали по батарее, но я не сдерживала себя. Впервые я чувствовала себя желанной, женственной в умелых мужских руках.

Так начиналась моя больная любовь, которая за несколько лет высосала из меня все соки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРО ОТНОШЕНИЯ АЛИСЫ И ВОВЫ

Вы когда-нибудь задумывались над выражением "больная любовь"? Если честно, я нет, до тех пор, пока не вышла замуж за Тимофея. Я каждый день анализировала то, что происходило между мной и Вовой. И понимала, что это были не очень нормальные чувства, а соответственно и отношения, когда порознь так хорошо, что хоть на стенку лезь, а вместе невозможно.

Когда я поняла, что это действительно любовь? Когда увидела его впервые, я заразилась Краснослободцевым, как можно заразиться гриппом. Эта зараза передавалась воздушно-капельным и половым путем, а вот лекарства от нее не было. Это было сродни Раку или СПИДУ, когда чувства тебя выжигают полностью прямо изнутри.

Нет, они не были безответны. После первых проведенных вместе суток, когда мы выбирались из постели в туалет, либо перекусить, я думала, что это все так и закончиться. Мне кинули косточку, как собачонке, погладили по головке и прошли мимо.

Я ушла из его съемной квартиры рано утром, пока после стольких потраченных сил, Вова восстанавливался, провалившись в глубокий сон.

Поймала на улице такси потому, что место своего нахождения я узнать не могла. Через несколько десятков минут попала в общежитие. Я привела себя в порядок и отправилась в деканат, чтобы узнать об образовании магистранта. Все-таки Петербург мне покидать не хотелось. Да, признаюсь, я была влюблена в мистическую загадочность города, но все же главной причиной были родители. Жить с ними под одной крышей, было выше моих сил и терпения.

— Доченька, как же это? — вздыхала в трубку мама — Мы с папой думали, что ты вернешься домой.

— Пока нет, мамуль! Ты не волнуйся, я не пропаду. Декан обещал помочь с работой, так что с голоду не умру.

— Ох, несчастная! Мы же с папой не отказываемся тебе помочь

— Вот и отлично, — заверила я. — Не скучайте, я скоро приеду на каникулы, немного погощу, — пообещала я, не зная тогда, как опрометчиво звучало это обещание.

Декан действительно обещал меня пристроить в картинную галерею экскурсоводом, чему я была несказанно рада. Тем более магистратура была только по направлению искусствоведение, что было мне по душе. Главное экзамены не завалить.

— Похлопochу, — пообещал декан. — Не многие наши стремятся идти в науку. Все больше сразу ищут работу.

А на следующий день в дверь общежития, где мне разрешили остаться еще на недельку для подачи документов, раздался стук.

Я как была в спортивных шортах и футболке, которая была подвязана узелком чуть ниже груди, открывая живот, направилась открывать гостю. В комнате было душно, поэтому даже не удосужилась обуть тапочки, прошлепав босиком по скрипучим половицам.

Распахнула... замерла, уставившись во все глаза на Краснослободцева, который стоял, упираясь обеими руками в дверной косяк. Холодные голубые глаза пробежались по мне, заставили забыть вообще, что существует такое выражение, как "дышать".

Вова сделал шаг вперед, переступая порог комнаты, а вот я так и не думала отступить, стояла как дура и наблюдала за его действиями, фотографируя все взглядом. Вот он прищурился, а вот криво ухмыльнулся, вот легкая морщинка прорезала его переносицу, а вот взгляд упал на мои губы. Губы?

В тот вечер я так и не вспомнила, что можно дышать самостоятельно. У меня был кислород, но он содержался в его поцелуях, руках, которые ласкали мою разгоряченную кожу, в его первобытных движениях, которые заставляли меня испытывать самый потрясающий оргазм.

— Ты почему вчера сбежала? — уточнил он, когда я уже погружалась в сон.

— Испугалась реальности, — честно призналась я.

— Привыкай, малышка, теперь твоя реальность я, — Вова меня поцеловал, и я счастливая отключилась в кольцо его рук.

Если бы я знала, что реальность может превратиться в кошмар, я бы не пустила его даже на порог комнаты.

И так каждое утро я просыпалась с ним. Я была счастлива потому, что, наконец, появился тот человек, которому я не была безразлична. Он встречал меня с работы, он ограждал меня от общения с неприятными мне людьми, правда еще и с теми, кто был неприятен ему. В их число входили все мужчины, которые потенциально могли бы занять его место. Ну, да ладно, мне еще лучше. Он решал мои проблемы, которые могли возникнуть вообще, даже мелкие. Да, это было приятно, пока не стало навязчивой идеей. "Туда не ходи", "Жди меня здесь", "С ним не разговаривай", "Что за взгляд у тебя?", "Почему юбка такая короткая?" и так далее. Все сходило к тому, что шаг за шагом я оказывалась под стеклянным колпаком; создаваемым человеком, которого я любила. Сбежала из под одного, а попала под другой.

В конце лета я решила навестить к родителям, как и обещала, даже билеты на поезд взяла, но спокойно уехать

не получилось.

— Зачем тебе туда ехать?

— У меня там родители, если ты забыл, — похоже, это был не аргумент.

— А еще там твой бывший...

— Который давно женат на другой. Успокойся, Володя, я люблю только тебя, и мне никто другой не нужен.

Но он обиделся. За ту неделю, что я провела дома, он со мной почти не разговаривал, только уточнял, чем я занимаюсь. Да и я извелась вся. Только тут я поковырялась в своих мыслях и поняла, что по сути о нем вообще ничего не знаю. Со своими друзьями Вова меня не знакомил, чем занимался, я не знала.

А когда по возвращению, я задала эти вопросы, то услышала лишь стук двери, которую захлопнули с силой.

Вова не появлялся три дня, а я рыдала и строчила ему сообщения, так как трубку он не брал. Плач мой переходил в рыдания, а рыдания — в истерику, которая не прекращалась, пока я не засыпала.

Так и жили, он обижался и уходил, я плакала, по его возвращению нас ждал секс-марафон, который снова заканчивался скандалом и моими слезами.

— Зачем я тебе, я ведь страшная? — выпрашивала я.

— Ты просто еще сама не видишь какая ты красавица, — Вовка меня обнимал, терся небритой щекой о мою и крепко обнимал. — Никому тебя не отдам. Ты моя! И я любого прибью, кто окажется рядом.

От этих слов сердечко екало, и я снова пропадала.

Как-то раз даже ударил за то, что я его не послушала. Моей обиды хватило на несколько часов, так как его напора с извинениями я не выдержала. Купил огромную корзину цветов, клялся, что это было в первый и последний раз. А было ли оно так? Нет. Видимо, ему понравилось показывать, что он сильнее, что он может поставить меня на место без особого труда, а я терпела и прощала.

Полтора года длилось это безумие, пока я не поехала домой на побывку. Был канун Нового года, Вовка уже два дня не появлялся, ссылаясь на свою занятость, мол, дел много, подожди, малышка. Вот я и уехала, решив, что могу самостоятельно принимать такие решения.

Городок у нас не большой, нет такой слякоти, как в большом многомиллионном городе, поэтому настроением праздника зарядилась быстро. Да и пейзажи, одетые в снежные шубы недалеко от дома, поражали воображением и вдохновляли.

Папа уже получил внеочередное звание, возглавил дорожную полицию города. Я понимала, что простому милиционеру на большой загородный дом, коим владела моя семья, просто так не заработать. Но папу я люблю, поэтому закрывала глаза на его работу, ну и пользовалась его любовью и щедростью.

Я рисовала на заднем дворе пейзаж зимнего леса, когда он меня окликнул. На улице было морозно, поэтому с выбором одежды я не церемонилась, надев шапку-ушанку, теплые штаны и папину куртку, где могло бы поместиться две меня.

— Привет, дорогая! Ммм! Какая красота! — он чмокнул меня в щечку. — Мать зовет обедать.

— Я чуть-чуть попозже, пап, — надула капризно губки. — Только-только вдохновение пришло.

— Я знаю, что ты можешь зависнуть здесь до вечера. Кстати, знакомся, — он заставил меня повернуть голову за спину. — Это сын моего друга, Тимофей Агеев. Откомандирован к нам на некоторое время.

— А это моя дочь, Алиса. Хотя, мне кажется, вы должны быть знакомы. Когда вы были маленькие, мы часто приезжали к вам в гости.

Кого я увидела в лице Тимофея Агеева? Это был молодой человек примерно с мой рост, не красавец, но и уродом его трудно было назвать. Голос, когда он здоровался, был довольно приятный. Но не то! Это был совсем не тот человек, который мог меня заинтересовать. Я помнила его с детства, но не четко, видимо, была совсем маленькой, или это было не самое впечатляющее знакомство на тот момент.

А вот интерес в его глазах я заметила уже тогда. Женщины чувствуют, когда нравятся мужчине. Это все проявляется на уровне инстинкта. Ну и мои догадки подтвердила мама тем же вечером.

— Тебе пора уже заняться своей личной жизнью, — заявила она.

— Ты на Агеева намекаешь? — я и не была удивлена, если честно.

— Парень он хороший. Да, не красавец, но зато с перспективами...

— Мам, — продолжить нахваливать Тимофея я ей не дала, — я со своей личной жизнью разберусь как-нибудь сама.

Рассказывать о Вове не хотелось. Отец в силу своей работы обязательно бы начал «пробивать» его личность по всем возможным каналам. Ты что, дочь связалась с каким-то незнакомым типом. Ну, и конечно, могло вылезти то, что Краснослободцев от меня так тщательно скрывал. Мне казалось, что меня отпугнуть от него уже ничего не сможет. Я любила, и это я осознавала прекрасно.

Мы с ним ругались, расставались, уходили, но все равно мы оказывались вместе. И находясь от него вдали, я понимала, что меня начинало «ломать» как отъявленную наркоманку.

А ещё я понимала, что о замысле моих родителей Вове лучше было не знать. Он и так довольно резко относился к тому, что я ездила к ним, а тут еще Тимофей, который в их сознании, идеально подходил для моей творческой натуры.

Встречала Новый год я тоже в родном доме, изведаясь, потому что на мои звонки Володя не отвечал.

— Что-то ты совсем не весела, — ко мне за столом подсел Агеев, налил в пустой бокал шампанского и предложил мне. — И меня избегаешь.

— Я и не обещала никому, что буду с тобой общаться, — довольно резко ответила я.

— Не понимаю твоего агрессивного настроения. На твою свободу я не претендую, а вот другом буду с удовольствием, — он улыбнулся довольно открыто и я расслабилась. Какие бы скрытые мотивы не таились в его голове, друг мне был нужен. Да, друг тайный, но все же. Должна же я общаться с посторонними мужчинами. А то кроме папы и двух преподавателей, которые вели у меня занятия, в круг общения ко мне допускался только Вова. И опять, вспоминая о нем, у меня болезненно сжималось сердце.

— Посмотрим, Тимофей. Я пока ничего обещать тебе не могу.

И отвернулась, набирая заученный наизусть номер.

— Да, солнышко, — раздался любимый голос. — Как у тебя дела? Как родители?

— Все в порядке, спасибо! Я завтра возвращаюсь назад. Встретишь?

— А зачем, мы с тобой поедem вместе, родная. Встречай гостя, — тон был его довольный, а я не сразу сообразила, что в доме раздался звонок в дверь. Мама, как хозяйка в ярком вечернем платье поплыла отворять.

— Кто там потерялся? До боя курантов пять минут осталось, — ворчал папа. И тут, за мамой с растерянной гримасой на лице, в комнате появляется Краснослободцев. Он улыбается во все свои белоснежные тридцать два, здороваются с присутствующими, и по глазам родителей я понимаю, что от меня ждут объяснений.

— Привет, солнце! Я добрался, извини, что опоздал, — он целует меня, ноги подкашиваются от ощущений его запаха, его теплых губ на своих. Значит, пришла пора познакомить родителей со своим любимым, ну и соответственно и всех гостей, что собрались в нашем доме.

— Мам, пап, — начала я, — это мой молодой человек, Владимир. Я просто хотела сделать вам сюрприз.

Судя по тому, как мама приложила руку в область сердца, а папа промокнул салфеткой лоб, сюрприз удался на славу.

— Присаживайтесь, Владимир, — первая нашла мамуля, она поставила еще один прибор, освободив место для новоиспеченного зятя рядом со мной, но праздник мы встретили.

А после того, как гости разошлись, меня ждал очень долгий и обстоятельный разговор. Вова, как джентльмен, остался со мной, отвечал на поставленные профессионально вопросы папы. А я при этом узнала много нового о своем «женихе», коим назвался Вова.

— И ты готов на мне жениться? — удивилась я, когда провожала его на пороге дома. Он остановился в гостинице, чтобы не напрягать моих родителей.

— Когда —нибудь это случится, — чмокнул он меня.

— И что это такое? Какое отношение этот оборванец может иметь к нашей семье? — услышала уже после его ухода.

— Пап, я взрослый человек, и способна сама решать, с кем мне жить, с кем общаться.

В общем, та ночь закончилась крупным скандалом. И как я узнала спустя много лет, серьезным разговором папы и Агеева.

Мы с Краснослободцевым были уже на вокзале, когда неожиданно я столкнулась с Генкой. Он несся на всех порах к выходу, и судя по выражению лица, был безумно доволен.

— О! Алиска! Привет! — он прям светился. — Давно тебя не видел! Как похорошела!

— Здравствуй, Гена, — я думала, что когда его встречу после нашего расставания, то обязательно выскажу все. Но держа за руку Вову, понимала, что это будет ниже моего достоинства. Не стоит он того, чтобы я что-то ему говорила.

— А я своих отправил отдыхать. Теперь полностью холостой. Не хочешь, тряхнуть стариной? — кажется, моего спутника он даже не замечал. Ну и зря! Кулак Краснослободцева прилетел прямо Денисенко в нос, от чего тот взвыл от боли. А меня, как куклу за собой потащил разъяренный Вовка. И от него я получила хорошую взбучку, правда пока словесную, а дома еще и синяк с обвинениями, что я шалава. Теперь был мой черед вымалывать прощение, хотя, по сути, я ни в чем не была виновата, но мысль о том, что он снова уйдет, разъедала внутри.

— А я тебе говорил, что не нужно ездить к родителям. Вот результат. Это не самая хорошая для тебя компания.

— Больше не поеду, хороший мой, никогда, — обещала я, трясясь внутри от вины на себя саму.

— Если узнаю что, Алиска, я тебя убью, — и по газам я видела, что он не шутил. Убьет меня в первую очередь.

Дальнейшая моя жизнь превратилась в крошечный ад. Если до этого она контролировалась до шага, теперь до секунды. Вовка считал, что я могу ему изменять, поэтому даже после каждой пары, что вел преподаватель-мужчина,

он появлялся в институте. Успокаивало, что на работе коллектив был женский, за исключением электрика Саньча, который кроме бутылки ничего не замечал.

А однажды в холодный январский вечер в квартиру, где мы с Володией жили, позвонили, а на пороге стояли представители ГУВД. Они поинтересовались моим сожителем, обозначив его статус таким некрасивым словом.

— Я не знаю, — честно призналась я. Хотя, наверное если бы даже знала, не сказала бы.

— Послушайте, гражданка Иванова, тот, кого Вы прикрываете совершил ряд тяжких преступлений, связанных с незаконной торговлей оружия, а следовательно и убийством нескольких человек, — заявил один из гостей.

— Я не понимаю о чем вы, — и я действительно не просто делала вид. А еще не верила. Пришли тут двое и предъявляют не понятно что.

Так и остались, отобрав телефон, отключили домашний, отрубая все возможности предупредить Вову. Он явился на следующий день и на мой крик «беги» не успел во время среагировать. Его арестовали.

А потом началась эта вереница с допросами, сюда подключился и отец с доказательствами, что Вовка избил до полусмерти моего бывшего жениха Гену Денисенко. Но это была малая толика того, в чем его обвиняли. Я слезно просила папу помочь, но он наотрез отказался, заявив, что уголовнику в нашей семье не место, хотя мама исполняла роль «добротного полицейского». Оставался только один выход — Тимофей, который, помнится, предложил мне свою дружбу. Он имел влиятельного отца в органах, ну и сам занимал не самую последнюю должность.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ВСЕ ДВИЖЕТСЯ ОТ БОЛЬШОГО ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ С НЕБОЛЬШИМ ПУТЕШЕСТВИЕМ И СЛУЧАЙНЫМ ЗНАКОМСТВОМ

Этот месяц до суда для меня прошел как в аду. Мне не хотелось ничего, даже жить. Тимофей все время был рядом, подбадривал, даже подсуетился на тот счет, что Вова на скамью подсудимых попал как соучастник, а не организатор. Хотя по сути доказательства его вины были посредственные, но я не вникала. И что самое важное, я не заметила как сама начала обвинять Краснослободцева. Вроде сама рыдала и проклинала за то, что он такой нехороший. Конечно, это мягко сказано. Я уже потом поняла, что Тимофей просто втирался ко мне в доверие, ну и внушал, что Вовка преступник, что он не контролирует себя, что по его вине погибли десятки людей. А в итоге получалось, что это были мои мысли. По крайней мере, я ведь так думала. На свидание с ним меня не пустили, мол, чтобы оградить от нервных потрясений. Я не знаю, кто это планировал, но в итоге я сама себе внушила, что Тима это лучший вариант для моей дальнейшей жизни. Вовку мне никто не запретит любить, а я слабенькая девочка, которой нужно сильное плечо рядом. Может, я бы и могла еще бороться, ведь Краснослободцев этого мне никогда бы не простил, но в одно прекрасное утро я проснулась в объятьях другого мужчины.

А я-то думала в плену своего горя, что мне все это показалось. Я не знала, как это случилось, этот отрезок просто исчез из моей памяти. Воде он только что меня горемычную успокаивал, а тут вдруг я уже раздетая и уже утро, лежу на плече Тимы.

— Я всегда буду рядом. Я буду тебя защищать, — пообещал он, сжимая меня в объятьях. А я молчала, понимая, что это конец моей большой любви.

Но судьба дала еще одну надежду. Выяснилось через несколько дней, что я беременна. Я не верила своему счастью, случилось чудо, у меня будет ребенок от любимого человека!

— Я готов принять его, как родного, — заявил Тимофей. — Только у него будут мои фамилия и отчество.

А я не хотела этого, ведь у ребенка был отец, он был жив. А тут ему запрещают даже говорить о ребенке.

А потом опять так мягко, ненавязчиво.

— Это ребенок преступника, представь какие у него гены.

И все в один голос. А я любила этого малыша, снова впадала в истерику, и как овца верила Агееву, что все будет хорошо.

А он так и говорил, ведя меня за руку к врачу

— Все будет хорошо! Нам ведь нужны нормальные дети.

И что-то сломалось внутри. Мне бы бежать от него еще тогда, сбежать из этой пустой больницы. Но я жалела себя, у меня же такое горе, любимый человек оказался за решеткой. А тут раз, ты приходишь в себя от наркоза, а ребенка нет. И Тимофей рядом сидит, гладит по голове и обещает, что все будет хорошо.

А было ли оно это ХОРОШО? Наверное. Меня сломали, и пока я не пришла в себя переделали как и пластилина, сделали новую вещицу, которая вроде выполняла все функции живого человека, но душа находилась в коме. Без чувств, без эмоций. Я даже не понимаю, как смогла закончить учебу, потому что делала все на автомате. Мне дали команду, я выполнила ее как робот.

— Я хочу уехать из Питера, — это было первое желание за последние полгода, которое было озвучено вслух.

— Конечно, езжай, отдохни, — одобрил идею Тимофей.

— Нет, я сюда не вернусь. Я не настаиваю, чтобы ты поехал со мной.

— Я поеду, — ответ он дал незамедлительно. — Тем более, меня здесь уже ничего не держит, я уволился из органов несколько дней назад. Пора возвращаться в родные края.

Он был рядом на протяжении долгого времени, поддерживал меня в трудные минуты, дал мне свободу выбора (как мне казалось), любил меня. Мне не оставалось ничего другого, как ответить на его чувства. Пусть не полной взаимностью, но все же... "Преступнику рядом с такой девушкой не место" — это были мои мысли, опять же, как мне казалось. Долгое время я пыталась найти себя, и начала что-то чувствовать, мир уже не казался блеклым и серым, но только я так и не смогла взять в руки ни карандаш, ни кисть. Все свои рисунки с изображением Вовы я сожгла. Мне нужно было исцеляться, и свое лекарство я нашла в Тимофее, который весной мне сделал предложение выйти за него замуж. И я согласилась, не раздумывая, подавив в себе тот горький осадок, который остался после всей этой истории. Нет, его я не обвиняла, так было нужно и так было правильно. Мы с Вовкой оба понесли заслуженное наказание за свою любовь. А она иногда напоминала о себе. И о ребенке, которому я так и не дала появиться на свет, я попыталась поскорее забыть. Это моя новая жизнь, а Вовка и плод нашей любви остались в прошлом. В знак этого я даже поменяла прическу и цвет волос, сменила имидж, спрятав все свои любимые "балахоны" на чердаке. Плюс ко всему мне подвернулась Арина.

Там в том кафе я почему-то сразу ее узнала. Вроде никогда не общались, да и знала я ее всего два года, а вот узнала. И ноги меня сами понесли за тот столик, и язык заговорил сам. И что самое приятное, она меня тоже узнала, и на Тимофея не смотрела приценивающимся взглядом, как это положено у одиноких девушек. Да, водить дружбу с женским полом я все еще боялась, но что-то было в ней такое, заставляющее поверить в нее и заразиться этим энтузиазмом. Она собиралась открывать ресторан, а я как раз сидела без дела на шее будущего мужа. Мне нужно было чем-то себя занять.

— Я хочу помочь Арине, — сообщила я Тиме тем же вечером.

— Дело твое, но она мне не внушает доверия.

— Но ты ведь сам говорил, что знал ее деда.

— Деда, крошка, но не ее.

Выбор я делала сама, когда пришла к Аринке в ресторан, который находился давно в запустении. И, по моему мнению, это было самое правильное решение, которое я принимала за последнее время.

* * *

— Нихренашечки себе, — округлила глаза подруга. — А я думала все там банально, ты бросила этого парнишку из-за Тимохи, в которого влюбилась. А оказывается вот оно как. Не думала, что твой тихий муж способен заставить девушку в минуту слабости сделать аборт. А почему сбежала? — она смягчала свои выражения и я видела, что не пыталась на меня давить. За это я и была благодарна Арине.

— Расскажу завтра по дороге. А может, когда продегустирую все предложенные винодельнями вина, — рассмеялась я.

— Тогда давай по кроваткам, а рано утром выдвигаемся. Нам ехать больше двух часов, чтобы добраться до пункта назначения. И в путешествии тебя ждут последующие два дня, а может, мне понравится, и я задержусь, — рассмеялась Арина. Я скучала по этому смеху, безумно скучала.

В ту ночь я долго не могла сомкнуть глаз. В этом была виновата не погода с ее начавшимся душным периодом в темное время суток, а воспоминания, которые я так тщательно прятала внутри. Это были мои воспоминания, которыми я ни с кем не делилась. А тут вдруг прорвало. Но на душе действительно полегчало. Это правильно, когда твой тяжелый груз помогает тебе нести близкий человек, когда тебя утешат, поддержат и выслушают.

Я прекрасно знаю, что выспрашивала у меня это все Арина не из праздного любопытства, а чтобы понять меня. Не зря мы тогда столкнулись. Я всегда считала, что все люди в нашей жизни это проходящие и уходящие персонажи, которые нужны нам для чего-то, чтобы понять что-то или чему-то научить. В этом случае, мы с Ариной друг другу попались, чтобы поддержать друг друга и помочь преодолеть все те трудности, которые готовила нам жизнь.

Я расхаживала по балкону в белой легкой сорочке, вглядывалась вдаль, туда где шелестело волнами море и словно терялась в этом звуке. Нет, нужно прекращать думать. На ночь это ни к чему хорошему не приводит. А завтра будет новый день, завтра я с подругой отправляюсь в маленькое путешествие, я свободна, независима и оказывается не такая слабая девочка, какой хотела казаться, или какой меня считали остальные.

С рассветом в мою комнату ворвался голос подруги, которая тормошила меня за плечо.

— Проснись, несносная девчонка. Вставай, а то я через десять минут уеду одна, и мой алкоголизм будет на твоей совести, — шипела она зловещим голосом из фильмов ужасов.

— Встаю, тиран. Дай еще три минуты, — прохрипела я, с трудом разлепляя веки. Правда, нужно было лечь раньше, а не бродить по балкону, как привидение. Встала! Еле-еле, но это у меня получилось. Затем следовал прохладный душ, утренние процедуры с моей внешностью, которые состояли в сборе волос в пучок, протирании лица бальзамом, чистке зубов ну и конечно в напяливании на себя какого-нибудь легкого балахона, желательно белого цвета, чтобы не было так душно. Для этого случая в моем гардеробе нашлись короткие шорты из тонкого хлопкового джинса и широкая льняная сорочка с рукавом 3/4. А нижнее белье заменил купальник потому, что в планы входило по пути посетить парочку пляжей. А что? Никто не запрещал освежиться в такой зной.

Юг Италии, Калабрия, которая занимает самый мысок итальянского сапога. Я сама не знаю, как меня угораздило сюда попасть, но из Рима, где я оказалась после перелета из России, я быстро перебралась сюда даже не задумываясь.

Пейзажи этой части Италии поражали своим масштабом и воображением. Я любила писать их, вдохновляясь одной только мыслью, что принадлежу этому миру. Дороги петляли между прибрежными равнинами, терялись в холмах, сплошь покрытыми виноградниками, а потом уходили в горы в форме серпантин. И самое важное, здесь везде был необыкновенный запах виноградной лозы, моря и еще чего-то, что я называла свободой.

А самое интересное, что здесь виноградные кусты имеют форму маленького деревца, называемого здесь

альберелло. Такая форма выращивания винограда присуща только югу. А еще, а еще...Здесь просто потрясающе. Все побережье занимают маленькие одноэтажные города, с архитектурой прошлого столетия — каменные стены и красные черепичные крыши. Они наполнены туристами, поэтому вопроса в том, где остановиться на ночлег или просто поесть, не возникало. А еще интересное явление, было в том, что встречать Рождество и Новый год, я всегда ездила в центральную часть региона, где зимой выпадал снег и стояли морозы. Конечно, с нашими русскими их сравнивать было бесполезно, но для меня эти праздники не могли обходиться без снега.

Через пару часов, мы въезжали в одну из крупных винодельческих областей Калабрии — Чиро. Две красивые девушки на фоне южной Италии в белом кабриолете могли произвести впечатление. Но так комфортно я себя не чувствовала давно.

— Боже мой, — воскликнула Арина, делая глубокий вдох, — если и существует рай на Земле, то он здесь.

— Теперь понимаешь, почему я перебралась сюда.

— Понимаю. Когда буду старенькая, брошу весь свой бизнес и перееду. Буду выращивать виноград, и жить в свое удовольствие, — заявила она мечтательно.

— Думаешь, своего Барышника сможешь выгнать из зоны комфорта, которую он себе создал на Родине?

— Я постараюсь. Я что зря ему детей рожаю? Пусть расплачивается потом.

За день мы объехали две коммуны из четырех имеющихся в провинции — это Круколи и Чиро. Конечно, о встрече с потенциальными поставщиками Арина договаривалась заранее, хотя двери крупных виноделен были открыты всегда для туристов и простых зевак, которые решили посмотреть, как устроено это нелегкое занятие. Вообще существуют в этой стране так называемые «Винные туры», которые очень часто привлекают огромное количество желающих посетить винодельческие хозяйства, ну и попробовать знаменитое на весь мир вино.

Конечно, главным дегустатором была я. Ох, и как же мне это нравилось. Чуть-чуть сухого вина, чуть-чуть красного полусладкого, глоток розового, а потом еще глоток другого сорта, вот классическое белое в нескольких вариантах и все... Алису пора окунать в море...хотя нет-нет, синьорину Буджардини. Вот так правильно! Арина решала все деловые вопросы, связанные с поставками выбранных мною сортов в ее ресторан, а я тем временем накала так, что до гостиницы, которую нам посоветовал хозяин одной из виноделен, я добралась хоть и на своих двоих, но в беспамятстве.

— Вы берегите подругу, — услышала я сквозь сон отчетливую русскую речь, принадлежащую довольно приятному мужскому голосу.

— Спасибо! Она мне помогала, вот и нахрюкалась алкогольчика, — в голосе Аринки сквозило легкое веселье.

— Не бойтесь, что спойте? — поинтересовался незнакомый голос.

— Аришка, у тебя муж и трое детей. Прекращай мужиков клеить, — сказала ли я это вслух, или просто подумала во сне, я не помнила. Но легкое касание руки и убаюкивающий голос подруги сделали свое дело, я провалилась в глубокий крепкий сон.

Завтрак в отеле подавали рано, его я, конечно, проспала. Было безумно стыдно смотреть на себя помятую в зеркало, но как ни странно, похмельный синдром мою голову совсем не мучил. А еще безумно хотелось курить, но зная, что у беременных нюх как у собаки, от этой процедуры я воздержалась. Почему-то не хотелось мне неидеальной продемонстрировать подруге свои вредные привычки. После того, как Вовку посадили, я курила, при чем очень много. Затем бросила по просьбе Тимофея, который вел здоровый образ жизни. После моего побега, вредная привычка вернулась, но того человека, кто бы мог меня попросить от нее отказаться, я пока не встретила.

— Болеешь? — уточнила Арина, когда я все же соизволила появиться в кафе при гостинице. Она уплетала мороженное, а местонахождения ее я узнала по сброшенному мне сообщению.

— Тяжело, но не смертельно. Теперь я поняла слова Марчелло о том, что дегустировать лучше малыми глотками, — тяжело плюхнулась на стул напротив нее.

Кафе собой представляло небольшое помещение с мощными камнем стенами, живым плющом, вьющимся по ним, массивной деревянной мебелью светильниками в виде керосиновых ламп. Представляю, как здесь было здорово вечером.

— Значит, ко второму этапу алкотура ты готова? — усмехнулась подруга.

— Лечение от алкозависимости будешь оплачивать мне сама, — заявила я, утащив клубничку из ее мороженого.

— Фу, где только тебя культуре учили? — рассмеялась Арина, а потом посмотрела куда-то мне за спину и замахала рукой. — Захар, добрый день! — огласила она помещение своим звонким голосом.

— И кто-то мне говорит о культуре? — пробубнила я. Голову поворачивать мне было лень, поэтому я дождалась пока виновник светящейся улыбки моей подруги подойдет к нам. Долго ждать он себя не заставил.

— Добрый день, дамы! — поприветствовали нас. Я пнула под столом Аринку, одарив ее вопросительным взглядом, мол, как она уже успела подцепить мужика здесь. И вот он явился во всей своей красе, если эту внешность можно было так назвать. Ну, то, что мужчина был симпатичный, это понятно, а главное внешность его

притягивала. Хотелось на него смотреть и слушать этот хриплый голос. Нет, как потенциального любовника я его даже не рассматривала, мне хватило тех отношений, которые были у меня до этого. Ни одни из них не получили благополучный исход. Поэтому «отдых» и «свобода» были ключевыми понятиями в моей нынешней жизни.

— Как Вы себя чувствуете, Алиса? — хм, это он мне? Откуда?...Как? Еще один вопросительный взгляд на сияющую Аринку.

— Захар Георгиевич помог мне вчера затащить твою тельце в номер, — отрапортовала подружка. — Ты уснула в холе гостиницы на диване, пока я нас регистрировала. Сама тебя я бы не подняла наверх.

— Боже! — я спрянула глаза за ладошкой, которую приложила к лицу. — Как стыдно-то.

Кроме стыда внутри меня бушевало еще и раздражение, потому что какой-то незнакомый мужик таскал меня на руках, а я об этом даже и не догадывалась. Значит, те голоса в номере не были плодом моего воображения.

— Присоединяйтесь к нам. Моя подружка скоро перестанет заниматься самобичеванием и Вы поймете, что мы очень приятная компания, — предложила Арина все тому же мужику.

— Я и не сомневаюсь в этом, — он сел на свободный стул, а я опустив глаза ковырялась в мороженном, которое мне только что принесли. — Только Вы так легко приглашаете незнакомого мужчину в свою компанию. Не опасаетесь, что я могу оказаться серийным убийцей или маньяком.

— Ну, думаю, беременную женщину Вы не тронете, а вот Алисе нужна какая-нибудь сексуально-маньячная взбучка, — рассмеялась подружка и даже не обратила внимание, как я ее начала пинать под столом.

— Вы меня прям ставите в неловкое положение, — улыбнулся Захар.

— Это хорошо, значит, Вы не маньяк.

А потом мы снова продолжили свое небольшое путешествие, которое в этот раз закончилось более благополучно для моего организма.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ О ВОЗВРАЩЕНИИ К ЖИЗНИ

Провожала я Аринку со слезами на глазах. Как бы ни было хорошо мне здесь, а по своим близким я скучала. Предыдущую ночь мы провели за разговорами, не хотелось терять такие драгоценные секунды, что нам отсчитало время.

— Ты давай, не дури и приезжай хотя бы погостить к нам, а там может и наладится все, — предложила она, обнимая меня за плечи.

— Там уже ничего не может наладиться. Но я обещаю, как пересилю свой страх и желание убить половину людей, с которыми была когда-то связана, я приеду, — пообещала я.

— И с Римой свяжись. Она тоже переживает, при чем очень сильно, — наставляла меня подруга. — И осторожнее будь тут.

— Обещаю, мамаша, все выполню, как ты сказала, — рассмеялась я. — А ты мою сладкую девочку целуй, мою доченьку.

И вот я уже смотрю вслед удаляющейся фигурке, которая плывет среди людей ярким пятнышком. А душа сжималась от боли и осознания, что внутри становится пусто. Там была Арина, там была моя крестница, которую я не видела два года, там была Рима с ее вечным оптимизмом, Полинка, которая в последние несколько месяцев перед отъездом выслушивала мое нытье по поводу моей жизни. А теперь я снова осталась одна.

Здесь были детки, которых я учила рисовать, здесь были люди, с которыми я общалась, но это было все чужое, как бы я не любила свою новую жизнь. Хотя и Арину я знаю недолго, но роднее для меня человека сейчас не было.

С родителями я все это время не общалась. Причина? Она довольно банальна — обида. Наверное, я слишком часто ставлю себя превыше всех, и кто-то скажет, что это даже эгоистично, ведь все желали мне только добра. Но я соглашусь. Просто для меня сейчас настал период, когда я думала в первую очередь о себе. Не о том, что скажут люди, не о том, что подумают близкие, не о том, хорошо ли со мной окружающим, а о своем благополучии. Мне сейчас комфортно в этой теплой солнечной стране, а весь остальной мир пусть идет к черту.

Ну, вот с Ариной получилось так, как это смотрится со стороны — она меня не бросила, не обманула, не пыталась никогда навязать своего мнения. И это на данный момент моей жизни было важным показателем.

После побега из своего родного городка, я решила, что лучшее место, чтобы начать новую жизнь, это затаиться где-нибудь в таком же небольшом городе. Начальным местом жительства был город Реджо Калабрия, где я снимала небольшую комнату. А потом уже после путешествия по региону мне приглянулся маленький городок, недалеко от Реджо — Шилла, где собственно, я и пустила корни. Сам городок довольно популярен у туристов из-за своей главной достопримечательности — замка Руффо, возвышающегося над пляжной бухтой, ну и, конечно пляжем, где проходят главные фестивали региона, отличные дискотеки и рестораны, в которых готовят рыбу-меч, считающуюся символом города.

Поселилась я в маленьком домике, недалеко от моря. Им когда-то владела семья рыбаков, но дети переселились в большой город и забрали родителей. Так что он несколько лет пустовал, иногда сдавался туристам. Купить его, конечно, мне было не по карману, потому что тратить все свои сбережения на жилье было бессмысленно, так что каждый месяц я платила арендную плату, и сама спокойно существовала в доме, как хозяйка. Работу было найти здесь не тяжело, тем более со знанием английского языка. На первое время устроилась в один из многочисленных ресторанов официанткой, чтобы не тратить накопленный капитал, а уже спустя полгода, когда подучила язык, решила, что пора заняться любимым делом. Расслабившись, и поняв, что меня в ближайшее время никто не найдет, я снова начала рисовать.

В этот момент я почувствовала, как камень упал с моих плеч. Я заново начала дышать, вымазанная в краску, которая очень тяжело смывалась с рук.

— Слушай, — остановила меня как-то благочестивая соседка, которая от имени хозяев сдавала мне дом, — у нас тут в школе требуются учителя, а ты, я посмотрю, здорово рисуешь. Не хочешь себя попробовать в этом деле. Да и платят больше, чем официантке.

— У меня нет диплома, — пожалала я плечами. Перспектива была заманчива.

— Ну, думаю, с этим проблем не возникнет, директором в школе работает дочь моей подруги. Я поговорю, если хочешь. Закончишь курсы, и работай.

А оказывается, мир не без добрых людей.

И через два дня я стояла перед взрослой женщиной, которая сканировала меня взглядом, видимо, составляя такти образом мнение.

— Вы не итальянка, скорее всего у Вас славянские корни, — заключила она.

— Это так важно? — конфликтовать с потенциальным начальством мне не хотелось.

— Наверное, нет. Мне Вас отрекомендовали, как хорошего специалиста в своем деле. И даже если Вы не успели закончить колледж, мне важно, чтобы детей, которые находятся под мое опекой, Вы смогли обучить тому,

что умеете и знаете. Мне важно, чтобы Вы смогли завладеть их вниманием. Поэтому я не буду пытаться Вас о происхождении, о том, как Вы оказались здесь, я хочу увидеть Ваш профессионализм.

Фух, похоже я ошиблась потому, что деликатности и сдержанности этой женщине было не занимать. А в голове у меня зрел план, как же мне завладеть вниманием сорокалетней особы со стальным характером и кучей детишек, которых кроме гаджетов и интернета ничего не интересует.

В этом мне помог попавшаяся на глаза банка клея, которая оказалась здесь по какой-то совсем мистической случайности. Рабочие просто переносили строительные материалы, а эту банку забыли. Я попросила кисточку, песок и холст, на котором смогла бы показать свои способности. На моем экзамене было слишком много присутствующих, но это оказалось даже кстати. Я начала вырисовывать линии клеем, которые в будущем должны были превратиться в картину. Все присутствующие замерли в немом молчании. Что такого я могу им показать с помощью прозрачной консистенции на белом холсте? Я вспомнила этот трюк, который нам показывал один преподаватель еще на первом курсе.

Один взмах лотком с песком и «вуа-ля», на холсте девушка, стоящая на обрыве, смотря вдаль, а на горизонте виднеется корабль, плывущий в ее направлении. Сначала в немое молчание ворвались «ахающие» звуки, а затем раздались аплодисменты. Дети восторженно кричали «браво», потенциальные коллеги восторженно присвистывали, а их руководитель, сложив руки на груди, довольно улыбнулась и махнула мне головой в знак согласия.

— Это наш новый учитель рисования, — огласила она вердикт, тем самым давая мне шанс действительно начать новую жизнь.

Общение с детьми было бесценно. Это просто восхитительно, когда несколько десятков пар глаз смотрят на тебя и ждут чуда. Я не только давала уроки в учебное время, так же выбрала наиболее талантливых и склонных к рисованию ребятшек, с которыми занималась дополнительно. Некоторые из них были из бедных семей, и родители, естественно, не могли приобретать дорогие краски, или холсты, это для них я приобретала сама. Я видела, как они стараются, как стремятся, это было самым важным в моей работе.

А в благодарность от родителей я всегда получала свежую рыбу, либо фрукты из их собственных садов, причем возражения в этом случае не принимались. Так за полтора года меня стали узнавать в районе, относиться с уважением, со мною здоровались и интересовались делами. Даже прозвище получила «Signorina Pittore», что означало «синьорина художница».

Это утро было обычным, прошло три дня с отъезда Арины, и я стала возвращаться в свое нормальное русло, в котором жила до нее. Не знаю почему, но именно сегодня захотелось выглядеть не просто хорошо, а сногсшибательно хорошо. В этом мне помогли желтое платье в крупный черный горох с расклешенной юбкой, туфли-лодочки на шпильке, объемная прическа с плетением, ну и легкий макияж. На работу я шла с замечательным настроением.

Я видела, с каким неподдельным интересом за мной наблюдал мой новый сосед, ковыряясь в машине, я видела, какими взглядами меня провожали женщины и встречные мужчин, как здоровались с улыбкой на лице и восхищенными глазами знакомые. А на работе каждый так и норовил задать вопрос о том, что же произошло на выходных. А я просто чувствовала себя живой. Мне нужна была потребность в том, чтобы меня заметили. Надоело скитаться среди людей серой неприметной мышкой.

В обеденный перерыв я приняла приглашение своего коллеги, который преподавал математику в младших классах, вместе пообедать. Я никогда не пыталась сблизиться с этими людьми, но сегодня я позволила себе немного расслабиться на этот счет.

Джузеппе оказался прекрасным собеседником с хорошим чувством юмора, жалко, что женатым. Он очень интересно рассказывал о своей семье, в которой росли четверо детей, а еще пригласил меня отужинать в их семейном кругу, куда входили две бабушки, дедушка, родители с обеих сторон, сестра с мужем и их двое детей, двое братьев с женами со стороны жены, так же имеющие детей, правда по двое и, конечно, их маленькие сорванцы. Я обещала подумать, а сидела и слушала с открытым ртом, как Дарио делает успехи в футболе, как Никола разбил вчера у соседней вазон с цветами, как близняшки Эрминия и Федерика делают первые шаги и уже показывают свой характер. Боже, а я сидела слушала и завидовала. Иметь такую огромную дружную семью, это ведь так здорово. Если бы у меня когда-нибудь так было, но дети — это моя больная тема.

После того, как мне сделали аборт, врач сообщил новость, которая тогда для меня еще ничего не значила.

— Вероятность девяноста процентов, что детей ты иметь не сможешь, — заявила тогда женщина, стоя перед моей кроватью.

— Но ведь есть вероятность, что смогу.

— Маленькая. Если твой организм сможет выносить ребенка, то это будет чудом.

А дальше бесчисленное множество попыток забеременеть, четыре выкидыша, при чем последний уже на третьем месяце, бесконечное множество врачей, которые пытались исправить ситуацию. Но ничего. Тимофей

лишил меня самого главного в жизнь — ребенка. Я бы смогла ему простить все, даже то, что он подставил моего любимого человека, чтобы освободить себе место подле меня, но то, что он воспользовался моей слабостью и заставил сделать аборт — это простить не возможно.

А я хотела, очень хотела большую семью.

— Алиса, здравствуйте! — в рассказ Джузеппе ворвался знакомый мужской голос. Я вздрогнула от неожиданности и решила поднять голову.

— А! Захар Георгиевич, приветствую. Вы какими судьбами забрели в Шиллу? — поприветствовала я его как можно более беззаботным тоном.

— Говорят, здесь отлично готовят рыбу, — он перевел взгляд на моего спутника, тогда как я оглядывала милую женщину, которая держала его под руку. Лет ей было немного за пятьдесят, причем, этот возраст выдавали только руки. А сама женщина держалась гордо, с отличной осанкой, да и фигура для такого возраста была просто божественна.

— Поверьте, не врут, — Джузеппе многозначительно закашлял, обращая на себя внимание. — Знакомьтесь, это мой коллега Джузеппе Кваттроки, — мужчины обменялись рукопожатиями, представились друг другу.

— А моя спутница, — Захар указал на женщину, — моя мама Изольда Львовна.

Ну, да, нужно было сразу догадаться. Черты лица у них были немного схожи. И для меня, художника, который сейчас активно изучает портретную живопись, было очень опрометчиво не заметить этого сразу. Наверное, сказалось волнение, которое я вдруг испытала, когда услышала этот голос.

— Я не знала, что у тебя в Италии уже завелись столь прекрасные знакомые, — улыбнулась Изольда Львова, окидывая меня оценивающим взглядом. Он немного задержался на руках, откуда мне не удалось до конца отмыть краску. Так как Джузеппе торопил меня. — Вы что-то красите? — уточнила она.

— Нет, я художник. Преподаю в школе изобразительное искусство, — может женщина и была вся такая статная, открытая, но взгляд полностью отвечал ее имени «изо льда».

— Как интересно.

— Мам, не начинай, — остановил ее Захар. — Приятно было с Вами увидеться, Алиса.

— Взаимно, Захар Георгиевич, — почему-то язык не поворачивался его назвать просто по имени.

— И ты что, так уйдешь, и не попросишь даже номера у этой прекрасной особы? — уточнила его мама. Я лишь рассмеялась. — Деточка, мой сын в моем присутствии не хочет заводить знакомства с противоположным полом, может, Вы мне дадите свой номерок, и мы с Вами как-нибудь пообедаем.

Вот только мне «мамочкиного сыночка» не хватало. Мужу за тридцать, при чем, ничего в нем не выдает, что он именно такой, но судя как командует мама, в этом не приходилось сомневаться. Я написала на салфетке номер, вручив ее женщине. Мне тоже было интересно пообщаться с ней, вот не знаю даже почему. На прощание Захар одарил меня оценивающим (впервые за две случайные встречи) взглядом, и скрылся в толпе прохожих.

— Это был русский язык? — уточнил мой коллега.

— Да, я его знаю очень хорошо. Много времени в детстве проводила в России, — частично это была правда, просто не полная.

— Как интересно, — подпер мужчина подбородок ладонью.

— Нет-нет, даже не проси душераздирающей истории, — рассмеялась я. — А что означают имена твоих детей? — перевела я быстро тему в другое русло. А когда речь заходила о детях, сексуальный Джузеппе, который был объектом вожделения большей половины мамаш наших учеников, становился уже не коварным соблазнительным, а большим плюшевым медведем, который готов день и ночь рассказывать о своих медвежатах.

— А жена не будет ревновать, что ты со мной обедаешь, да и еще наедине? — уточнила я.

— Она сама предложила этот вариант близкого знакомства с тобой. У нее аллергия на всех грустных и обиженных, поэтому, когда я о тебе ей поведал, она попросила немного тебя развлечь.

Боже мой, я даже и не догадывалась, что такие женщины вообще существуют. Или это действительно самые настоящие чувства, которые не требуют никаких проверок и подтверждений?

А вечером меня ждало еще одно знакомство.

Домой я возвращалась не спеша. На городок опускался прекрасный вечер, который здесь редко бывал тихим. Но на окраине не было слышно так отчетливо звуков дискотек и гула ресторанов и кафе.

День сегодня был чудесный, и заканчивать его в одиночестве не хотелось. А в голове созрел план по обновлению гардероба на выходных. Можно немного потратить и на себя, ведь я же заработала на обновки.

— Привет, — ворвался в мои мысли голос. Принадлежал он явно мужчине. Я остановилась, повернув корпус направо, откуда он доносился. Мой новый сосед, переехавший в дом напротив всего пару недель назад, стоял около забора, опершись на него руками.

— Привет! — ответила я, пытаясь разглядеть его в сумерках. То, что он имел хорошую фигуру (Да что там хорошую? Потрясающую!), оливковый оттенок кожи с прекрасным загаром, темные вьющиеся волосы, издалека я

уже успела разглядеть днем. Осталось узнать, насколько он красив, в сочетании с такими данными.

— Ты ведь моя соседка, насколько я понимаю. Я Арландо, — представился он.

— Алиса, — ответила я, подходя поближе, чтобы пожать протянутую мне руку. Его ладонь по сравнению с моей казалась огромной, теплой и очень даже уютной, вызывающей определенные эмоции. Какие? Да я сама еще не понимала, просто мне было достаточно комфортно так стоять.

— Красивое имя. Могу я предложить чашку кофе? — улыбнулся он. Большие глаза, красивое очертание пухлых губ, черные брови, четкая линия скул... Да он не просто красив, он похож на Бога. Словно жители Олимпа снизошли до меня смертной и отправили на землю солнечной Италии одного из своих соблазнительей.

— Я...Я... — ну, вот, начала блеять как овца. Нет, это не нормально. Что я говорила о вечере? Не хотелось заканчивать его в одиночестве? Так вот он шанс, а я стою и не знаю, что ответить. Боже, Алиса. Ты свободная женщина, привлекательная, раз такие парни так запросто знакомятся, ты живая... вспомни об этом.

— Кофе на ночь пить вредно — вместо ожидаемого согласия ответила я.

— Тогда будем пить то, что не вредно на ночь. Текилла, виски, вино, коньяк, водка? — не отступал он.

— У тебя такой большой выбор алкогольных напитков? — улыбнулась я его настойчивости.

— Нет, но вот в баре вниз по улице есть, я проверял. Я без каких бы то ни было пошлых мыслей. Просто познакомиться. Я угощаю!

— Если ты дашь мне пятнадцать минут, чтобы принять душ и снять эти жуткие каблуки, я с тобой схожу выпить, — сдалась я.

— Через пятнадцать минут, я буду ждать тебя у калитки твоего дома, — а он умел стрелять глазками, улыбаться в подходящий момент и регулировать тон своего голоса под ситуацию.

— Если увидишь усталую, страшную незнакомку, выходящую из дверей, не пугайся, это буду я.

А может, действительно стоило перетерпеть сегодня каблуки? Когда я работала у Арины в ресторане, я ведь каждый день носила шпильку, а тут разленилась.

На скорую руку приняв освежающий душ, я залезла в свежую футболку, которая соблазнительно съезжала с одного плеча, запрыгнула в короткие джинсовые шорты, ну и решила, что ноги мои должны отдохнуть. Для этих целей отлично подошли сандалии. Вибрирующий звонок телефона заставил меня немного притормозить. Номер был не знаком, но я решила ответить, ведь в запасе было еще пять минут.

— Добрый вечер, Алиса, не помешал? — голос я сразу узнала. Тем более, кто с итальянского номера будет говорить со мной по-русски?

— Здравствуйте, Захар! Я немного занята, но могу уделить Вам пару минут, если у Вас то-то срочное.

— Забавно, — хмыкнул он, — Вас мама моя напугала?

— Не знаю, но что-то в этом было не очень правильное — ответила я прямо.

— Не беспокойтесь, я не завишу от ее мнения. Но навязчивая идея женить меня, пришла ей в голову несколько лет назад, хотя мы и живем на разных континентах. Хотел извиниться за ее поведение, и пригласить Вас на ужин.

— Даже так? — мне этот день начинал казаться забавным. — И Вы уверены, что она нам не помешает?

— Абсолютно. Так что скажете? — поинтересовался он.

— Давайте я Вам завтра позвоню и договоримся со временем и местом. Посмотрим, как Вы будете реабилитироваться, — рассмеялась я.

М-да, самоуверенность во мне зашкаливала. Ну, что ж! Пора возвращаться к жизни. Сегодня пью с Арландо, а завтра ужинаю с Захаром. Интересно, а что-нибудь произойдет между этими двумя событиями?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ, ГДЕ ОПИСЫВАЕТСЯ ДВА СВИДАНИЯ И ОДНА НОЧЬ

Бар, куда меня пригласил сосед, оказался очень уютным. Вроде бы не большой, и народу куча, причем господа явно не из высшего общества, зато я чувствовала себя именно на своем месте.

— Ты так на меня смотришь. По-моему, на каблуках и в ярком платье я была более интересна, — хмыкнула я, когда мы поспешили занять один из пустующих столиков. Долго в одиночестве мебель тут не оставалась и каждый стул, каждый табурет обязательно знакомился с новой задницей, не успев отдышаться от предыдущей.

— Я оцениваю масштабы твоей привлекательности. С утра ты была яркая кокетка, сейчас скромная обольстительница, — ну, комплименты Арландо делал умело, в чем я не сомневалась. Ладно, побуду в этот вечер женщиной и буду их принимать, а не краснеть и захлебываться от смущения.

— Похоже, мало тебе попадалось привлекательных женщин, раз ты такого мнения на мой счет. Но мне нравится. Считай, один плюстик в свою пользу ты заработал.

Блин, а когда мне в последний раз было так легко общаться с женщиной? Да никогда. Я всегда боялась сделать что-то не то, или что-то не так. А он своими черными глазками и легкой полуулыбкой на соблазнительных губах заставил почувствовать себя не просто женщиной, а богиней.

— Мы итальянцы просто умеем ценить женскую красоту, — улыбнулся он широко и красиво. — Что будем пить? Может, съешь что-нибудь. Здесь потрясающие отбивные, — мой собеседник это так изобразил мимически, что сразу же захотелось попробовать.

— Я, наверное, ограничусь бокалом белого вина, и можешь заказывать мясо. Я хоть и ужинала, но мне уже хочется вкусить это лакомство, — я даже не заглянула в меню.

Арландо быстро отрапортовал официанту заказа, а пока готовили мясо, нам принесли выпить.

— Ты пьешь пиво? — удивилась я. Почему-то его образ никак не сочетался с этой огромной кружкой, стоящей перед ним и весело призывающей попробовать его игривыми пузырьками, подымающимися наверх, и запотелыми боками стекла.

— Я же не собираюсь напиваться. Мы пришли просто знакомиться. Попойку будем устраивать в следующий раз, — парировал он.

— А он будет этот следующий раз? — было интересно это узнать.

— Обязательно, если мы, конечно, с тобой не подеремся или не переспим, — аргументы были железные, но я рассмеялась.

— Подеремся, это понятно. А вот на счет второго варианта — не понятно. Ты не встречаешься второй раз с девушкой, если у тебя с ней что-то было? — тему я раскрывала довольно опасную.

— Это зависит от секса. Если он хорош, тогда можно продолжить знакомство. Но не напиваться, а сходить на свидание, причем приличное и классическое.

— Классическое? — удивилась я искренне. — Мне показалось, что это не про тебя.

— Я очень милый и домашний мальчик, — состроил он грустную гримасу на лице. Ну прямо котик-котиком.

— Как же, так я тебе и поверила. Если ты говоришь про пробы в сексе, это уже подтверждает, что их было не мало.

— И все же я сижу сейчас с тобой...

— Это не показатель. Где-то на другом конце Италии у тебя может быть жена и семеро по лавкам...

— Семеро по лавкам? — уточнил Арландо. М-да, вот что значит, прямой носитель русского языка и иностранец, пусть и эрудированный. Я еще не отвыкла от употребления таких выражений, а местные не очень понимали наши афоризмы.

— Это когда детей много, — уточнила я.

— Нет! Ты что? — округлил он испуганно глаза. — Я, конечно, не святой, но вот жену обманывать не решился бы.

— Знаешь, я тебе, конечно, не верю, но эти слова достойны уважения. За это стоит выпить! — подняла я бокал.

Вечер оказался очень приятным, компания тоже. Я видела, как мой спутник пытается мне понравиться, хотя можно было бы обойтись и просто беседой. Но мы вкусно поели, хорошо посмеялись, немного захмелели и даже потанцевали что-то вроде танго. В музыкальных и танцевальных стилях я не сильна, но мне понравилось, как его теплые руки прикасались к моему телу, как его дыхание обжигало кожу, как стучало его сердце, как гармонично нам удалось двигаться в танце.

Арландо, как истинный джентльмен проводил меня туда, откуда забрал несколько часов назад.

Ночь была превосходной. Где-то вдалеке слышались звуки неспящего города, нарушаемые шелестом прибрежных волн. Это все дополнялось пением цикад и легким ночным бризом, который приносил соленый запах

моря. Было тепло, а над головой простиралось бездонное южное небо, усыпанное миллиардами звезд, поблескивающими тускло в своем одиноком молчании. И мы молчали, шагали и просто наслаждались этой ночью. Сегодня все, что нужно мы друг о друге узнали, и этого хватало, чтобы сходить еще раз куда-нибудь. Но все же, лучше пусть это будет не свидание, несмотря на всю романтичность данного момента. А так хотелось оооооооо. Нет, только не отношения, это меня снова начнет убивать, даже если это будет Арландо, дороживший своей свободой и независимостью.

— Увидимся! — я решила не вдаваться в нудные прощания, которые могли бы закончиться поцелуем или постелью. Просто пожелала спокойной ночи и ретировалась.

— Будет ли она спокойной для меня? — рассмеялся вдогонку мой сосед. Но эту фразу я оставила без ответа, лишь помахала, наваливаясь на дверь, чтобы она впустила меня домой.

А на утро снова небольшой дискомфорт в тяжелой голове, который глушился двумя таблетками "Алкозельцера", купленного предусмотрительной Ариной. Но из-за недосыпа рабочее состояние быстро упало, хотя настроение быть заметной явно не спешило пропадать. И конечно, увлекшись уроками, я совсем забыла, что обещала перезвонить Захару, а мой телефон был как всегда заброшен на дно сумочки на режиме "Без звука".

Обедала я на этот раз не только с математиком, к нам с большой решительностью присоединились еще двое учителей женского пола, перетаскивающие все внимание на себя. А мне безумно хотелось послушать о детях Джузеппе.

— Это у тебя телефон звонит? — уточнила одна из женщин, сидящая ближе к моей сумочке. А я даже не почувствовала вибрацию.

Захар. А кто это мог быть еще? Извинившись перед коллегами, я поднялась из-за стола, чтобы поговорить с ним. Ведь обещала, хотя желания особого не имела.

— Здравствуйте, Алиса, — послышался его голос. — Уже не надеялся услышать Вас.

— Извините, заработалась сегодня. Вылетело из головы.

— Все понимаю. Хотел уточнить, наша договоренность в силе?

Я прокрутила в голове все, что со мной сегодня происходит: не выспалась, желудок отказывался принимать что либо, кроме бульонов, усталость и все, что хотелось, это забраться под плед и уснуть до самого утра.

— Да, в силе, — как можно беззаботнее ответила я. И какой черт за язык потянул? Хм, наверное, это просто было предчувствие. Какое? Хорошее, это точно.

Через три часа Захар встречал меня около школы, хотя мы договаривались встретиться на набережной. Вот будет тема нашим любительницам посудачить, косточки мне точно перемоют. А Захар выглядел очень привлекательно. Ну, во-первых, начну с того, что у меня сложилось ошибочное мнение о том, что он худенький. Это все из-за высокого роста и лица, на которое я больше обычно обращала внимание. А может это из-за широких сорочек, которые он носил. Но сейчас, когда мужчина стоял в светлой футболке по размеру, я смогла разглядеть какие у него широкие плечи и как изящно выступают ключицы, какие у него руки, мышцы груди, угадывающиеся под одеждой. Не удивилась бы, если под футболкой обнаружился настоящие кубики на прессе. Ноги, которые открывали шорты из тонкой брючной ткани, доходящие до колена, были тоже красивы. Обычно редко встретишь высоких мужчин с красивыми ногами, а тут само совершенство. Хотя по его типуажу было понятно, что мужчина получил это тело не от природы, а от длительных тренировок и больших нагрузок. Это уже вызывало уважение, значит сила воли железная.

Второй факт, о котором я ошибалась, его лицо. Нет, конечно, красавцем он не был, но однозначно оно было располагающее. Губы... Тонкие, чувственные, они очень красиво двигались, когда он говорил. У меня возникло острое желание попробовать их на вкус. Вот хоть убейся тут на месте. Хотелось просто безумно.

— Добрый вечер, — поздоровалась я.

— Приветствую! Извините, я просто приехал раньше. А на набережной мне не стоялось чего-то, — оправдал он свое появление у школы.

— Не убивать же Вас за это, — улыбнулась я.

— Вы голодная? — уточнил он.

— Как волк, но чувствую себя сегодня не очень хорошо. Поэтому буду благодарна, если угостите меня куриным бульоном, — парировала я, тяжело вздыхая. В планах было попасть домой раньше, чем вчера. Нужно что-то придумать, чтобы сбежать.

Через пару десятков минут, после небольшой прогулки мы оказались в уютном ресторанчике, недалеко от набережной. И что самое интересное, эта прогулка не была для меня затруднительна. По пути я рассказывала Захару об этих местах, которые сама только недавно познала. Своеобразная экскурсия была вроде как даже кстати, потому что о чем говорить с ним, я абсолютно не представляла. Захар был явно намного старше меня, что-то около десяти лет. Об этом говорила легкая седина на висках и небольшие морщинки в уголках глаз, которые я успела разглядеть, пока он не надел солнцезащитные очки.

— И давно Вы здесь живете? — уточнил он.

— Не очень. Переехала два года назад, о чем совершенно не жалею. Здесь очень хорошо.

— Была бы у меня возможность сбежать, я бы наверное тоже сбежал в Италию. Хотя, безумно люблю Сибирь, — поделился он.

— И часто там бывали?

— Часто, — рапортовал мужчина. — Это было связано с работой отца, мы очень много переезжали. Он ученый, романтик до мозга костей, поэтому и выбрал науку. Еще и такой подарок судьбы смог ухватить, петербургскую интеллигентку в четвертом поколении.

— Теперь ясно, откуда у Вашей мамы такие манеры держаться. Значит, Вас тоже можно отнести к интеллигенции? — уточнила я.

— По крайней мере, воспитание мне дали именно такое. А так, я до безобразия прост, — продолжал делиться Захар.

— Я что-то в этом сомневаюсь, — рассмеялась я. — Вот кто-кто, а Вы, Захар Георгиевич, точно не из простых смертных.

— Наверное, нам нужно выпить на брудершафт. Как это положено в высшем обществе Петербурга, и перейти на «ты», — предложил он.

Брудершафт? Мы точно из разных поколений и из разного времени. Но что-то меня в этом прельщало. Внутри все вибрировало от предвкушения поцелуя. Мы скрестили руки, смотря друг другу в глаза, каждый отпил из своего бокала по глотку и вот он «ПАПАМ!»... Его губы приблизились, я чувствовала его горячее дыхание, а самой не хватало воздуха. Волнение мое зашкаливало, я уже предвкушала его... Но, мой спутник легко коснулся области на скуле между ухом и шеей. Боже, это было круче, чем то, что я ожидала. Я поплыла. Возбуждение достигло пика до тошнотворного ощущения. Еще когда-то над Ариной смеялась, что ей нужна разрядка в виде секса. Она нужна и мне, определено.

— Извини, — я затаила дыхание, чтобы не выдать своего волнения, — я скоро вернусь.

Оказавшись в туалете, я смогла немного отдышаться. Нужно что-то с этим делать. Не самой же в трусики лезть, в самом-то деле. Хотя эта идея сейчас не казалась мне такой уж дикой. Возьми себя в руки, извращенка.

Почему-то вчера с Арландо я не чувствовала себя на столько ужасно.

Долгое отсутствие может быть расценено не правильно, но мне пора бежать отсюда вообще, пока не наделала глупостей. А вместо этого, ноги меня несут снова к Захару. Я отодвигаюсь на безопасное расстояние, стараясь на него не смотреть.

— Я что-то не так сделал?

— С чего ты так решил? — уточнила я.

— Ты убежала слишком быстро, — а я-то думала, что он не заметил. — Извини, я забыл как ухаживать за девушками.

— Так может сказать только женатый человек, — усмехнулась я, и побоялась, что смешок может показаться слишком нервный или ответ он даст положительный, даже если кольца на его безымянном пальце не наблюдалось.

— Не только, но хвастать не в моих правилах, — пожал он плечами.

— Ага, из этого следует вывод, что ты производишь только впечатление, а дальше женщины делают все за тебя.

— Что-то в этом роде. С тобой это не "прокатило", поэтому мне стало интересно, что ты за фрукт такой, — он чуть улыбался, разглядывая меня очень внимательно.

— Кисло-горько-сладкий.

— С приятным запахом, аппетитной наружности, и вкус мне кажется, должен быть потрясающий, — от этого хриповатого спокойного голоса хотелось стонать. Боже, он ведь не пытался соблазнить меня, он не пытался заинтриговать, а я готова была ему отдаться прямо на этом столе. Пришлось быстро переводить тему совсем в другое русло.

За ужином я узнала, что Захар живет в Питере, что когда-то работал в ГУВД, сейчас осваивает себя в другом мире. Работает начальником безопасности в одной крупной компании, увлекается авто и мотоспортом, при чем не просто как болельщик, а как спортсмен, не единожды участвовавший в небольших ралли. В Италию приехал по просьбе родителей, которые сейчас живут в ЮАР. У его отца здесь какая-то научная конференция, и это был единственный шанс, чтобы, не добираясь на другой континент, встретиться с ними.

— А я почему-то решила, что ты маменькин сынок, — поделилась я.

— Наверное, не вступать в спор с ней, принимать все ее безумные идеи, молча и соглашаться во всем, даже если потом делаешь по — своему, может подойти к этому определению, — заключил он. — Мы слишком редко видимся, чтобы я вел себя по хамски.

— Нет, — не согласилась я — это просто дань уважения к женщине, которая тебя родила и воспитала. Как на счет ночного купания?

А ведь хотела же сбежать еще недавно. Мы спустились к пляжу, где я позволила себе снять обувь. Песок был теплый, приятно ласкал ступни, которые утопали в нем. Море очень легко шелестело, призывно маня в свои остывающие объятия.

Мы расположились на пустынном пляже, просто сидели, смотря вдаль, где на горизонте уже остывала розовая полоска неба, скрываясь в наступающих сумерках. Прогулка по косой бухте пляжа тоже была долгой, я специально увела Захара поближе к своему дому, чтобы сбежать при первом же желании, которое все еще никак не возникало. Не демонстрировать же Арландо, что меня провожает какой-то мужик.

Я поднялась с места, стянула с себя блузку, расстегнула юбку, которая осталась лежать на песке, направилась в объятия пролива. Как хорошо, что нижнее белье сегодня надела приличное. Как только моей разгоряченной кожи коснулась прохладная вода, как только я закрыла глаза от удовольствия, я ощутила ЕГО. Захар стоял близко, я чувствовала это на физическом и энергетическом уровне. От него исходил жар, его запах сводил с ума, щекоча мое обоняние и воображение.

— Не стой так далеко, — выдохнула я.

Да, это было приглашение. Послезавтра он возвращается домой, и возможно мы больше никогда не увидимся с его бешеным графиком работы и увлечений. И пусть потом я буду жалеть, но лучше я буду горевать о содеянном, чем о том, что не сделала. И пусть прикосновение его кожи к моей останется в памяти ярким зигзагом. Пусть горячие ощущения его губ на моей шее, груди, ключицах, плечах останутся на мне, как подаренная им вещь. Эти эмоции вспышкой остались в моем сознании. Я наслаждалась. А как по-другому объяснить мои громкие стоны, мои нетерпеливые движения, когда я даже лифчик не смогла расстегнуть. Захар вытащил меня из воды на руках, уложил на песок, где мы несколько минут назад сидели, не подозревая, что он окажется свидетелем этого безумства. Я не сопротивлялась, я отдавалась ему вся, двигаясь в такт, ловила его ритм и вопила, как заведенная, от удовольствия и оргазма.

— Считай, я одна из тех дур, что делают все шаги к сближению за тебя, — я лежала спиной к нему, положив голову на мощное предплечье, а пальцами чертила узоры на его ладони. Почему-то стало грустно. Ведь он практически ничего не сделал, а я с таким рвением отдалась ему. Он ведь даже комплименты не говорил, он не соблазнял меня...Хм, он просто был самим собой, настоящим.

— Это не правда, — он поцеловал меня в макушку. — Я видел твое внутреннее сопротивление, но видимо, это была судьба еще раз встретиться.

— Ты веришь в судьбу? — удивилась, поворачиваясь к нему лицом.

— Верю. Когда-нибудь расскажу тебе почему, — улыбнулся он.

— А то сейчас мешает?

— У нас слишком мало времени, чтобы тратить его на разговоры. Я никогда не думал, что его может быть так мало. Скоро рассвет, ты растворишься в этом городе, в своей жизни, а я...я буду тосковать.

— Забыла тебе сообщить, что у меня выходной, — улыбнулась я. — И если ты хочешь продлить эту ночь, то можно просто задернуть окна и не открывать их до завтрашнего утра.

Под моими пальцами, что продолжали бродить теперь уже по его груди, несколько раз попадалось что-то вроде шрамов.

— Тогда мы так и сделаем, — улыбнулся Захар, увлекая меня на себя.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ, КОТОРАЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ САМОБИЧЕВАНИЮ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ, ЕЕ МЫСЛЯМ, ЧУВСТВАМ И НАЧАЛУ НОВЫХ ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМАТЕ «ДРУГ»

Длинная челка, которая давно уже отросла, все время спадала на глаза. Зря я сегодня распустила волосы. Да и повода для этого, собственно, не было. Хм. Теперь мне нужен повод. Да, нужен, нужен повод для радости. Продолжить писать картину, которую я начала еще несколько недель назад? Нет, нет ни сил, ни желания. Он все из меня выжал и улетел... И почему так тоскливо? Почему что-то душит там внутри и не дает вздохнуть нормально?

На губах все еще горят его поцелуи, они немного припухли и покраснели. А кожа до сих пор пахнет им. Боже, за что мне это наказание? Неужели я не могу не влюбляться в тех мужчин, с которыми сплю? С Генкой я встречалась три года, с Вовой — два с половиной, с Тимофеем встречалась год и в браке почти три года, поэтому привыкла, если секс, то обязательно с продолжительностью на несколько лет. А тут полтора суток, всего лишь тридцать три часа и все, я еду на такси домой, храня в душе обиду, причем сама не знаю на что или на кого, и все еще свежие ощущения его прикосновений.

— Поехали со мной, — предложил он сегодня рано утром.

— Как-то ты слишком быстро решился на такой отчаянный шаг, — улыбнулась я, восприняв это как шутку.

— Я решил это давно, — пожал он широкими плечами.

— Когда, Захар? Мы с тобой едва знакомы, — почти застонала я. — Это безумие, если ты говоришь серьезно.

— Возможно, — заключил он, приподнимаясь надо мной на локтях. — Я просто хочу, чтобы ты поехала со мной, вот и все.

— Я не могу, — выдохнула я тяжело. Вот так, внезапно принять решение на предложение, которое как снег на голову «бухается» прямо в руки. — Я пока не могу вернуться назад, мне это сделать тяжело.

— Я не знаю, что у тебя произошло, кто виновен в твоём бегстве, но я сумею тебя защитить.

— Не уговаривай, не надо. Мне и так нелегко, а тут ты со своими безумными идеями. Нужно просто представить, что это был легкий курортный роман, — огласила я окончательный вердикт. Только кого я успокаивала, его или себя, я так и не решила.

— Может ты и права. Я все усложняю, — согласился Захар, а до боли в груди хотелось, чтобы он спорил. Да, я бы не согласилась. Но быть нужной такому мужчине, это уже событие мирового масштаба. Я понимала, что до него я не знала, что такое близость с мужчиной, и признаюсь честно, не надеялась, что после найду кого-то лучше.

И вот так просто он меня взял и отпустил. Хотя почему просто? Я сама виновата в том, что не смогла принять его предложение.

К черту все, к черту! Мне сейчас не нужны отношения, это лишнее. Разрядку для тела получила, почву для размышления тоже, теперь можно снова погружаться в работу. Прожила же я два года без мужика. В этом, как оказалось, нет абсолютно ничего сложного.

И высаживаясь возле своего дома, я просила о том, чтобы не встретить Арландо. Не сейчас... Мне нужно подумать в тишине.

Дом встретил меня радушно, как и всегда, заплуталую хозяйку, которая ищет уединения. Он был совсем маленьким, но от того не переставал быть уютным. Небольшая гостиная была соединена с кухней, а жилые комнаты располагались на чердаке. Мебель старенькая, но видно, что до меня за ней ухаживали, а я так ничего и не купила, не хотела привязываться к вещам. Скрип половиц, такой знакомый, был словно бальзам на душу. Отделавшись от балеток, я прошлепала босыми ногами на кухню, где из холодильника извлекла яйца. Зажгла плиту, поставила туда сковороду, которую немного смочила растительным маслом. Да-да, ужасно хотелось есть. Я сегодня работала без обеда, так что необходимо было что-то в себя забросить, переодеться и идти на работу. Впервые за эти полтора года, мне туда идти не хотелось.

Нет, все правильно! Я сделала все правильно! Я была права, что лучше жалеть о том, что совершила, чем о том, на что так и не решилась. А я смелая девушка.

Спохватилась я уже, когда сковороды накалилась до самого своего предела. Вот как можно меня такую непутевую пускать на кухню? И что самое интересное, со своими переживаниями, я не заметила, как съела все, что успела приготовить. Насколько я помню, мама моя, когда переживала, теряла аппетит, а я наоборот, начинала есть. Такими темпами, мне скоро точно придется менять гардероб на пару размеров побольше.

Времени до начала моего рабочего дня оставалось куча, потому что он начинался сегодня к третьему уроку, а это означало, что я могла пока не торопиться. Как нельзя кстати на глаза попался блокнотный лист, выданный

очень аккуратно. На нем Арина оставила новый электронный адрес Рима. Тяжело вздохнув, я открыла ноутбук, зашла в электронную почту и начала печатать письмо для брошенной подруги.

«Кому: Рима Пиманова

Тема: Прости

Привет, моя дорогая и горячо любимая Рима! Я не знаю, какие слова подобрать, чтобы оправдать себя и начать писать тебе письмо. Я пыталась пару раз отправлять письма на твой старый адрес, но они не доходили к тебе, а может, ты просто не хотела мне отвечать. Не знаю. Вот, решила повторить попытку, в надежде, что она увенчается успехом. Если Арина приняла мой побег, то зная тебя, и твой характер, ты можешь обижаться. Но я не могла тогда поступить по-другому. Почему? Я тебе расскажу, если у тебя будет желание, но хотелось бы это сделать при встрече. Приезжай ко мне... Я скучаю. Я безумно скучаю по твоему жизненному оптимизму, по твоим колким фразам, по твоему искреннему смеху. Я наверное, плохая подруга. Ты в праве меня осуждать и не простить.»

Нажав «Отправить», я поспешила закрыть окно и поднялась на верх, чтобы привести себя в порядок. Пусть сегодня будут узкие джинсы и рубашка. Жара немного спала, поэтому можно пофантазировать на счет своего внешнего вида. Отвлек меня звук входящего сообщения, который доносился снизу. Бросив все на свете, я полетела к ноутбуку.

«Кому: Алиса Б.

Тема: Ты засранка

Привет! Хотела тебя убить, но через электронную почту это сделать тяжело. Я думаю, у тебя есть убедительные доводы и оправдания твоего побега, потому что иначе, я с тобой вообще не буду разговаривать. Я спрашивала у Арины, но она упорно молчит, и говорит, что мне лучше спросить у тебя лично. Заговор, значит, против меня устроили. Но ничего, я вот получу свой заслуженный отпуск через неделю, и прилечу, чтобы лично тебя придушить. Гадина, ты Алиска. Я ведь вся испереживалась. Думала, может, где стукнули тебя по башке, и валяешься ты сейчас в какой-нибудь канаве в виде обглоданных косточек. А ты... Злая я! Как успокоюсь, напишу»

Читая сообщение от Рима, я улыбалась. Да, именно такого ответа я ждала, именно так она может выражать свои эмоции. И я знала, что эти совсем не лестные слова в мою сторону, не имеют под собой ничего плохого. Я ожила, я немного ожила.

«Кому: Рима Пиманова

Тема: Ловлю на слове

Согласна и с твоими угрозами, и с тем, что в свой отпуск ты побываешь у меня в гостях. Жду тебя с нетерпением. И я, если честно, не думала, что у вас могут возникнуть такие идеи по поводу моего исчезновения. Так работать может только твой мозг.)))))»

Отправив сообщение, я быстро собрала волосы в хвост и побежала на работу, где меня ждала толпа ликующих детишек.

— Добрый день, сеньорина Бурджардини, — улыбался во все свои тридцать два Арландо, поливая розовые кусты, что росли во дворе его дома.

— Привет! — помахала я ему рукой и поспешила ретироваться.

Реальность. Вот она, заключенная в чуть ноющее тело, которое уже стало забывать прикосновения человека, улетевшего ранним утром домой. Заключенная в длинные сообщения в ту далекую жизнь, которая никогда не оставит тебя в покое. Заключенная в крепкие объятия маленькой кучерявой девчонки, что учится у тебя в классе, такие искренние, теплые, потому что она за тобой скучала, пока ты отгуливала свой выходной. Заключенная в улыбку твоего соседа, безумно сексуального и красивого. Заключенная в кисти, что является словно продолжением твоей руки. Заключенная в соленый запах моря и практически постоянную солнечную погоду.

А ведь если подумать, она, эта реальность, не так уж и плоха. Она наполнена смыслом, если ты это все ощущаешь и воспринимаешь как один большой дар. А ведь так и есть. Это дар, что я смогла оказаться здесь, смогла найти себя и мое сердце снова ожило. В последнем спасибо тому самому человеку, который наверное уже приземлился в сыром Питере и едет к себе домой. Да, это правильно, так и должно быть.

И вот эта самая реальность снова мне улыбается, стоя на террасе в одних шортах, спущенных низко на бедра. Брррр! Неимоверное мужское эго.

— Привет, сосед! — улыбаюсь я. — Ты не боишься создать пробки на улице?

— Мне достаточно того, что ты остановилась, — улыбается он в ответ.

— Подхалим! Завтра приглашаю тебя на ответную попойку, если у тебя нет планов, — предлагаю я. Да, это правильно.

— А сегодня что?

— Сегодня я очень рано ложусь спать, чтобы завтра не уснуть в баре.

— Хитрая! — смеется он. — Но ради тебя я готов отменить все планы.

— Договорились!

И я снова попадаю в свой маленький мир. В одной из комнат на втором этаже я создала крохотную мастерскую. Застелила пол полиэтиленом, стены закрыла бумагой, чтобы ненароком не разгневать хозяев, хотя комната пустовала. Там у меня стоял мольберт, были все принадлежности, а еще куча моих работ, которые были повернуты лицевой стороной к стене, словно наказанные за что-то.

В руках снова кисть, которая, даже не слушая меня, делает аккуратные мазки на холсте. Да, мне это нравится.

В этот мир я вернулась далеко за полночь, хотя и обещала Арландо, что лягу спать раньше. Какая же я обманщица. И то, что я видела на холсте, мне уже нравилось. Несомненно, это будет моя лучшая работа. Пока воспоминания о Захаре живы, я должна закончить эту картину. Завтра... Да, завтра короткий день, после работы я ее закончу, а потом уже пойду получать новые впечатления от общения со своим соседом.

Перед сном я проверила почту, где мигало одно сообщение.

"Кому: Алиса Бурджанини"

Тема: Тадаааам!

Я заказала билет. Как хочешь, но в следующую субботу я буду у тебя. Встречай меня, подруга! О точном времени сообщу позже. А еще приготовь для меня горячего итальяшку и хорошую погоду для получения загара. Только потом я смогу тебя выслушать и простить".

Я рассмеялась. Девушка-ураган едет покорять мысок итальянского сапога? Что ж, это новость замечательная.

"Кому: Риме Пимановой"

Тема: Про фанфары забыла.

Из итальяшек в знакомых у меня водятся только учитель математики и сосед. И то, первый глубоко женат, а на второго хочу на днях заявить права, если он останется таким же милахой. Но у меня есть неделя на подготовку. А если все получится, то ты будешь у меня в ногах валяться и сама умолять простить".

Нажав "Отправить", я поплелась в теплую кроватку. Ну, как теплую? Душную, горячую... В общем опаленную средиземноморским зноем.

И сны снились какие-то тревожные. Я убежала все время. От кого или от чего? Я не знаю. Но мужчина в моем сне преследовал меня. Это было похоже на фильм ужаса, когда главная героиня бежит, вроде преследователь далеко, когда она оглядывается. Но повернув голову, она натывается на него, падает и снова пытается бежать. И так по замкнутому кругу. Страшно? Нет. Просто от таких снов по спине пробегает легкий холодок и тебя парализует от ощущения, что тебе жутко.

На работу, конечно, я отправилась разбитая. Но в чувства меня снова привела маленькая Белла, со смешными кудряшками-пружинками, которая со всех ног неслась ко мне по коридору, нарушая все правила поведения в школе.

— Синьорина Бурджанини, Вы снова пришли, — пищала она своим приятным детским голоском. Вот как тут не будешь выделять любимцев, или строить из себя строгого учителя? Я таяла от таких вот искренних детских объятий, от ее беспечности и радости, что она меня увидела. Да, материнский инстинкт больно щипал за душу и напоминал о тех людях, из-за которых я не смогу больше познать радость материнства. Спасибо вам, родители и Тимофей! Я буду долго помнить вашу медвежью услугу.

Я думала, что к картине я не смогу притронуться, но мне было важно закончить ее до попойки с соседом. Почему? Потому, что новое увлечение и новые эмоции смогут подавить то, что я чувствовала в этот момент. Мне было нужно ее закончить. Да, холст был небольшой, да и работала я над ним под каким-то особым эмоциональным кайфом. Он давался так легко, что я даже сама боялась. Кисть словно заколдованная скользила по ребристой поверхности бумаги и я чувствовала, что опустошаюсь эмоционально. Да, все, что мне подарил Захар, осталось здесь, в этой картине, которую я закончила, опоздав на свое свидание.

— Прости, что опоздала, — я вошла в бар спустя полтора часа от назначенного времени.

— Девушкам, тем более красивым, опоздание прощается, — как-то грустно заявил мистер-совершенство.

— Арландо, мне правда жаль, — я показала ему руки, с которых не успела до конца отмыть масло. — Я была в творческом трансе. Думаю, еще мазок и позвоню, и так целых полтора часа.

— Странные вы, творческие люди, — заявил он со всей душой.

— Где-то я уже что-то подобное слышала, — хм, а ведь это не закончилось "хэппи эндом".

Конечно, эту немного опасную мысль я постаралась проигнорировать, пообещав себе, что все хорошо и истории я никогда больше не повторится. Нужно успокоиться и веселиться, ведь за этим сегодня я сюда и пришла.

— Не важно, — улыбнулась я, видя как мой собеседник напрягся. — Я хочу узнать немного о тебе, потому что в прошлый раз задавал вопросы ты, а потом мы танцевали.

— Хм, — подпер он рукой подбородок, — а я думал сегодня тоже обойдется.

— Ээ, нет, дорогой, а вдруг ты какой-то маньяк, а я об этом даже не догадываюсь, — рассмеялась я.

— Ага, — он поправил волосы, пропустив сквозь пальцы. А сколько в этом простом движении было сексуальности. Ммммм, вкусняшка! — Серийный убийца тогда.

— И сколько жертв в твоём списке?

— Не считал, но сразу скажу, что много, — засиял он широкой ослепительной улыбкой. Боже, но не может мужик быть настолько идеальным.

— А меня в свой послужной список тоже занести планируешь? — задала я волновавший меня вопрос. А что? Я же должна знать, что ожидать от этого человека. Может, я ему симпатична просто как друг, и чего тогда слюни тут распускать?

— Ты просто крепкий орешек, и мне кажется, затащив тебя в постель, я могу испортить эту идилию, что сейчас царит между нами.

— Да вы философ, батюшка, — рассмеялась я. Хотя была полностью согласна с его мнением. Бывают случаи, когда секс не укрепляет легкость общее я, а наоборот, ломает отношения партнеров. Но мне его политика была очень интересна. И вдруг, очень резко захотелось попробовать его, а потом доказать обратное от его утверждений. Бунтарка во мне просыпалась с каждой минутой.

— Ладно, — согласилась я, — а кроме большого спорта под названием женщины, чем еще занимаешься?

— Я профессиональный каскадер, — заявил он гордо.

— Не хило так, — присвистнула я.

— Что есть, то есть. Я сейчас после тяжелой травмы восстанавливаюсь, поэтому и приехал поближе к морю и солнцу. Дом, где я остановился, принадлежит моей семье. Это что-то типа русской версии дачи, — объяснил он, на что я рассмеялась.

— Дача? Ты серьезно? Значит, у тебя в семье есть любители пожить в маленьком провинциальном городе. Но я здесь два года живу и вижу впервые, что дом кто-то посетил, — поделилась я наблюдением.

— Что не удивительно. Все эти два года мои родители ведут бракоразводный процесс, где делят все нажитое за тридцать лет имущество. До этой недвижимости еще не добрались, — как-то слишком грустно поделился Арданто.

— Его так много, что поделить за все это время не успели? — спросила я просто для поддержания разговора.

— Фамилия Маттеви тебе о чем-нибудь говорит? — поинтересовался он в ответ.

— Да иди ты! — округлила я глаза. — Фернандо Маттеви твой отец? — удивил так удивил.

— Есть такое, — снова грустная усмешка. — Владелец крупной текстильной компании. Видишь, даже ты, прожив здесь два года, знаешь об этом.

— У меня на постельном белье даже есть логотип его фабрики. Так что можно сказать, что я сплю с твоим отцом, — на эту шутку, Арданто подарил мне приятный гортанный смех, от которого по телу побежали теплые мурашки.

— Ты-то всего лишь с его именем, а были и те, кто с его телом. Мама просто не выдержала, хотя терпела долго. Но я туда не лезу. Люди взрослые, разберутся, хотя концерты по телефону приходится слушать часто. Мама у меня еще та актриса, а папа истеричка. Так что полный набор.

— Вижу, эта тема тебе не очень приятна. Расскажи лучше, как ты докатился до жизни каскадера, — подперла кулачком я подбородок.

— Это детское увлечение. Как только научился ходить, сразу же начал покорять вершины в виде дивана, потом стулья, а затем пошли всякие заборы, деревья, пока не попробовал скалолазание, мотоспорт, прыжки с парашюта. В общем, затянуло. Я и жизни не мыслю без экстрима, поэтому нашел способ зарабатывать на нем.

— Ну, ты даешь. Я бы тебя видела в роли модели, или какого-нибудь бизнесмена, но никак ни человека, помещенного на экстриме. Это интересно.

Наша болтовня снова переросла в чрезмерное потребление алкоголя и грязные танцы прямо на барной стойке. И снова он не попытался поцеловать меня, хотя был близок к этому. Да, умел Арданто Маттеви растягивать удовольствие.

Время было позднее, поэтому распрощавшись с соседом, я поплелась в душ, чтобы освежиться. Неожиданный звонок в дверь меня несколько не насторожил.

— Сосед, я же сказала, что пора спать, — я улыбалась, стремясь через всю гостиную к входной двери в одном полотенце.

Сердце упало в пятки, когда распахнув ее, я увидела человека, которого сейчас ожидала увидеть меньше всего.

— Привет, Алиса. Вижу, что ждала ты совсем не меня.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ, ГДЕ НА ГЕРОИНЮ НАХЛЫНЫВАЮТ ВОСПОМИНАНИЯ, И ПОЯВЛЯЕТСЯ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

— Вова? — только и смогла выдать из себя. Какой-то неведомый до этого момента страх схватил холодными пальцами прямо за ребра, заставляя задыхаться. Вот кого-кого, а этого человека я видеть точно не ожидала. Да что там не ожидала? Я не хотела! И куда, спрашивается, делась та неземная любовь, которая когда-то застилала мне глаза? А я ведь была уверена, что любила его. Что это было?

В голове тысячу раз я прокручивала этот вопрос и пыталась самостоятельно дать на него ответ. Объяснял мне это все чуть позже, когда я осталась без любимого человека, без ребенка, без поддержки, психолог. Да-да, у нас у всех с детства сложился стереотип, что это прерогатива «западных» людишек искать поддержку у мозгоправов. Как оказалось, в нашей стране эта специальность так же пользуется большим спросом. Наверное, мне нужно было просто выговориться и услышать, что я все делаю правильно.

— Если ты откажешься, то мы тебя отправим на принудительное лечение, — пригрозила мама, когда впервые услышала мое «нет» по поводу ее предложения обратиться к специалисту.

Да, тогда я была легковменяема, поэтому и маме и моему психологу было очень легко мне что-то внушить мне. А точнее, я была безвольной куклой в руках страшного человека. А мне просто хотелось кому-то рассказать все.

Сначала визиты к мозгоправу были частыми, два, а то и три раза в неделю, через месяц окружающие увидели прогресс, а через четыре, я и вовсе, как было указано в карте, поправилась. Ну, а что, оказалось, что в мире существует болезнь под названием Владимир Краснослободцев и при чем сейчас я не очень боялась, нет не заразиться. Иммуитет на вирус я выработала несколько лет назад, и уже ничего не надо, ничего не сжималось. Я просто боялась. Боялась этого яростного взгляда, этих сжатых в тонкую линию губ, этого голоса с холодными нотками.

— Ты будешь гостя дорогого встречать на пороге? — усмехнулся Володя.

— Во-первых, я тебя не приглашала, так что ты пришел без ведома хозяйки, а во-вторых, сейчас не лучшее время, чтобы принимать гостей. Мне пора спать.

Дверь я захлопнула со всего размаху, не дав ему сообразить, быстро повернула ключ в замочной скважине, и трясущимися руками закрыла единственное открытое в доме окно, ринулась наверх на ватных ногах, чтобы забаррикадировать балконную дверь. Почему существовал этот страх? Ответов на данный вопрос я не знала, как не знала откуда здесь появился Вова.

А вот ответить на то, почему я убежала тогда, два года назад, я могла с полной уверенностью: ненависть и страх.

* * *

— Ты как здесь? — это первое, что я задала, когда мы оказались на улице. Я сбежала с ресторана, так и не сказав Арине причину. Но сейчас я не думала о том, как буду ей объяснять. Четыре с половиной года я его не видела, а за это время можно многое забыть. Но я точно помнила, разглядывая в свете уличных фонарей, что не было у него до этого такого холодного отстранённого взгляда, что не было этих мелких морщинок у глаз. Откуда? Он ведь был старше меня всего на четыре года. А на коротко стриженных висках поблёскивает седые волоски. Похудел, заматерел... Я разглядывала мужчину, и мне казалось, что все, что нас связывало когда-то было в прошлой жизни и не со мной.

— Думаешь сбежал? — чуть усмехнулся он, но как-то тяжело.

— Я ничего не думаю, — резко выкрикнула я. — Зачем ты приехал?

— За тобой, — заявил он, как будто это было что-то естественное.

— Поздно, — возразила я. — Я замужем, и люблю своего мужа.

— А меня?

— Нет, Вова, уже разлюбила. Все прошло.

Врала ли я? Нет! Да, может к Тимофею я и не испытывала таких сильных чувств, как когда-то к Краснослободцеву, но этот человек мне давно стал чужой. Мое лицо всё ещё помнило, как тяжела его ладонь, когда она с яростью била по нему, мои руки всё ещё помнили, насколько он силен, когда оставлял синяки на запястьях. А вот вкус поцелуя, прикосновения, ощущение его кожи на моих ладонях, напрочь стёрлись из памяти.

Долгих пять минут, которые казались вечностью, он рассматривал меня внимательно, словно сканировал каждую клеточку, заглядывал душу своими выцветшими голубыми глазами. А лицо оставалось беспристрастно, не выражало абсолютных никаких эмоций.

— Ты изменилась.

— А ты хотел через пять лет увидеть все ту же наивную девочку, которую так легко обидеть или подчинить себе?

— Я не знаю, что я хотел увидеть. Но вижу, что ты сейчас подчиняешься совсем другому мужчине. А ты знаешь кто он? Думаю, даже не догадываешься с кем ты живёшь Алиса.

— Вова ты о чём? Ты совсем с ума сошёл? Уходи! Я не хочу с тобой разговаривать и видеть тебя. Мне пора домой. Меня ждет любимый муж. А тебя сейчас здесь никто не ждёт. Уезжай! — руки тряслись, хотела скорее бежать отсюда, не видеть этого человека. Спасаться. Только от кого спасаться-то? От себя?

— Только когда вернешься домой, не забудь спросить своего мужа, за что Он посадил меня за решётку, — Вова сжал свои губы в тонкую линию, резко развернулся и ушёл, оставив меня посреди парковки ресторана. А я стояла в свете фонаря, не понимая, что выгляжу одиноко и жалко под этим промозглым апрельским ветром. В этот момент как будто бы какой-то переключатель щелкнул в голове, я начала отчаянно соображать, вспоминая события пятилетней давности. Руки до сих пор трястись от волнения, а Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я не помнила, как я добралась до дома. Глаза застилала пелена непроглядных слез, но я боялась вспомнить. Я боялась своих воспоминаний, потому что понимала, что могу остаться одна. Я давно их закрыла глубоко в своей голове, и никому не показывала. Наверное поэтому я и не делилась с подругами своим прошлым. Это было больно, я бы не могла ещё раз это пережить пусть даже и мысленно. Тимофей, как мне помнилось, ворвался в мою жизнь неожиданно. А что этому предшествовало? Я со дня нашей первой встречи воспринимала его как что-то нормальное, человека, который должен присутствовать в моей жизни. Он был другом, но как он оказался моим мужем? На этот вопрос я и сама не могла дать себе ответ. Но эта встреча с Вовой заставила меня задуматься. И почему он обвинял моего мужа в том, что оказался за решеткой? Почему я сомневалась в нём?

Я припарковала машину недалеко от дома, а сама просидела ещё минут тридцать, прежде чем войти в квартиру. Я видела, что окна нашей кухни, которые выходили во двор светятся. Я даже могла предположить, что мой муж сейчас сидит за столом и ждет меня. На плите уже вскипел чайник, а на столе стоит корзинка со сладостями. Это была у нас маленькая традиция, когда он или я ждали друг друга с работы, то ставили чайник а потом по возвращению, вдвоём пили чай и болтали о том, как прошел наш день. За два года совместной жизни таких традиций стало очень много. А сейчас я просто не могла поверить, что мой муж, любимый муж, мог сотворить какой-то нехороший поступок, связанный с моей прошлой жизнью. Зачем ему было сажать Вову? Зачем? Из-за меня? А стоила ли я того? Наверное, эти вопросы лучше было задать Тимофею. Но я боялась. Я боялась услышать ответы, и получить подтверждение своих догадок. Я не хотела терять то, что у меня сейчас было. А это был надежный муж, любимая работа, подруги, которые меня любили и поддерживали. Узнать правду означало — потерять все.

Когда я решила подняться домой, я боялась, что он всё поймёт. Он поймет, что я видела Вову. Он поймет, что я никогда не любила его так, как Краснослободцева. Он поймёт, что я знаю его маленький секрет. Он поймёт, что я его так и не простила, за то, что он оставил меня без ребенка, да и вообще без надежды на то, что я когда-нибудь стану мамой. Что-то было, что-то мучительно, что разрывало меня долгие годы, но я тщательно это маскировала.

Боже, Сколько мыслей, сколько это всего, что не должно было быть в моей жизни. И что в итоге? Я доверяю ее преступнику свою семейную жизнь, свое будущее? Это бред! Это просто бред. Со всех ног я бросилась к двери, отыскала ключ в сумочке, трясущимися руками вставила его в замочную скважину, влетела в квартиру, и увидела Тимофея, который сидел на кухне и ждал меня. Внутри всё сжалось, как я могла в нём сомневаться? Он моя судьба, он тот, кого я выбрала, кому я доверилась и кому я доверила свою судьбу. А Вова, он просто ревнует. Это обыкновенная мужская ревность, ведь когда-то Я была с ним рядом, и он мог делать со мной всё что хотел. А теперь этой возможности просто-напросто не предвидится.

— Привет, дорогая! Я думал, ты придешь раньше. Чай будешь? — Тимофей чмокнул меня в щечку, взял куртку, которую повесил на крючок, подал мне тапочки.

— Конечно, Тима!

— На тебе лица нет. Что-то случилось, Алиса?

— Нет, просто устала.

В тот вечер я так и не поговорила с ним. Поэтому, сославшись на головную боль, Я решила не выйти на работу, а найти Вову. Да, согласна, решение абсолютно глупое. Но я должна была выслушать его версию, прежде чем начинать разговор с мужем. Что все-таки случилось тогда. Выяснить, в какой гостинице остановился Краснослободцев, особого труда не составило, так как гостиниц в городе было не слишком много. Он же не мог приехать просто на один вечер, чтобы повидаться со мной, и спокойно уехать после моего отказа. Я знала его хорошо. Он ждал, он как хищник поджидал, словно добычу, которой он привык обладать. По сути, я была просто обыкновенной вещью, которую он когда-то потерял, и теперь хотел вернуть, как законный ее хозяин. Конечно ассоциация не самая лестная, но ведь это было так, если учесть нашу совместную жизнь.

— Я ждал тебя, — дверь гостиничного номера отворилась, а на пороге стоял совершенно чужой Вовка. Он улыбался, и в этой улыбке чувствовать что-то отталкивающее, холодное, хищное. Она словно говорила, что он был прав. Но я ведь так и не поговорила с Тимофеем.

— Нам нужно поговорить, — я не дожидаясь приглашения, прошла в его крохотный номер. Я знала, что рисковала. Город маленький, и совсем скоро могут проползти слухи, что я приходила к незнакомому мужчине, и оставалась в его номере довольно долго. Что подумает Агеев? Уж точно не то, что я просто пришла с намерением выяснить, в чем его обвиняют, учитывая его сложный характер.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что Тимофей виноват в том, что ты оказался в тюрьме?

— Это и имел в виду. А что ты еще хотела услышать? — он скрестил руки на груди, опёрся о стену и смотрел на мои метания по комнате с абсолютным безразличием.

— Ты хочешь сказать, что тебя подставили? — спросила я прямо.

— Да, именно так. Ещё хотели повесить на меня избиение твоего бывшего, хотя все прекрасно знали, что пьяного Генку тогда покалечил твой благоверный — с каким наслаждением он выплевывал эти слова.

— И ты совсем не виновен, да, Вова?

— Почему? Организатором и лидером банды нашей я никогда не был, но на меня повесили хищение и незаконную торговлю оружием. Да, с этим я дело имел, но я был лишь мелкой пешкой в большой игре. А вот следокам, которым заплатили твой отец и твой муж, — скривился Вова, словно проглотил какого-то жука, — было выгодно кого-то закрыть и продолжать заколачивают бабки, имея долю с продажи оружия.

— Тебе дали десять лет, — заявила я.

— У меня адвокат хороший, даром, что бесплатный. Вот я и на свободе. Дело перешли, и решили, что за содеянное я уже отсидел. Почему ты стала такая злая, Алиса? — он хотел подойти, но я шарахнулась от него, как от прокраженного. — Ясно. Тебе что-то про меня наплели тогда?

— Вова, я пришла выяснять не наши отношения.

— Хорошо! Когда я всё ещё находился в СИЗО, когда мне приходил твой Агеев. Встреча наша была короткой потому, что свидания мне были запрещены, но очень продуктивной. Он мне пообещал, что сгноит меня в тюрьме, если я не оставлю тебя в покое.

— Хочешь сказать, что это все было из-за меня? — не верила я своим ушам.

— Да! Знаешь, я бы не побрезговал глотку ему тогда разорвать, но он сказал, что ты сделала аборт и не собираешься больше иметь со мной дело.

Это было тяжело слушать, я опустилась на край кровати, обхватила голову руками, которая тщательно соображала, пытаясь найти доказательства невинности Тимофея.

— Ты правда была беременна? — уточнил Вова.

— Была, — подтвердила я. — Меня заставили сделать аборт, это было не по моей воле. Ты не представляешь, что со мной творилось в тот период, когда я даже руки на себя наложить пыталась.

— Позволила, значит, убить нашего ребенка. А я все это время мечтал, что когда выйду, обязательно тебя найду и увезу куда-нибудь далеко...

— Чтобы запереть меня в комнате и не позволять ни с кем общаться? — усмехнулась я горько.

— Зачем ты так? — он снова кинулся когда мне, присел на корточки, обхватив мои ладони своими. — Я ведь люблю тебя. А предательство твоё, когда-нибудь забудется.

— Зная тебя, ты никогда этого не забудешь.

— Сопrotивляйся сколько хочешь, ты все равно ко мне вернёшься.

Не вернулась. Тем же вечером, я решила выяснить версию Агеева.

— Ты с ума сошла? Откуда эти мысли могли взяться в твоей головке? — выставить меня душой, это был это очень по-Агеевски.

— А что мне ещё думать?

— А с чего ты вдруг спохватилась? Решила передачи по тюрьмам возить?

— Почему ты кричишь? Что я такого спросила? — Я была в бешенстве, а для этого разговора нужна была трезвая голова. Глубокий вдох. Я закрыла глаза, мысленно успокаивая себя, и уже более спокойно продолжила. — Я просто хочу знать, в чём причина потому, что мне кажется, что всё произошло из-за меня. Или я тут не причём?

— Хочешь знать правду, Алиса? А правда проста. Да, этот человек тебя был недостоин. Я всеми силами пытался вырвать тебя из его лап. Спросишь почему? Всё просто, я люблю тебя, и не намерен ни с кем делить.

Тимофей кричал, он никогда раньше не пытался повысить на меня голос. Даже когда мы ругались, обычно истерила я, а он находился в холодном спокойствии, старался успокоить меня. Да, он был другой. Он никогда бы меня не ударил, не причинил вреда, Но получается, что этого человека я не знала совсем. Неужели ради себя, ради того чтобы я была с ним, он смог посадить человека, он смог заставить меня сделать аборт, он смог приручить меня. А я как дура была ему благодарна, я ведь даже не понимала, что просто нахожусь золотой клетке. Когда у нас

возникал вопрос о ребенке, он всегда говорил, что можно что-нибудь сделать, например, усыновить, или оплатить суррогатное материнство. А я хотела сама родить, я хотела своего ребёнка. А Тима меня лишь успокаивал, гладил по голове, держал за плечи и говорил, что всё будет хорошо. А я верила, но мои истерики повторялись снова и снова, А Тимофей терпел, может потому, что чувствовал свою вину. Но суть не в этом, сейчас я понимала, что он пойдёт на всё и ни перед чем не остановится, только уйти он мне не даст.

Этот вечер был тяжёлый, он хлопнул дверью, ушел куда-то, оставил меня в полном одиночестве. А я уже начала соображать, что жить с ним больше не смогу, что бы нас не связывало. Душа моя творческая была слишком ранима, поэтому, найдя в записной книжке номер своего однокурсника Кости Кипеня, я набрала ему.

— Мне нужно убежище, ненадолго. Сможешь помочь? — попросила я после всех учтенных формальностей, типа «как дела?» и все такое.

— А от кого бежишь? — поинтересовался он.

— Ото всех. Так что, на тебя можно рассчитывать, Кость?

— Конечно, приезжай. Я соседку предупрежу, я сейчас в Москве, она тебе ключи даст, а адрес ты знаешь, — вот так вот просто и без лишних вопросов.

С мамой продуктивного разговора не получилось. К ней я попала уже ближе к обеду, когда я вошла в дом, она хозяйничала на кухне, готовила папе ужин. На моё появление она отреагировала удивлением, разгар рабочего дня, а я слоняюсь без дела. Но когда я подняла тему, которую вот уже почти три года мы не обсуждали, она немного растерялась.

— С чего это ты вдруг...

— Не начинай, — опередила я ее, зная, что после этих слов может последовать грозная тирада. Тема была запретной.

— Ах, этого уголовника уже выпустили, — воскликнула она, когда я объяснила ситуацию. — Ему просто нужно найти крайнего.

— А вы?

— Мы просто хотели для тебя счастья, — мама потянулась за корвалолом, который всегда стоял в кухонном шкафу на случай бунта ее нервишек. По помещению сразу разнёсся приторный запах лекарства, от которого всегда тошнило. Правда в этот день у меня он никакой реакции не вызывал.

— Мам, вы посадили человека, заботясь обо мне? Ты себя слышишь? — слов подобрать я просто не могла.

— Так было нужно. И тем более, он не такой безвинный, как тебе хотелось бы, — отрезала она. Оказывается, я жила со страшными людьми, более того, я находилась с ними в родстве.

— По-моему, вы не обо мне заботились, вы заботились о том, что скажут люди. Ваша дочь связалась с каким-то непонятным типом. И я не верю, что ты не могла повлиять на действия отца. Вы что? Элита! Куда ж нам бедным родственникам до вас? Нашли мне подходящую кандидатуру, да, мам? Я же невестка самого генерала Агеева, — фонтан слов поперек из меня вместе с эмоциями. Боже, как же было больно. Они все утверждали, что думали обо мне, а сами поломали мою жизнь и жизнь человека, которого я любила. Это было эгоистично и мерзко. Вот так в одночасье я потеряла своих близких. Я бы могла их понять, если бы не дополнения мамы, когда всей моей браваде: «А ты ещё умудрилась забеременеть от этого типа». Вот оно что! Тимофей ведь был согласен на воспитание чужого ребенка, но родители снова сделали выбор за меня, воспользовавшись моей депрессией.

Что я чувствовала, убегая из родительского дома? Я ненавидела их, ненавидела всем сердцем. И единственным правильным решением было бежать, чтобы все обдумать.

Зная маму, Я предполагала, что времени у меня немного, потому что она обязательно позвонит Тимофею, который примчится в скором времени. Закидав в рюкзак самые необходимые вещи, я направилась на вокзал. До Питера я решила добираться на автобусе, так как для билета на него документы не требовались. А то, что мой муж будет меня искать, я знала наверняка. Ещё бы, бывший следователь, к тому же отец полковник, тут волей-неволей начнешь задаваться вопросом, куда делась твоя любимая жена. Но тут дело не ограничится просто вопросом, действия в этом случае тоже будут иметь место. И поэтому чем дальше я сейчас уеду, тем дольше он меня будет искать.

В Питер я уже прибыла ближе к полуночи, всю дорогу я проспала. И только сейчас я вспомнила, что не предупредила Арину. Поэтому, не задумываясь ни минуты, я набрала ее номер, даже не посмотрев на время. Объяснять что-либо я сейчас не хотела, поэтому сказала, что мне пришлось срочно уехать, что обязательно с ней свяжусь, и если Тимофей меня будет искать, то она не должна говорить, что разговаривала со мной.

— Ну, ладно, — сонным голосом прохрипела подруга. — Ты только сообщи, как устроишься. Это так серьезно?

— Да, Арин. Для меня очень серьезно.

— Ты ведь знаешь, что тебе предстоит многое мне объяснить, — вздохнула она.

— Знаю. Извини, что разбудила.

А через час я уже была возле дома у Костика. Конечно, звонить в такое время Ему не хотелось, но не ночевать

же мне на улице. Мой старый друг трубку взял почти сразу.

— Ключи у консьержки. Ты только документы предъяви, а то она у нас дама строгая.

А дальше у меня вёлся почти получасовой допрос. Казалось, что бабушка Божий одуванчик была не просто консьержкой, а чекистом на пенсии, на что я получила подтверждение от Кости, когда он перезвонил узнать, как я устроилась.

— Я послезавтра приеду, мы поговорим. Я может, смогу тебе чем-то помочь, — радушно предложил мужчина. То, что он был меня влюблен в институте, знали все, но мне он нравился в качестве друга. И сейчас, я просто не находила себе места, не зная, как его благодарить.

— Документы сделаешь и за границу отправишь? — горько усмехнулась я.

— В Европу могу, ты только страну выбери и через неделю, ты будешь ее гражданкой, — заверил он, на что я просто рассмеялась, впервые за последние двое суток.

Зря не поверила своему однокурснику.

Когда через день его тушка ввалилась в квартиру, я с трудом узнала в этом мужчине вечно лохматого с бешеным взглядом, Костю Кипеня. Дорогой костюм идеально сидел на фигуре, которая раза в два была больше той, что я помнила, модная стрижка, очки, которые, как я понимала, нужны были для особой солидности. Я сначала даже милицию вызвать хотела, так как не узнала его. Да-да, на то время ещё милицию.

— Да, я изменился! — начал он с порога, принимая меня в свои медвежки объятия. А потом мы пили на кухне текиллу, и я поняла, что Костик мог измениться внешне, мог иметь связи, стать большим человеком, но никогда он не изменится внутренне. Это был все тот же Костяной с теми же привычками, повадками и характером.

— Ты решительно собралась поменять жизнь? — поинтересовался он, когда за окном начало светать.

— Да. Считаю меня ненормальной, легкомысленной, но я не хочу иметь ничего общего с людьми, которые меня предали.

— А может, просто попробуешь их понять? Они ведь не со зла...

— А с чисто-человеческого эгоизма, — заключила я.

— Я помогу. Я не шутил на счёт другой страны, — самодовольная улыбка напознала на его широкую морду.

— Есть, у меня такое ощущение, что ты крёстный отец мафиози, — рассмеялась я. — Откуда такие связи?

— Секрет фирмы, — ткнул он в воздух указательным пальцем. — А если честно, то благодаря тебе.

— Батюшки, какое заявление. Не прояснишь? — нет, симпатия и влюбленность это одно, но вот такими фразами разбрасываться как-то слишком серьезно.

— У меня была цель, точнее даже мечта, — начал Кипень. — Ты, плод моего вдохновения, однажды через много лет после института вдруг попадешь в беду. И тут появляюсь я, весь такой красивый, авторитетный, спасаю тебя из лап злоумышленника, ты влюбляешься в меня, и... Ну, дальше меня фантазия не доводила.

— Убить тебя мало, Кипень. Видимо, слишком у тебя желание сильное было.

— Ну, ты теперь ещё обвиняйте, что в мужиках не умеешь разбираться, — всплеснул он руками.

— И по твоей схеме я теперь должна влюбляться в тебя? — пьяно рассмеялась.

— Не стоит, у меня жена есть — развел он руками. О, да! Жестикуляция всегда была его слабой стороной.

— И как она относится к тому, что ты помчался выручать однокурсницу, которая сейчас сидит на твоей кухне? — я наколола на шпажку лайм и отправила его в рот, скривившись от его вкуса.

— Нормально. Сказала, чтобы я только сам не нарвался на неприятности.

Вот удивляюсь я таким женщинам. Неужели, есть те, кто не ревнует своих мужей, не выносят им мозг по мелочам, а в их семьях полнейшая идиллия? Наверное, есть, раз Костя так спокойно об этом говорил. Врать было не в его интересах. В любом случае чикистка баба Люба доложит жене хозяин квартиры, что тут живёт какая-то посторонняя тётка.

А через пять дней, у меня на руках были новые документы, новая история моей жизни под фамилией Бурджанини и билет в далёкую Италию, который был помечен во всех системах, как обратный. Словно все двадцать шесть лет Я была в гостях, а теперь возвращаюсь домой.

* * *

Вова продолжал стучать в дверь и просил открыть.

— Я полицию вызову, уходи, — пригрозила я, набирая номер сто тринадцать для вызова органов правопорядка.

— Твоя взяла, Алиса, но знай, что я не отстану, — пригрозил он, а затем я услышала звук захлопывающейся калитки. Я подошла к окну, чтобы удостовериться, что он ушел, и только когда увидела его удаляющийся силуэт в свете ночных фонарей по пустынной улице, вздохнула с облегчением. Этот день закончился, а в новом, меня уже здесь не будет. Пора бежать.м

— Вова? — только и смогла выдавить я из себя. Какой-то неведомый до этого момента страх схватил холодными пальцами прямо за ребра, заставляя задыхаться. Вот кого-кого, а этого человека я видеть точно не ожидала. Да что там не ожидала? Я не хотела! И куда, спрашивается, делась та неземная любовь, которая когда-то застилала мне глаза? А я ведь была уверена, что любила его. Что это было?

В голове тысячу раз я прокручивала этот вопрос и пыталась самостоятельно дать на него ответ. Объяснял мне это все чуть позже, когда я осталась без любимого человека, без ребенка, без поддержки, психолог. Да-да, у нас у всех с детства сложился стереотип, что это прерогатива «западных» людишек искать поддержку у мозгоправов. Как оказалось, в нашей стране эта специальность так же пользуется большим спросом. Наверное, мне нужно было просто выговориться и услышать, что я все делаю правильно.

— Если ты откажешься, то мы тебя отправим на принудительное лечение, — пригрозила мама, когда впервые услышала мое «нет» по поводу ее предложения обратиться к специалисту.

Да, тогда я была легковменяема, поэтому и маме и моему психологу было очень легко мне что-то внушить мне. А точнее, я была безвольной куклой в руках страшного человека. А мне просто хотелось кому-то рассказать все.

Сначала визиты к мозгоправу были частыми, два, а то и три раза в неделю, через месяц окружающие увидели прогресс, а через четыре, я и вовсе, как было указано в карте, поправилась. Ну, а что, оказалось, что в мире существует болезнь под названием Владимир Краснослободцев и при чем сейчас я не очень боялась, нет не заразиться. Иммунитет на вирус я выработала несколько лет назад, и уже ничего не надо, ничего не сжималось. Я просто боялась. Боялась этого яростного взгляда, этих сжатых в тонкую линию губ, этого голоса с холодными нотками.

— Ты будешь гостя дорогого встречать на пороге? — усмехнулся Володя.

— Во-первых, я тебя не приглашала, так что ты пришел без ведома хозяйки, а во-вторых, сейчас не лучшее время, чтобы принимать гостей. Мне пора спать.

Дверь я захлопнула со всего размаху, не дав ему сообразить, быстро повернула ключ в замочной скважине, и трясущимися руками закрыла единственное открытое в доме окно, ринулась на ватных ногах, чтобы забаррикадировать балконную дверь. Почему существовал этот страх? Ответов на данный вопрос я не знала, как не знала откуда здесь появился Вова.

А вот ответить на то, почему я убежала тогда, два года назад, я могла с полной уверенностью: ненависть и страх.

* * *

— Ты как здесь? — это первое, что я задала, когда мы оказались на улице. Я сбежала с ресторана, так и не сказав Арине причину. Но сейчас я не думала о том, как буду ей объяснять. Четыре с половиной года я его не видела, а за это время можно многое забыть. Но я точно помнила, разглядывая в свете уличных фонарей, что не было у него до этого такого холодного отстраненного взгляда, что не было этих мелких морщинок у глаз. Откуда? Он ведь был старше меня всего на четыре года. А на коротко стриженных висках поблёскивает седые волоски. Похудел, заматерел... Я разглядывала мужчину, и мне казалось, что все, что нас связывало когда-то было в прошлой жизни и не со мной.

— Думаешь сбежал? — чуть усмехнулся он, но как-то тяжело.

— Я ничего не думаю, — резко выкрикнула я. — Зачем ты приехал?

— За тобой, — заявил он, как будто это было что-то естественное.

— Поздно, — возразила я. — Я замужем, и люблю своего мужа.

— А меня?

— Нет, Вова, уже разлюбила. Все прошло.

Врала ли я? Нет! Да, может к Тимофею я и не испытывала таких сильных чувств, как когда-то к Краснослободцеву, но этот человек мне давно стал чужой. Мое лицо всё ещё помнило, как тяжела его ладонь, когда она с яростью била по нему, мои руки всё ещё помнили, насколько он силен, когда оставлял синяки на запястьях. А вот вкус поцелуя, прикосновения, ощущение его кожи на моих ладонях, напрочь стёрлись из памяти.

Долгих пять минут, которые казались вечностью, он рассматривал меня внимательно, словно сканировал каждую клеточку, заглядывал душу своими выцветшими голубыми глазами. А лицо оставалось беспристрастно, не выражало абсолютно никаких эмоций.

— Ты изменилась.

— А ты хотел через пять лет увидеть все ту же наивную девочку, которую так легко обидеть или подчинить себе?

— Я не знаю, что я хотел увидеть. Но вижу, что ты сейчас подчиняешься совсем другому мужчине. А ты знаешь

кто он? Думаю, даже не догадываешься с кем ты живёшь Алиса.

— Вова ты о чём? Ты совсем с ума сошёл? Уходи! Я не хочу с тобой разговаривать и видеть тебя. Мне пора домой. Меня ждет любимый муж. А тебя сейчас здесь никто не ждёт. Уезжай! — руки тряслись, хотела скорее бежать отсюда, не видеть этого человека. Спасаться. Только от кого спасаться-то? От себя?

— Только когда вернешься домой, не забудь спросить своего мужа, за что Он посадил меня за решётку, — Вова сжал свои губы в тонкую линию, резко развернулся и ушёл, оставив меня посреди парковки ресторана. А я стояла в свете фонаря, не понимая, что выгляжу одиноко и жалко под этим промозглым апрельским ветром. В этот момент как будто бы какой-то переключатель щелкнул в голове, я начала отчаянно соображать, вспоминая события пятилетней давности. Руки до сих пор трястись от волнения, а Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я не помнила, как я добралась до дома. Глаза застилала пелена непроглядных слез, но я боялась вспомнить. Я боялась своих воспоминаний, потому что понимала, что могу остаться одна. Я давно их закрыла глубоко в своей голове, и никому не показывала. Наверное поэтому я и не делилась с подругами своим прошлым. Это было больно, я бы не могла ещё раз это пережить пусть даже и мысленно. Тимофей, как мне помнилось, ворвался в мою жизнь неожиданно. А что этому предшествовало? Я со дня нашей первой встречи воспринимала его как что-то нормальное, человека, который должен присутствовать в моей жизни. Он был другом, но как он оказался моим мужем? На этот вопрос я и сама не могла дать себе ответ. Но эта встреча с Вовой заставила меня задуматься. И почему он обвинял моего мужа в том, что оказался за решеткой? Почему я сомневалась в нём?

Я припарковала машину недалеко от дома, а сама просидела ещё минут тридцать, прежде чем войти в квартиру. Я видела, что окна нашей кухни, которые выходили во двор светятся. Я даже могла предположить, что мой муж сейчас сидит за столом и ждет меня. На плите уже вскипел чайник, А на столе стоит корзинка со сладостями. Это была у нас маленькая традиция, когда он или я ждали друг друга с работы, то ставили чайник а потом по возвращению, вдвоём пили чай и болтали о том, как прошел наш день. За два года совместной жизни таких традиций стало очень много. А сейчас я просто не могла поверить, что мой муж, любимый муж, мог сотворить какой-то нехороший поступок, связанный с моей прошлой жизнью. Зачем ему было сажать Вову? Зачем? Из-за меня? А стоила ли я того? Наверное, эти вопросы лучше было задать Тимофею. Но я боялась. Я боялась услышать ответы, и получить подтверждение своих догадок. Я не хотела терять то, что у меня сейчас было. А это был надежный муж, любимая работа, подруги, которые меня любили и поддерживали. Узнать правду означало — потерять все.

Когда я решила подняться домой, я боялась, что он всё поймёт. Он поймет, что я видела Вову. Он поймет, что я никогда не любила его так, как Краснослободцева. Он поймёт, что я знаю его маленький секрет. Он поймёт, что я его так и не простила, за то, что он оставил меня без ребенка, да и вообще без надежды на то, что я когда-нибудь стану мамой. Что-то было, что-то мучительно, что разрывало меня долгие годы, но я тщательно это маскировала.

Боже, Сколько мыслей, сколько это всего, что не должно было быть в моей жизни. И что в итоге? Я доверяю ее преступнику свою семейную жизнь, свое будущее? Это бред! Это просто бред. Со всех ног я бросилась к двери, отыскала ключ в сумочке, трясушимися руками вставила его в замочную скважину, влетела в квартиру, и увидела Тимофея, который сидел на кухне и ждал меня. Внутри всё сжалось, как я могла в нём сомневаться? Он моя судьба, он тот, кого я выбрала, кому я доверилась и кому я доверила свою судьбу. А Вова, он просто ревнует. Это обыкновенная мужская ревность, ведь когда-то Я была с ним рядом, и он мог делать со мной всё что хотел. А теперь этой возможности просто-напросто не предвидится.

— Привет, дорогая! Я думал, ты придешь раньше. Чай будешь? — Тимофей чмокнул меня в щечку, взял куртку, которую повесил на крючок, подал мне тапочки.

— Конечно, Тима!

— На тебе лица нет. Что-то случилось, Алиса?

— Нет, просто устала.

В тот вечер я так и не поговорила с ним. Поэтому, сославшись на головную боль, Я решила не выйти на работу, а найти Вову. Да, согласна, решение абсолютно глупое. Но я должна была выслушать его версию, прежде чем начинать разговор с мужем. Что все-таки случилось тогда. Выяснить, в какой гостинице остановился Краснослободцев, особого труда не составило, так как гостиниц в городе было не слишком много. Он же не мог приехать просто на один вечер, чтобы повидаться со мной, и спокойно уехать после моего отказа. Я знала его хорошо. Он ждал, он как хищник поджидал, словно добычу, которой он привык обладать. По сути, я была просто обыкновенной вещью, которую он когда-то потерял, и теперь хотел вернуть, как законный ее хозяин. Конечно ассоциация не самая лестная, но ведь это было так, если учесть нашу совместную жизнь.

— Я ждал тебя, — дверь гостиничного номера отворилась, а на пороге стоял совершенно чужой Вовка. Он улыбался, и в этой улыбке чувствовать что-то отталкивающее, холодное, хищное. Она словно говорила, что он был прав. Но я ведь так и не поговорила с Тимофеем.

— Нам нужно поговорить, — я не дожидаясь приглашения, прошла в его крохотный номер. Я знала, что

рисковала. Город маленький, и совсем скоро могут проползти слухи, что я приходила к незнакомому мужчине, и оставалась в его номере довольно долго. Что подумает Агеев? Уж точно не то, что я просто пришла с намерением выяснить, в чем его обвиняют, учитывая его сложный характер.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что Тимофей виноват в том, что ты оказался в тюрьме?

— Это и имел в виду. А что ты еще хотела услышать? — он скрестил руки на груди, оперся о стену и смотрел на мои метания по комнате с абсолютным безразличием.

— Ты хочешь сказать, что тебя подставили? — спросила я прямо.

— Да, именно так. Ещё хотели повесить на меня избиение твоего бывшего, хотя все прекрасно знали, что пьяного Генку тогда покалечил твой благоверный — с каким наслаждением он выплевывал эти слова.

— И ты совсем не виновен, да, Вова?

— Почему? Организатором и лидером банды нашей я никогда не был, но на меня повесили хищение и незаконную торговлю оружием. Да, с этим я дело имел, но я был лишь мелкой пешкой в большой игре. А вот следакам, которым заплатили твой отец и твой муж, — скривился Вова, словно проглотил какого-то жука, — было выгодно кого-то закрыть и продолжать заколачивают бабки, имея долю с продажи оружия.

— Тебе дали десять лет, — заявила я.

— У меня адвокат хороший, даром, что бесплатный. Вот я и на свободе. Дело перешли, и решили, что за содеянное я уже отсидел. Почему ты стала такая злая, Алиса? — он хотел подойти, но я шарахнулась от него, как от прокаженного. — Ясно. Тебе что-то про меня наплели тогда?

— Вова, я пришла выяснять не наши отношения.

— Хорошо! Когда я всё ещё находился в СИЗО, когда мне приходил твой Агеев. Встреча наша была короткой потому, что свидания мне были запрещены, но очень продуктивной. Он мне пообещал, что сгноит меня в тюрьме, если я не оставлю тебя в покое.

— Хочешь сказать, что это все было из-за меня? — не верила я своим ушам.

— Да! Знаешь, я бы не побрезговал глотку ему тогда разорвать, но он сказал, что ты сделала аборт и не собираешься больше иметь со мной дело.

Это было тяжело слушать, я опустилась на край кровати, обхватила голову руками, которая тщательно соображала, пытаюсь найти доказательства невинности Тимофея.

— Ты правда была беременна? — уточнил Вова.

— Была, — подтвердила я. — Меня заставили сделать аборт, это было не по моей воле. Ты не представляешь, что со мной творилось в тот период, когда я даже руки на себя наложить пыталась.

— Позволила, значит, убить нашего ребенка. А я все это время мечтал, что когда выйду, обязательно тебя найду и увезу куда-нибудь далеко...

— Чтобы запереть меня в комнате и не позволять ни с кем общаться? — усмехнулась я горько.

— Зачем ты так? — он снова кинулся когда мне, присел на корточки, обхватив мои ладони своими. — Я ведь люблю тебя. А предательство твоё, когда-нибудь забудется.

— Зная тебя, ты никогда этого не забудешь.

— Сопrotивляйся сколько хочешь, ты все равно ко мне вернёшься.

Не вернулась. Тем же вечером, я решила выяснить версию Агеева.

— Ты с ума сошла? Откуда эти мысли могли взяться в твоей головке? — выставить меня душой, это был это очень по-Агеевски.

— А что мне ещё думать?

— А с чего ты вдруг спохватилась? Решила передачи по тюрьмам возить?

— Почему ты кричишь? Что я такого спросила? — Я была в бешенстве, а для этого разговора нужна была трезвая голова. Глубокий вдох. Я закрыла глаза, мысленно успокаивая себя, и уже более спокойно продолжила. — Я просто хочу знать, в чём причина потому, что мне кажется, что всё произошло из-за меня. Или я тут не причём?

— Хочешь знать правду, Алиса? А правда проста. Да, этот человек тебя был недостоин. Я всеми силами пытался вырвать тебя из его лап. Спросишь почему? Всё просто, я люблю тебя, и не намерен ни с кем делить.

Тимофей кричал, он никогда раньше не пытался повысить на меня голос. Даже когда мы ругались, обычно истерила я, а он находился в холодном спокойствии, старался успокоить меня. Да, он был другой. Он никогда бы меня не ударил, не причинил вреда, Но получается, что этого человека я не знала совсем. Неужели ради себя, ради того чтобы я была с ним, он смог посадить человека, он смог заставить меня сделать аборт, он смог приручить меня. А я как дура была ему благодарна, я ведь даже не понимала, что просто нахожусь золотой клетке. Когда у нас возникал вопрос о ребенке, он всегда говорил, что можно что-нибудь сделать, например, усыновить, или оплатить суррогатное материнство. А я хотела сама родить, я хотела своего ребёнка. А Тима меня лишь успокаивал, гладил по голове, держал за плечи и говорил, что всё будет хорошо. А я верила, но мои истерики повторялись снова и снова, А Тимофей терпел, может потому, что чувствовал свою вину. Но суть не в этом, сейчас я понимала, что он

пойдёт на всё и ни перед чем не остановится, только уйти он мне не даст.

Этот вечер был тяжёлый, он хлопнул дверью, ушел куда-то, оставил меня в полном одиночестве. А я уже начала соображать, что жить с ним больше не смогу, что бы нас не связывало. Душа моя творческая была слишком ранима, поэтому, найдя в записной книжке номер своего однокурсника Кости Кипеня, я набрала ему.

— Мне нужно убежище, ненадолго. Сможешь помочь? — попросила я после всех учтенных формальностей, типа «как дела?» и все такое.

— А от кого бежишь? — поинтересовался он.

— Ото всех. Так что, на тебя можно рассчитывать, Кость?

— Конечно, приезжай. Я соседку предупрежу, я сейчас в Москве, она тебе ключи даст, а адрес ты знаешь, — вот так вот просто и без лишних вопросов.

С мамой продуктивного разговора не получилось. К ней я попала уже ближе к обеду, когда я вошла в дом, она хозяйничала на кухне, готовила папе ужин. На моё появление она отреагировала удивлением, разгар рабочего дня, а я слоняюсь без дела. Но когда я подняла тему, которую вот уже почти три года мы не обсуждали, она немного растерялась.

— С чего это ты вдруг...

— Не начинай, — опередила я ее, зная, что после этих слов может последовать грозная тирада. Тема была запретной.

— Ах, этого уголовника уже выпустили, — воскликнула она, когда я объяснила ситуацию. — Ему просто нужно найти крайнего.

— А вы?

— Мы просто хотели для тебя счастья, — мама потянулась за корвалолом, который всегда стоял в кухонном шкафу на случай бунта ее нервишек. По помещению сразу разнёсся приторный запах лекарства, от которого всегда тошнило. Правда в этот день у меня он никакой реакции не вызывал.

— Мам, вы посадили человека, заботясь обо мне? Ты себя слышишь? — слов подобрать я просто не могла.

— Так было нужно. И тем более, он не такой безвинный, как тебе хотелось бы, — отрезала она. Оказывается, я жила со страшными людьми, более того, я находилась с ними в родстве.

— По-моему, вы не обо мне заботились, вы заботились о том, что скажут люди. Ваша дочь связалась с каким-то непонятным типом. И я не верю, что ты не могла повлиять на действия отца. Вы что? Элита! Куда ж нам бедным родственникам до вас? Нашли мне подходящую кандидатуру, да, мам? Я же невестка самого генерала Агеева, — фонтан слов поперек из меня вместе с эмоциями. Боже, как же было больно. Они все утверждали, что думали обо мне, а сами поломали мою жизнь и жизнь человека, которого я любила. Это было эгоистично и мерзко. Вот так в одночасье я потеряла своих близких. Я бы могла их понять, если бы не дополнения мамы, когда всей моей браваде: «А ты ещё умудрилась забеременеть от этого типа». Вот оно что! Тимофей ведь был согласен на воспитание чужого ребенка, но родители снова сделали выбор за меня, воспользовавшись моей депрессией.

Что я чувствовала, убегая из родительского дома? Я ненавидела их, ненавидела всем сердцем. И единственным правильным решением было бежать, чтобы все обдумать.

Зная маму, Я предполагала, что времени у меня немного, потому что она обязательно позвонит Тимофею, который примчится в скором времени. Закидав в рюкзак самые необходимые вещи, я направилась на вокзал. До Питера я решила добираться на автобусе, так как для билета на него документы не требовались. А то, что мой муж будет меня искать, я знала наверняка. Ещё бы, бывший следователь, к тому же отец полковник, тут волей-неволей начнешь задаваться вопросом, куда делась твоя любимая жена. Но тут дело не ограничится просто вопросом, действия в этом случае тоже будут иметь место. И поэтому чем дальше я сейчас уеду, тем дольше он меня будет искать.

В Питер я уже прибыла ближе к полуночи, всю дорогу я проспала. И только сейчас я вспомнила, что не предупредила Арину. Поэтому, не задумываясь ни минуты, я набрала ее номер, даже не посмотрев на время. Объяснять что-либо я сейчас не хотела, поэтому сказала, что мне пришлось срочно уехать, что обязательно с ней свяжусь, и если Тимофей меня будет искать, то она не должна говорить, что разговаривала со мной.

— Ну, ладно, — сонным голосом прохрипела подруга. — Ты только сообщи, как устроишься. Это так серьезно?

— Да, Арин. Для меня очень серьезно.

— Ты ведь знаешь, что тебе предстоит многое мне объяснить, — вздохнула она.

— Знаю. Извини, что разбудила.

А через час я уже была возле дома у Костика. Конечно, звонить в такое время Ему не хотелось, но не ночевать же мне на улице. Мой старый друг трубку взял почти сразу.

— Ключи у консьержки. Ты только документы предъяви, а то она у нас дама строгая.

А дальше у меня вёлся почти получасовой допрос. Казалось, что бабушка Божий одуванчик была не просто консьержкой, а чекистом на пенсии, на что я получила подтверждение от Кости, когда он перезвонил узнать, как я

устроилась.

— Я послезавтра приеду, мы поговорим. Я может, смогу тебе чем-то помочь, — радушно предложил мужчина. То, что он был меня влюблен в институте, знали все, но мне он нравился в качестве друга. И сейчас, я просто не находила себе места, не зная, как его благодарить.

— Документы сделаешь и за границу отправишь? — горько усмехнулась я.

— В Европу могу, ты только страну выбери и через неделю, ты будешь ее гражданкой, — заверил он, на что я просто рассмеялась, впервые за последние двое суток.

Зря не поверила своему однокурснику.

Когда через день его тушка ввалилась в квартиру, я с трудом узнала в этом мужчине вечно лохматого с бешеным взглядом, Костю Кипеня. Дорогой костюм идеально сидел на фигуре, которая раза в два была больше той, что я помнила, модная стрижка, очки, которые, как я понимала, нужны были для особой солидности. Я сначала даже милицию вызвать хотела, так как не узнала его. Да-да, на то время ещё милицию.

— Да, я изменился! — начал он с порога, принимая меня в свои медвежьи объятия. А потом мы пили на кухне текиллу, и я поняла, что Костик мог измениться внешне, мог иметь связи, стать большим человеком, но никогда он не изменится внутренне. Это был все тот же Костяной с теми же привычками, повадками и характером.

— Ты решительно собралась поменять жизнь? — поинтересовался он, когда за окном начало светать.

— Да. Считаю меня ненормальной, легкомысленной, но я не хочу иметь ничего общего с людьми, которые меня предали.

— А может, просто попробуешь их понять? Они ведь не со зла...

— А с чисто-человеческого эгоизма, — заключила я.

— Я помогу. Я не шутил на счёт другой страны, — самодовольная улыбка напозла на его широкую морду.

— Есть, у меня такое ощущение, что ты крёстный отец мафиози, — рассмеялась я. — Откуда такие связи?

— Секрет фирмы, — ткнул он в воздух указательным пальцем. — А если честно, то благодаря тебе.

— Батюшки, какое заявление. Не прояснишь? — нет, симпатия и влюбленность это одно, но вот такими фразами разбрасываться как-то слишком серьезно.

— У меня была цель, точнее даже мечта, — начал Кипень. — Ты, плод моего вдохновения, однажды через много лет после института вдруг попадешь в беду. И тут появляюсь я, весь такой красивый, авторитетный, спасаю тебя из лап злоумышленника, ты влюбляешься в меня, и... Ну, дальше меня фантазия не доводила.

— Убить тебя мало, Кипень. Видимо, слишком у тебя желание сильное было.

— Ну, ты теперь ещё обвиняйте, что в мужиках не умеешь разбираться, — всплеснул он руками.

— И по твоей схеме я теперь должна влюбляться в тебя? — пьяно рассмеялась.

— Не стоит, у меня жена есть — развел он руками. О, да! Жестикуляция всегда была его слабой стороной.

— И как она относится к тому, что ты помчался выручать однокурсницу, которая сейчас сидит на твоей кухне? — я наколола на шпажку лайм и отправила его в рот, скривившись от его вкуса.

— Нормально. Сказала, чтобы я только сам не наварлся на неприятности.

Вот удивляюсь я таким женщинам. Неужели, есть те, кто не ревнует своих мужей, не выносят им мозг по мелочам, а в их семьях полнейшая идиллия? Наверное, есть, раз Костя так спокойно об этом говорил. Врать было не в его интересах. В любом случае чикистка баба Люба доложит жене хозяин квартиры, что тут живёт какая-то посторонняя тётка.

А через пять дней, у меня на руках были новые документы, новая история моей жизни под фамилией Бурджанини и билет в далёкую Италию, который был помечен во всех системах, как обратный. Словно все двадцать шесть лет Я была в гостях, а теперь возвращаюсь домой.

* * *

Вова продолжал стучать в дверь и просил открыть.

— Я полицию вызову, уходи, — пригрозила я, набирая номер сто тринадцать для вызова органов правопорядка.

— Твоя взяла, Алиса, но знай, что я не отстану, — пригрозил он, а затем я услышала звук захлопывающейся калитки. Я подошла к окну, чтобы удостовериться, что он ушел, и только когда увидела его удаляющийся силуэт в свете ночных фонарей по пустынной улице, вздохнула с облегчением. Этот день закончился, а в новом, меня уже здесь не будет. Пора бежать.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ О ТЕРЗАНИЯХ, СО СВЕЖИМ ВЗГЛЯДОМ НА ЖИЗНЬ И НА МУЖЧИН

Ночь оказалась бессонной. До самого рассвета я прокручивала в голове проблему, возникшую в лице Вовы. Я всплила, когда приказала себе бежать. Но не могу же я, в самом деле, прятаться от него всю жизнь. Если я хочу, чтобы что-то сложилось в ней, я должна раз и навсегда покончить с прошлым. М-да, сказать легко, а вот сделать... У меня просто не хватит смелости столкнуться с ним снова.

Ворочаясь в постели с боку на бок, я тщательно продумывала то, что скажу ему, чтобы убедить уехать отсюда. И вообще, он же судим, а его так легко впустили на территорию Европы, тем более в шенгенскую страну? Хотя, если судимость снята, то наверное, с этим проблем не было. Но опять же с нашим законодательством у него явно должны были возникнуть проблемы в получении загранпаспорта, потому что я не помню, чтобы он у Краснослободцева был. После того, как он пережил эту бюрократию с документами, он от меня просто так отстанет. Нет, тут ни слова, ни действия не возьмёют. Ему что-то нужно было здесь. И скорее всего от меня. Все таки, как ни крути, а я чувствовала себя предательницей по отношению к нему.

Я уснула лишь на рассвете, сама не заметила, как погрузилась в беспокойный сон. Бывает, когда у тебя проблемы и ты засыпаешь, то тебе может присниться, что ты их решил. И ты просыпаешься с надеждой, что все будет хорошо, но потом понимаешь, что эти и проблемы никуда не денутся, а тебе их придется решать.

В этом своём сне я видела Вову, я видела его словно живого. Словно это было до его отсидки, когда он был не таким жёстким и...взрослым. Мы стояли на пустынном пляже, который находится недалеко от моего дома. Это не очень популярное место, так как очень часто в этой бухте возникают сильные волны, но я любила это уединение. Он обнимал меня за талию одной рукой, такой холодной и чужой, улыбался, но молчал при этом. А потом, словно в каком-то дешёвом триллере, в руках у него оказался нож, он блеснул в свете заходящего солнца, хотя я была уверена, что сейчас полдень. С благоговейной улыбкой на лице, он воткнул мне его в спину. Я не чувствовала боли, но мне было страшно, когда он смотрел мне прямо в глаза и улыбался «Ты ведь сделала то же самое со мной, предательница» — заявил он.

На этой фразе я подскочила на месте. Голова ужасно болела, а руки содрогались в нервной дрожи. Такой короткий сон, такой жуткий. Словно там, в царстве Морфея, я была всего несколько секунд, прежде чем Вова мне отомстил. Да нет, я просто накручиваю себе. Он бы никогда... «А ты уверена?» — злобно хихикнул внутренний голос, и я сдалась. Что делать я не знала, а думать мне сейчас просто надоело. Я ведь слабая женщина, которая всегда нуждалась в защите и поддержке. Видимо, пришла пора показать себя с другой стороны.

Поднявшись с кровати, я поплелась в душ, всё ещё не понимая почему в комнате так душно. Прохладные струйки стекали по коже, оставляя на ней мурашки, смывали остатки сна. Я глубоко дышала, опираясь руками о холодный кафель на стене. Как мне говорил психолог? Нужна внутренняя концентрация, чтобы успокоиться, нужно думать о чем-нибудь хорошем.

Не получалось, хоть убейся, не получалось. Ведь жила же спокойно до его появления и в студенчестве, и в замужестве, и в бегах. Неужели он будет мне ещё долго портить жизнь? И как на зло посоветоваться не с кем. Как всегда. А я ведь сама виновата, что не подпускала к себе близко людей.

Ладно, была-не была. Я ведь могу вызвать полицию в любой момент, если вдруг почувствую опасность, поэтому, выходя из дома на пляж, где собиралась позагорать, поставила номер экстренного вызова на первую кнопку. Даже с блокировки телефон сняла.

Солнце находилось в зените, когда я направилась на звук моря, натянув солнцезащитные очки и шляпу с широкими полями. Внутри где-то теплилась надежда, что останусь незамеченной, по крайней мере не узнанной. Вот что значит пересмотрела в юности шпионских фильмов. О, это была моя большая слабость.

Меня прельщала эта романтика. Я часто представляла себя девушкой Бонда или докручивала историю Максима Исаева, где я была такая же крутая разведчица и помогала ему. Фантазия моя тогда зашкаливала. Это сейчас смешно вспоминать, но замашки, видимо, всё ещё остались.

— Алисия, — окликнула меня сеньора Роза, соседка, которая помогла мне когда-то устроиться в школу.

Женщина с пышными формами и толстой смоляной косой под платком, неслась ко мне через весь двор, и кажется лишние килограммы ей даже не мешали.

— Да, сеньора Роза, — улыбнулась я как можно более добродушно. — Добрый день!

— И тебе счастья, деточка! — отмахнулась она от меня. — Тут мужчина какой-то вчера вечером крутился, про тебя выспрашивал.

Засветился, значит, Володя. С одной стороны хорошо, значит будут если что, хоть косвенные, но свидетели. Боже, о чем же я думаю? Почему мысли все такие негативные?

— Правда? Как придёт, гоните его отсюда, — постаралась я натянуть улыбку. — Это мой бывший, покоя не

даст. — объяснила я опешившей женщине.

— Ох, а я знала, что не такая уж ты тихоня, — расцвела Роза. Такие щепетильные темы про любовь и бывших всегда были «в ходу» у женщин. Дай только повод для сплетен. Я по их меркам была не очень интересна, так как не имела толпу любовников, или хотябы какую-нибудь душераздирающую историю. А тут и с Арданно засветилась, и вот с бывшим.

— И ещё я тебя на праздник хотела пригласить. Двадцать лет, как я живу со своим несносным мужем, — она показала мимикой крайнюю степень недовольства, хотя я знала, что отношения у них до сих пор были горячие. Ох, эта итальянская страстная натура!

— Обязательно зайду поздравить, — пообещала я.

Мы распрощались, и я продолжила свой путь, отметив галочкой в голове, не забыть пройтись по магазинам, купить что-нибудь в подарок.

Как отмечают такие события у итальянцев, я не знала, но вот у моих родителей на двадцатилетие была фарфоровая свадьба. Значит, буду связывать праздник соседей с русскими традициями, потом и объясню сразу. А ещё, я знала, что на такие события дарить дорогие подарки было не прилично, если ты не кровный родственник.

— Алиса! — окликнул меня знакомый мужской голос. Недалеко от меня, расположившись на огромном покрывале сидел Джузеппе с маленькой девочкой на руках. Другая усердно рассматривала его цветастые шорты, ковыряя на них что-то. Чуть правее от него молодая женщина с копной непослушных темных вьющихся волос лепила башенки замка, а двое мальчишек помогали ей. Она весело смеялась, рассказывала им что-то, при этом ребята брызгали друг в друга водой из ведра, которое стояло рядом с ними.

— Джузеппе! — помахала я ему рукой, натянув на лицо улыбку. Ну вот, теперь хоть в относительной безопасности буду. — Не ожидала тебя здесь увидеть!

— А мы с малышами решили выбраться из дома, — его широченная улыбка и обалденное загорелое тело с выделяющимися в нужных местах мышцами ну ни как не вписывались в образ приличного семьянина и учителя. — Знакомься, это моя жена Джульетта!

Женщина вытерла песок о короткие шорты и протянула мне руку.

— Давно с тобой хотела познакомиться, Алиса, — и она улыбается такой же широкой улыбкой, как и ее муж. Теперь не удивительно, почему красавец Джузеппе так дорожит семьёй, иметь такую светлую и потрясающе красивую жену с очаровательной улыбкой, бархатным голосом, который обволакивал каждую клеточку твоего мозга, это одна из высших наград.

— Мне тоже очень приятно. Джузеппе много о тебе рассказывал.

— Ох, это его любимая тема.

В весёлых играх и разговорах пошел почти весь день. Я подружилась не только с Джульеттой, но и с ее прекрасными детишками. С ними я и сама себя чувствовала ребенком, плескаясь в проливе, пуская воздушного змея, рисуя на песке, просто резвясь на теплом солнце, играя в футбол и в салки. Мне было стыдно, что я так внезапно влилась в их семейный «уик-энд», но Джульетта меня быстро успокоила, заверив, что всегда рада, когда их друзья проводят вместе с ними время. Вот так! Я стала другом для этой семьи, и теперь даже не возникло возможности отказаться от ужина в их доме.

Я забыла о проблемах, даже о том, что собиралась зайти в магазин, и поэтому попала в небольшую сувенирную лавку перед самым закрытием. Продавец мне предлагал много решений моей проблемы, но свой взор я остановила на двух фарфоровых фигурках, которые продавались по отдельности, но составляли комплект. Это были мужчина и женщина уже преклонного возраста, при чем оба пышущие здоровьем. И когда я поставила их спинами друг к другу, они идеально совпадали, смотря на меня зеницами нарисованных глаз.

— Их! — мои глаза тоже заблестели. Не думала, что могу найти что-то подобное в маленькой лавке.

Идя по улице, которая утопала в розовых закатных лучах, меня не покидало чувство, что за мной следят. Но среди нечастых прохожих и посетителей кафе неподалеку от моего дома я не смогла заметить человека, который бы интересовался моей личностью, это я о Вове.

Как-то жутковато было, когда я всматривалась в каждый темный переулочек, представляла, что он где-то рядом. Почему он меня сегодня не нашел? Он ведь знал, что я не буду от него скрываться. По крайней мере, он догадывался о том, что у меня может быть своя жизнь. И, наверное он не дурак, чтобы понять, что я не буду сидеть дома ждать его. Ладно, пока нужно расслабиться и не думать о нём. Ведь я жива, у меня начали появляться друзья здесь, а это уже многое значило. Мне здесь невероятно нравилось, и эта атмосфера дружелюбия и ожидания какого-то волшебства, которое вот-вот произойдет.

На эти мысли меня натолкнули искрящиеся лампочками-светлячками гирлянды, которые сияли во дворе у сеньоры Розы, оттуда доносились звуки зажигательной музыки и голоса, переходящие иногда в смех. Да, наверное, я на праздник опаздывала, но не могла же я в таком виде отправиться в гости.

— Добрый вечер, синьорина! — приятный баритон, коснулся моего слуха, и я расцвела в улыбке, узнав его.

— Привет, Ардандо! — он двигался от своего дома, вниз по улице, пока, видимо, не столкнулся со мной. Синие джинсы, идеально подчеркивали его длинные ноги, белая рубашка с закатанными рукавами и расстегнутыми верхними пуговицами оттеняла смуглую кожу. Свои кудри он собрал в забавный хвост на затылке, а вот побриться, видимо, забыл. Хотя, с щетиной ему было гораздо лучше. По крайней мере, он выглядел старше, и я не чувствовала себя старушкой по сравнению с ним. Да-да, он был младше почти на три года. Но разве в этом может быть проблема?

— Ты не идёшь к Розе и Матео на праздник? — удивился он.

— Иду, мне просто нужно переодеться. Я на пляже сегодня была, поэтому, думаю, в купальнике будет неуместно посещать такое мероприятие.

— Тебя проводить? А то темнеет, — предложил молодой человек.

— А по мне, так ты просто напрашиваешься в гости, — я хотела было возмутиться, но потом спохватилась, во-первых, боясь обидеть его, а во-вторых, опасаясь визита своего бывшего. По крайней мере, мужчина рядом, это уже залог хотя бы моральной, но безопасности.

— Проводи! Но учти, кроме вина у меня ничего дома нет.

— Пьешь в одиночестве? — разулыбался он, поворачивая назад.

— А мне кажется, что тема алкоголя у нас с тобой всегда получается отличной для обсуждения, — рассмеялась я.

— Знаешь, до встречи с тобой, я был непьющим мужчиной.

— Испортила, выходит, тебя я? — и почему с ним было так легко?

Обсуждая его нелегкую судьбу после нашего знакомства, мы добрались до двери домика, который я сейчас считала домом. Пока Ардандо ждал меня внизу, я успела не только переодеться в длинный сарафан с цветочным принтом, но и просмотреть электронную почту, где Рима выслала номер рейса и время прилета. Ну все, ждать осталось недолго, в следующую субботу, я увижусь с подружкой. Будет с кем поговорить о наболевшем. Главное, дожить бы до субботы.

Вот что-то, а праздновать итальянцы умеют с размахом любое событие. Как оказалось, мы с Ардандо были не самыми последними гостями. Но наше появление вместе было расценено по-своему, мол «голубки» и все вытекающие из этого шутки. Но это было первые десять минут, пока меня представляли попадающиеся поблизости людям, среди которых были родственники и друзья хозяев праздника. Когда я вручила подарок, сеньора Роза даже растерялась, пока я не объяснила традиции русской свадьбы, а потом уже объяснила, что подарок моему бюджету урон не нанес. Тетушка расцеловала меня в обе щеки и послала к гостям, среди которых я легко затерялась.

— Я никогда не была на таких праздниках, — честно призналась я Ардандо.

— Это всегда весело и... — он задумался, подбирая слово — вкусно. Помимо небольшого фуршета нас ждёт застолье с обжорством и танцы почти до упаду.

— Значит, мне нужно искать партнёра для танцев? — улыбнулась хитро я.

— Не беспокойся, партнёры тебя сами найдут. Но обещай, что хотя бы один раз со мной станцуешь.

Обжорство? Да-да, я думала это все в переносном смысле, но нет, Ардандо говорил правду. Длинный стол занимал третью часть заднего двора, куда нас пригласили немного погодя, накрыт он был для сорока человек, которые пришли поздравить «молодоженов» двадцатилетней выдержки. Причем он просто ломился от разнообразия закусок и блюд.

— А теперь рассказывай, что я ем, — своего соседа я усадила рядом с собой, чтобы ненароком не съесть что-то не то. А то как-то довелось мне побывать с однокурсником китайцем у него дома. Я долго потом полоскала рот от съеденных мною блюд отнюдь не из самых съедобных продуктов. Хотя он мне говорил, что в обычные дни питается, как и все окружающие, борщом и пельменями.

Помимо итальянской лазаньи и пасты, на столе присутствовали блюда из рыбы, традиционных для этого региона. В основном, это был тунец, который на вкус был просто божественен. Например, курица с соусом из тунца, а так же тунец с фасолью. Ещё были закуски такие как «*musciuta*», это солёное мясо тунца, а еще «*surra*» это сало тунца просоленное и пропресованное. Подавалось это все с салатом из фруктов, которыми так богата Калабрия. Ну и, конечно, дополнялось вином. Была еще куча блюд, готовившихся только в этой семье.

Южная Италия знаменита тем, что рецепты многих блюд здесь передаются из поколения в поколение и их секреты никому не раскрываются. Вот и представьте это гастрономическое изобилие, когда после всего, что ты попробовал, хоть по кусочку и ложечке, уже нужно принимать что-то от тяжести в желудке.

А танцы в этом случае были просто необходимы. Чтобы растряссти все, что ты успел наесться, а потом снова вернуться за стол. И что самое главное, празднество не могло быть завершённым, пока каждый гость не скажет тост, который запивался. И как тут не быть пьяной? Причем снова находиться в объятиях красивого мужчины, хотя моя белокурая голова и славянская внешность считалась здесь экзотикой и были нарасхват. Кавалеров в этот вечер было просто МНОГО, а имен я, естественно, не запомнила. Мое нетрезвое тело само двигалось под ритмы Тото

Кутуньо, Наны и бесподобного Челентано. Нет, это были не только записи их композиций, но и живое исполнение гостями, которые хорошо управлялись с музыкальными инструментами.

У всех давно возник стереотип, что итальянцы громко разговаривают и активно жестикулируют. Скажу, что это именно так. Северяне более спокойный народ, а вот на юге, здесь обычный диалог между людьми со стороны может показаться ссорой. Вот и представьте, когда ты в кругу сорока таких темпераментных итальянцев. Шумно? Это слабо сказано, птичий базар отдыхает

— Нам нужно сходить на свидание, — домой я тоже возвращалась с Ардандо. Да, у меня получилось, я смогла забыть и расслабиться. В ушах до сих пор стоял гул от голосов с быстрой итальянской речи, и эта тишина с легким шелестом морских волн казалась просто божественной. Мы шагали не спеша, я держала его под руку, наслаждаясь близостью такого горячего и безумно сексуального тела. Сердечко в груди подпрыгивало, от каждого звука его голоса. Ну, не может быть мужик таким идеальным. Ведь где-то там, в его кучерявой головке существуют прекрасно тараканы, о существовании которых только догадываюсь.

— Куда? — от такого предложения Я даже опешила. Наверное, это хорошо, что он решился.

— На свидание. — пожал он плечами. — Потому что все наше с тобой времяпрепровождение больше, чем дружеской попойкой не назовешь.

— Хорошо, — согласилась я как-то поразительно быстро. — В среду, у меня как раз выходной.

— А завтра? — даже расстроился мой сосед.

— Есть такое понятие, как подготовка к занятиям, чем я и собираюсь заниматься завтра. Извини, — на подходе к дому, я его чмокнул в колючую щеку и юркнула за калитку, откуда скрылась в доме, оставив молодого мужчину стоять посреди дороги ещё несколько томительных минут.

— Я дождусь среды! — огласил он на всю округу, на что я рассмеялась.

Эх, мальчишка, знал бы он, с кем связывается. Была-не была! Стоит попробовать начать все заново. И только ощущение того, что за мной все еще следят, меня никак не покидало

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ С РОМАНТИКОЙ, БЕЗ ЗАКРУЧЕННЫХ СОБЫТИЙ

Среда. Уже вчера я начала ловить себя на мысли, что с волнением предвкушаю это свидание. Сердце kloкотало в преддверии чего-то фееричного, при чем в эти три дня мне так и не удалось нормально пообщаться с Арданно. Работа отнимала много времени, поэтому о нем я думала только перед сном, когда входила в свою мастерскую, брала в руки кисть и садилась перед холстом. Если последнюю картину я написала за два дня, то тут я не спешила, выводила яркие линии, которые ложились в силуэты напротив открытого окна за которым опускались вечерние сумерки.

Я смаковала своё вдохновение потому, что оно было безумно вкусным и ароматным. Да, мне казалось я чувствую и его вкус, и его запах. Оно пахло мужчиной, который такими же медленными шажочками пробирался в мое сердце. Мне нравилось это ощущение предвкушения. А ещё нравилось, что мой сосед не торопился затащить меня в постель и вполне прилично существует в качестве друга...пока.

«Будь готова через час!» — оповестил меня телефон тихим СМС в одиннадцать утра. Хм, он собирается устроить свидание на весь день? Интересно, что он придумал. На всякий случай я закинула в сумку легкое платье и нижнее белье, тогда как сейчас облачилась в шорты с футболкой под которыми находился купальник. О водной прогулке он заикнулся вчера, когда я спросила, что надевать. Да, на некоторые сообщения я всё-таки отвечала ему.

— Привет, сосед! — я выскочила во двор, когда увидела его стоящего около моей калитки, жмурясь от яркого солнца, когда очки с темными стеклами покоились на голове, дожидаясь одного движения моей руки.

— Какая ты сегодня яркая, — улыбается он. Глаза он уже от меня скрыл, руки утонули в карманах светлых шорт, смуглую кожу оттеняет белый цвет футболки, а размах плеч подчеркивает толстовка, закинутая со спины и обнимающая его мощную шею рукавами, перевязанными между собой.

— Просто тебя рада видеть — улыбаюсь я в ответ. Он легко целует меня в щёчку, открывает дверь своего синего «Maserati Quattroporte», которую я видела всего единожды, когда он в первую нашу встречу ковырялся в ее внутренностях. Не думала, что богатенькому наследнику империи «Маттеви корпорейшн» свойственно выполнять грязную работу автомеханика.

— Тогда я счастлив! — Арданно садится за руль, обдавая меня запахом моря и грейпфрутов, которыми пахнет его парфюм. Приятно, безумно приятно ощущать рядом с собой сильного мужчину.

— Куда мы едем? — уточняю я, когда мой спутник выруливает на главную улицу города.

— Это небольшой сюрприз. Не против?

— Наверное нет, если он будет приятным, — я погружаюсь в звуки музыки, которые звучат в салоне автомобиля, что-то из итальянской классики, в которой разбираюсь я всё ещё плохо, хотя последние два года пыталась изучать культуру этой страны.

Все проведенные в пути полчаса мы вели ничего не значащую беседу, когда Арданно рассказывал о городе и о местах мимо которых мы проезжали. А затем он притормозил недалеко от пристани, где стояло около десятка машин. Пришвартованные яхты и катера поражали своим разнообразием, покачивались на волнах пролива. Мы миновали деревянную пристань и остановились у белой красавицы, которая впечатляла своими размерами, по крайней мере на такой я никогда не каталась. Яхта носила гордое название «Cavaliere Marine», что означало морской рыцарь.

— Красавица! — восхищаюсь я, когда мужчина подаёт мне руку и помогает взойти на борт по небольшой лесенке.

— Это точно! Пока родители не успели добраться до нее, я решил, что имею право пользоваться семейной яхтой, — объясняет Арданно, а я озабоченно оглядываюсь по сторонам, пытаюсь запомнить каждую мелочь, идеальные линии и изгибы этой морской королевы с мужским именем.

— Сеньор Маттеви, — на встречу к нам вышел невысокий мужчина, поджарый в морской форме. — Сеньорита! — поприветствовал он нас.

— Добрый день Пьетро. Знакомьтесь, это Алиса, это капитан корабля, — представил мужчину Арданно. — Думаю, можно отчаливать? — уточнил мой сосед.

— Конечно! Отдыхайте! Я скажу Августе, чтобы позаботилась о вашем комфорте. Мне устроили водную экскурсию вдоль живописного резного берега Калабрии, где мы задержались до обеда. Успели даже поплавать практически в открытом море, ныряя с подножки яхты.

— Какая вода изумительная, — я чувствовала себя русалкой, находясь между скалами, а прекрасный принц, проплывая рядом то и дело пытался коснуться меня. Нет, это не раздражало, наоборот, мне было приятно и это заставляло мою фантазию прокручивать в голове мысль «как это должно быть круто, оказаться в его сильных руках». Наплававшись вдоволь и здорово проголодавшись, я с удовольствием уплетала обед состоящий из рыбы с

запеченным картофелем, свежих фруктов и, конечно, с калабрийским вином. Но и на этом наше путешествие не закончилось. Через час мы оказались в Мессине, которая находилась по другую сторону пролива на известнейшему по фильмам про мафию острове Сицилия. Крупный порт, который связывает остров с мыском итальянского сапога только изначально показался слишком шумным и не таким уж привлекательным. Но когда мы от порта двинулись в самую глубь города, тут-то я и восхитилась всей его манящей прелестью, которая сочетала современную архитектуру и старые средневековые постройки.

Кому-то экскурсия может показаться скучной, а вот для меня открывать новые места всегда было делом первостепенной важности. Тем более рядом красавец-мужчина, который набрался смелости и взял меня за руку, при чем в моем фотоаппарате уже сотня отснятых пейзажей, Арландо и меня. Идеальным свидание сделал просмотр фильма на заднем ряду кинотеатра. Это была какая-то современная комедия, смысла которой я не улавливала. Я просто сидела, прижавшись к своему спутнику с наслаждением закрыв глаза и жила этим моментом, когда можно ни о чем не беспокоиться. После меня ждал ужин в небольшом прибрежном ресторанчике и езда по вечернему городу на велосипедах. Тысячу лет не садилась за руль двухколёсного транспорта, а тут вдруг ощутила такую эйфорию. Мне было хорошо с ним, слишком хорошо, чтобы принять реальность не за шутку моего воображения.

Но завтра ждала работа, поэтому мы так же держась за руки, вернулись к яхте. На причале Арландо меня вдруг остановил, не позволив тронуться с места. Резкий рывок и вот моё трепещущее тело находится в его крепких руках, отвечая на этот жар, исходящий от меня.

— Мне следовало сделать это в нашу первую встречу, — темные глаза впивались в меня как пиявки, не давая возможности пошевелиться от их гипнотического воздействия.

— Что? — тихо спросила я, тогда как голос дрожал, а ноги начали подкашиваются. Его мягкие губы слегка коснулись моих, так сладко-сладко, словно вкушая какой-то нектар. Арландо отстранился, снова заглянул в мои глаза, пытаясь что-то в них увидеть, а затем с большим порывом впился снова в меня поцелуем. Мир поплыл вокруг, оставляя нас наедине на этой огромной планете. Мне было жутко хорошо. Именно это определение я могу подобрать к тому, что творилось со мной. Инстинктивно я приподнялась на цыпочки, чтобы быть выше и суметь в полной мере насладиться этим поцелуем. Хорошо. Но не восхитительно, как хотелось бы.

— Это! Я должен был давно тебя поцеловать, — прошептал он, немного отстраняясь и снова прильнул к моим губам.

И все же я не хотела, чтобы ощущения его пальце в моих волосах заканчивались. Он проникал все глубже и глубже в мои клетки. Тело трепетало под натиском его губ, которые терзали меня. Перейти в горизонтальное положение с ним я ещё была не готова. Не хотела торопиться потому, что обычно все мои отношения начинались с секса. Нет, он не такой, с ним так не должно было быть.

— Спасибо тебе за такой прекрасный день, — поблагодарила я его, стоя уже у калитки своего дома. Прощаться не хотелось, но хорошего по чуть-чуть. Арландо не стал настаивать на приглашение в гости, он ещё раз крепко и сладко поцеловал меня, проводил взглядом до двери и скрылся с освещенной улицы в своём доме.

В голове был полный сумбур от пережитых эмоций и такого короткого дня, проведенного с ним. Мало, до боли мало. Спать почему-то не хотелось, я снова побрела в мастерскую, уселась на высокий стул у мольберта с незаконченной картиной. Да, новые эмоции мне помогли ещё глубже прочувствовать работу.

«Извини, но я не перестаю думать о тебе» — сообщение от Арландо я увидела когда ложилась спать и ставила будильник.

«Сладких снов!» — это все, что я могла ему ответить. Эта сладко-ванильная чушь была мне сейчас нужна, но я давно от нее отвыкла, поэтому не знала, как можно на это реагировать.

На следующий день он встречал меня после работы. Так по-хозяйски обнял, поцеловал в губы, куда-то повел.

— Снова сюрприз? — рассмеялась я, попрощавшись с коллегами, которые с большим интересом провожали нас взглядом. Это был второй мужчина, встречающий меня у школы. Вот тебе и тихоня Бурджанини. Почему-то воспоминание о Захаре больно щёлкнула где-то внутри. Прошло уже достаточно времени, чтобы забыть. Но...мои внутренности говорили о другом. Это я про сердце, голову и душу. Да ее я тоже всегда относил к внутренним органам, потому что болеть, радоваться и огорчаться может только что-то живое, пусть и обнаруженное врачами.

— Люблю, знаешь ли, появляться неожиданно. Решил тебя прогулять и накормить, — Арландо снова пустил меня на переднее пассажирское сидение своего суппер-крутого автомобиля, открыв дверь.

— Теперь буду знать, что ты всегда можешь появиться где-то рядом, — смеялась я искренне, пристегивая ремень. В этот день мы оказались в Реджио, где меня кормили бифштеком с пивом в спортивном баре, где транслировали матч «Интер» — «Ювентус», а мы громко кричали поддерживая хозяев матча, болельщиком которых оказывается являлся мой соседка. Никогда не воспринимала футбол в таком его виде, а оказывается, можно выплеснуть энергию криком в компании таких же сумасшедших.

— Нам нужно как-то выбраться на стадион, чтобы посмотреть их игру вживую, — держась за руки мы шагали

по ночной набережной города, наслаждаясь лёгким ночным бризом.

— Это будет очень не скоро, — ответила я. — Если только их матч не выпадает на выходные, потому что до Милана со своей работой я не доберусь в будний день.

— Зачем в Милан? Можно съездить посмотреть на матч «Барселоны» или «Лиона».

— Испания или Франция? Ты шутишь?

— Почему? — искренне удивился Арландо.

— Потому что это дорого. А платить за меня Я тебе не позволю. Мне и так не удобно, что ты постоянно меня кормить, поишь и развлекаешь, — наверное, принимать это как должное мне не позволяло воспитание.

— Мне, кажется, мужчине положенного платить за свою женщину, — пожал плечами он.

— Так, стоп! — я остановилась, ткнув пальчиком в его грудь, останавливая от продолжения дискуссии. — Я пока не давала тебе повода так думать.

— Какие мы сердитые и серьезные, — улыбка с его красивого лица не сходила, хотя мне было не до шуток. Он просто прижал меня к себе своими ручищами, из которых мне точно было не выбраться и впился в губы поцелуем, не давая мне право даже опомниться. Его рука легла мне на затылок, предотвращая все попытки сопротивления, вторая прижимала со спины мое тело к его. Это было не честно. Моя реакция не заставила себя долго ждать, я обвила руками его шею, притягивая его ближе. Хотя куда уж ближе? Мне было этого мало, я тонула в этих ощущениях, в этом жаре, исходившем от него. Дрожь в ногах заставляла меня цепляться за него крепче, в животе запорхали бабочки, говоря красноречивее любых слов, а мои губы не хотели отрываться от его губ. Это было мучительно...из груди вырвался лёгкий стон, заставивший вернуться меня на землю.

— А ты говорила, что не давала повода, — выдохнул Арландо, не размыкая своих объятий.

— Просто, я столько раз ошибалась, — я обняла его крепче.

— Это нормально для живого человека, — парировал он. — Разве я похож на парня, который тебя может обидеть?

— Нет, — заключила я. — Но тот беззаботный плейбой мне нравился куда больше этого ненормального романтика.

— Ты хочешь, чтобы я обсуждал с тобой, какая симпатичная задница у прошедшей мимо тёлки, а потом так раз поцеловал тебя, пока ты пялишься на бармена? Мы над этим посмеялись и разошлись по домам. Не думаю, что это хороший вариант. Тем более, если ты вдруг захочешь стать моей девушкой, то мне просто необходимо о тебе заботиться.

— Какой ты оказываешься! — рассмеялась я.

— А если честно, то вот так, как с тобой у меня ещё не было. Обычно это был секс с непродолжительным периодом и все. А с тобой мне хочется говорить, целовать тебя, баловать, и снова целовать, а потом рассказать всему свету, что встретил такую замечательную девушку, и затащить тебя в постель, но чтобы ты там была не одну, и не две ночи. Вот так вот все запущенно, — от этого небольшого монолога Я даже забыла как дышать. Говорили мне, что любят, говорили, что жить не могут, но чтобы так, простенькое и с таким смыслом...М-да, сеньор Маттеви, Вы можете произвести впечатление.

— Ты пока молчи. Я не знаю ещё насколько этого серьезно. Мне нужно уехать на несколько дней, позвонил доктор, сказал, что необходимо провести обследование, как я восстанавливаюсь после травмы. А когда вернусь, мы и поговорим.

— Наговорил тут глупой девочке и сбегает?

— Ну, если так взять, то из нас двоих определением ребенка может назвать только меня, — снова из занудного романтика возвращался мой сосед. Я больно стукнула его в бок за упоминание моего возраста и того, что он младше. Мы даже устроили небольшой шуточный бой, закончившийся поцелуями. Мммм! Если бы кто-то сказал, что я снова смогу доверять мужчине, я бы рассмеялась ему в лицо. Оказывается, чудо существует.

В субботнее утро, которое наступило после ужина с семьёй моего коллеги математика, я нервно теребила ручку сумочки в ожидании своей подруги. Самолёт приземлился несколько минут назад и пассажиры, словно сонные муравьи, проходили таможенный контроль, появляясь один за одним в зале ожидания. Я то и дело выглядывала шикарную фигурку Рима среди этого разнообразия людей. Появилась она совершенно неожиданно, пока я отвлеклась на какого-то мужчину, который попытался познакомиться со мной.

— Пока я тут отбиваюсь от надоедливой попугицы, она уже мужиков клеит, — руки в бока, взгляд уверенный, в руках небольшой чемодан. Рима встала напротив меня, сжав губы, чтобы не улыбнуться. Наверное, несмотря на короткий период времени, что мы провели вместе, я смогла немного ее изучить.

— Я же для тебя стараюсь, чтобы тебе не пришлось скучать, пока я на работе, — я тоже подавила улыбку и желание кинуться ей на шею.

— Я думала, что не захочу этого сделать, — она отпускает чемодан и бросается на меня, обнимая крепко-крепко. — Лиска моя, гадина ты моя, как же я соскучилась!

А дальше дорога домой, разговоры о прожитых порознь двух лет и поход на пляж.

— Я вижу, что тебе загорать больше некуда, но мне просто необходимо ультрафиолет, иначе, что это за отпуск получается?

Я рассказываю ей всю историю моей жизни до побега и после, а Рима меня обнимает и просит прощение.

— За что? — удивляюсь я.

— За то, что думала о тебе плохо, — мы молчим, а потом она задаёт вопрос. — Так этот Вовка твой больше не появлялся?

— Как бы это странно это ни звучало, но нет. Я каждый день тряслась как осиновый лист, озираясь по сторонам, а он пропал. Если бы не сеньора Роза, которая его видела, я бы подумала, что рехнулась.

— Или похмельный синдром, — заключила Рима.

— Вот кстати, в последнее время пить стала много. Какие-то постоянные ужины, праздники, то попойки с соседом.

— Ничего, я отличную клинику знаю, где женский алкоголизм лечат, — заверила меня Рима.

— Умеешь ты поддержать, — рассмеялась я. А вот то, что в последнее время я стала больше улыбаться и смеяться, как-то ускользнуло от моего внимания.

— А ты думаешь, для чего я приехала? А ты моя главная собутыльница.

— Знаешь ли, я думала, мириться со мной, — заключила я.

— Не, это естественно. Но ещё мне нужно отдохнуть от своего «любимого» босса, который вот уже год парит мне мозг, заливая о том, что обязательно разведется. Представляешь, а я как овечка верю. Вернее, верила. Мы собирались на Мальорку с ним, а я тайно купила билет и улетела. Пусть ищет, если нужна.

— А ещё говоришь про мое неумение выбирать мужиков.

— Тебе в этом, как оказалось, равных нет. Медальку нужно выковать и на шею повесить. Этот-то хоть нормальный?

— Если не окажется вдруг извращенцем каким-нибудь, то думаю, что нормальный.

-

А энтузиазма в голосе сколько! Знаешь что, мы тут с тобой обгорим скоро. Давай идём ужинать и пойдем куда-нибудь костями потрясем, зальем в себя немного топлива и вперед!

«Немного топлива» — это мягко сказано. Ну, начнем с того, что за ужином нас угостили бутылочкой белого вина мужчины за соседним столиком. Не знаю, то ли это аура Рима в коротком платье, то ли мне давно было пора снова браться за сотворение на голове укладки и на лице макияжа. Но это сработало, бутылка была приговорена. Ну а дальше по накатанной дорожке: клуб, танцы до утра и много выпивки. М-да, такими темпами и до реабилитационного центра не далеко. А что поделать? Говорят, что русские пьют много. Просто русские не умеют пить, вот и все! Здесь в Италии я поняла одну вещь, что выпивать за обеденной или вечерней трапезой это нормально, и иметь стадию лёгкого алкогольного опьянения это тоже нормально. Только не нормальным было то, что проснувшись к обеду следующего дня, я поняла, что не помню, как добралась до дома.

— Рима, — позвала я, а голос барабанным набатом отразился в висках. Зажмурившись от непрошенного ощущения, я снова вернулась тяжёлую голову на подушку. Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в гостиной на диване. Похмелья у меня не было с приезда Арины.

— Не кричи так, — замученный голос подруги раздался со стороны кухни. Хлопок двери холодильника, звон стакана и звук наливающейся воды заставили меня понять, как я хочу пить.

— Что вчера произошло? — поинтересовалась я. — Раз мы проснулись у тебя, значит ничего страшного. Передо мной на столике появился запотевший стакан, где всё ещё шипела таблетка аспирина

— Я опохмелилась, — сообщила Рима. — Тебе нельзя, тебе завтра на работу, поэтому лечись. Опустоши спасительный сосуд, я поняла, что мне мало, поэтому заплетающимся ногами, я поползла обратно к холодильнику, пока Рима порхала к двери, откуда раздался назойливый звонок несколько секунд назад. Ну, да! Ей было легче, если она снова влила в себя алкоголь.

— Добрый день, синьорины! — в комнату вплыл Арландо, держа в руках пакеты с логотипом ресторана «Портофино», что находился на соседней улице

— Думаю, сил и желания готовить у вас сегодня не будет.

— Скажите Арландо, Вы любите садо-мазо, БДСМ? — уперла руку в бок Рима, второй опершись о столешниц кухонного стола, преграждая путь ко мне.

— Чего? — нахмурился сосед.

— Вы честно отвечайте, не юлите!

— Началось, — закатила я глаза.

— Нет, предпочитаю секс без изврата, но от ролевых игр не отказываюсь.

— Вы ревнивец?

— Да! Но мне нравится, когда на мою женщину заглядываются другие. Это знаешь ли, повышает самооценку.

— Вы тиран? В смысле, ограничиваете женщину в общении с другими людьми и считаете, что ей место на кухне?

— Уж это точно нет, — видно было, что Арландо даже немного растерялся от такого напора.

— Я не знаю, где ты его нашла, но я не верю, что он может быть на столько идеален.

Не скажу, что я знаю идеально английский, на котором Рима общалась с моим соседом, но вот весь смысл её вопросов и последнего заявления я поняла.

— У меня скверный характер и я люблю свою работу, — пожал он плечами.

— Ну, это всего лишь приложение к любому человеку, — заявила Рима.

— Ты вообще как здесь оказался? Ты же в Милане должен был быть, — я наконец пробралась к нему, утонув в его теплых объятьях.

— О! Голубки заворковали на своём итальяно, я если что наверху! Не шлите! — ретировалась подруга.

— Ты вчера вечером позвонила, сказала, что соскучилась и попросила забрать тебя домой, вот я и вернулся, — он приглаживает мои волосы, смотря в заспанное помятое лицо. А мне почему-то даже не было не удобно. Не до стеснения было сейчас.

— Так это ты нас домой приволок? — удивилась я.

— Нет, я прилетел позже. Попросил знакомого. Но спешил к тебе как мог, — улыбнулся он.

— Рима права, таким идеальным быть не возможно, — я опустила тяжёлую голову на его плечо и закрыла от удовольствия глаза. Неужели я правда заслужила такую награду, неужели я не сплю.

— Охренеть! — возглас Римы со второго этажа заставил меня отскочить от Арландо. На лестнице она появилась в руках с одной из картин. — Вы это видели? Ты почему их держишь взаперти? Ее восторженный крик снова колотил по мозгам молотком.

— Ты зачем в моей мастерской лазила? — устало вздохнула я.

— А затем, что ты жлоб, раз скрывает эти шедевры в душной комнатёнке. — Что это? — удивился Арландо, подходя ближе к лестнице, чтобы рассмотреть картину.

— Это одна из моих работ, — заключила я, немного смущаясь. Вот угораздило же ее пойти именно туда. Пристальный его взгляд скользил по полотну, рассматривая детально каждый сантиметр.

— Твоя подруга права, Алиса, это превосходно!

— Так там их штук двадцать не меньше, — потащила она Арландо на верх. Все последующее время я выслушивал мнение «экспертов-критиков» коими себя возомнили эти двое.

— Пообещай, что дашь мне пару уроков, — попросил Арландо.

— А ты пообещай, что в ответ научишь меня ездить на мотоцикле.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ ПРО ВОЗВРАЩЕНИЕ, НОВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ И ПОБЕДЫ НАД СОБОЙ

— Родители приостановили бракоразводный процесс, представляешь, — голос в трубке был усталый, но хотел казаться бодрым.

— Помирились? — удивилась я.

— Хуже! Уехали в медовый месяц на Мальдивы, — рассмеялся Арландо. Целый год мы переживали с ним истерики его мамы, которая могла поднять его среди ночи, и даже на работе. И вот, они решили, что после стольких мучений пора оставить сына в покое. За это время, я так и не решилась познакомиться с семьей Маттеви. Да и Арландо говорил, что ему давно приготовили невесту, мечтают женить его на молодой девушке, которую он ни разу не видел в жизни. Не хотелось мне мозолить глаза никому, тем более, что за это время мы так и не обговорили наш статус.

Мне было хорошо с ним рядом, я чувствовала, что это тот мужчина, который мне нужен. С его страстной итальянской натурой было тяжело совладать, особенно, когда он делал нечастые набеги на мою спальню. Но это было похоже на отношения с Тимофеем. Меня любили, а я лишь позволяла себя любить.

Вместе мы провели незабываемый отпуск, а потом он сорвался на работу. Работа подразумевала под собой съёмки в каком-то боевике в Голливуде в качестве каскадера, где мне посчастливилось побывать дважды. Если я скажу, что он пользовался популярностью у противоположного пола, то не скажу ничего. Трудно соперничать, когда вокруг твоего мужчины трутся особы с внешностью моделей журнала «Максим» или на крайний случай «Плейбой», а ты просто уступаешь им не только по внешности, но и по яркости.

Нет, я никогда не считала себя уродиной, но воспитание мне не позволяло выставлять напоказ все свои женские «прелести» с глубоким декольте или чрезмерно короткой юбкой. Может быть этим я себя и успокаивала, хотя если честно, пользоваться своим женским обаянием я могла. Наверное не зря среди стольких нимфеток Арландо выбрал именно меня.

Но суть не в этом, ведь возвращался каждый раз он именно ко мне, в маленький домик в Шилле, где я его ждала. Да, ждала, и мне это нравилось.

— Не отпускай меня, — просил он всегда, как только время подходило к отъезду.

— Если я не отпущу, то тебе не захочется больше возвращаться, — улыбалась я, закутываясь в его объятия, в которых чувствовала себя комфортно. А после мой мирок сужался до моей работы и дома. Правда появилось одно небольшое увлечение. Каждый вечер я садилась на старенький байк, который вопреки всем протестам моего мужчины, а я имела право так его называть, я купила себе сама, и мчалась куда глаза глядят.

Хотя признаюсь один раз делала вылазку на Родину.

Случилось это незадолго до Рождества, когда вся Италия собиралась отмечать этот праздник. У нас в школе был последний день перед каникулами, когда я заглянув в почтовый ящик электронной почты, вдруг обнаружила письмо от неизвестного адресата.

Кому: Алиса Бурджанини

Тема: Конкурс «Истоки вдохновения»

Уважаемая, госпожа Бурджанини, сообщаем Вам, что Ваша работа «Пробуждение» вышла в финальный этап конкурса «Истоки вдохновения», который состоится 26 декабря...

А дальше условия защиты работы, адреса и телефоны для справок. Если честно, я не поняла, что происходило. Как моя работа могла попасть на конкурс? Она преспокойно стояла в углу комнаты уже несколько месяцев. После того, как ее трогала Рима... Рима! Что-то мне подсказывало, что без ее вмешательства здесь не обошлось.

Незамедлительно я набрала ее номер, чтобы выяснить, причастность подруги к этому злодеянию. Это все ее чрезмерно шаловливые ручонки и мозги. Что за наказание?

— А ты не рада что ли? — заявила она после моей непродолжительной бравяды.

— Нет, Рим, ты не имела права, — продолжала злиться я.

— Имела! — заявила она. — Они так и умрут в этой комнате, а я дала твоим картинам хоть какой-то шанс на жизнь, — Рима тоже перешла на повышенный тон. Не то, чтобы мы ругались, просто возмущались. Хотя в Италии это бы показалось дружелюбным разговором.

Почему злилась она, когда это должна была делать я? Я осмысливала это после того, как бросила трубку. Подруга старалась для меня, а я как неблагодарная сволочь наорала на нее. Дура, да и только. Но что мне было делать с этим подарком судьбы? А черт его знает. Я снова набрала Риме.

— Успокоилась? — поинтересовалась она.

— Да! Но что ты мне предлагаешь с этим делать?

— Участвовать. Тебя никто не посылает домой, просто прилететь в Москву, привезти картину. Может быть,

потом продать. Финал будет проходить в виде выставки, твоя работа в фаворе у членов жюри.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Я курирую этот конкурс в качестве журналиста. Конечно, никто не знает, что ты моя подруга.

— Я боюсь, — заявила я.

— Прорвемся! Я ведь буду рядом.

А Арландо на это заявление ответил:

— Главное, на мотоцикле она носится, с парашюта прыгала, на парашюте летала, а выступить перед жюри боится.

— Боюсь возвращаться.

— Это не страшнее, чем вырвать зуб под наркозом — конечно, сравнение было туманным, но я поверила его словам.

На конкурсе я заняла второе место, так как нашелся человек талантливее меня, но это того стоило. А вообще, я думаю, что мой преподаватель, который оказался одним из экспертов, просто по-стариковски решил дать мне шанс вырасти ещё. Он всегда считал, что похвала человека делает слабее, тогда нет стимула расти. Где-то я была с ним согласна, но ведь метод кнута и пряника никто не отменял.

— Знаешь, я ведь тебе говорил, что у тебя все получится.

— Я помню, Эдвард Вениаминович. Но мне и правда ещё нужно работать и работать.

— Так ты сейчас в Италии поселилась? — уточнил он, взяв мою руку в свои морщинистые стариковские ладошки.

— Жизнь странная штука, — только и смогла ответить я.

А если честно, мне хотелось взять билет и умотать в родной городок, где Аринка нянчила двух близнецов, где моя крестница носила шикарные хвостики и говорила лучше меня, где всё ещё ждали меня мои родители, на которых я по-прежнему обижалась. Глупо, что не сделала этого. Я просто купила билет назад в свою новую жизнь, в которой я сама себе была хозяйка.

От кого: Константин Кипень

Тема: Милости просим!

Алиса, привет! Мы с ребятами решили в июле отпраздновать девятилетие нашего выпуска. Знаю, дата не круглая, но нас тут желающих набралось 80 % от группы. Ведём сбор дальше. Я видел тебя на конкурсе в декабре, поэтому и написал, раз ты вышла из тени. Приезжай, будет весело! Приглашение во втором сообщении с местом и временем данного действия!

Ну, вот! И это меня нашел. И что делать?

С этим вопросом я обратилась к Арландо, который приобнял меня за плечи и сообщил:

— Я на все время твоего отпуска все равно занят. А так поедешь, отдохнёшь. Тем более, тебе уже незачем прятаться. У тебя есть я, который в любом случае тебя защитит.

И я поверила, расслабилась. Мне и правда больше незачем скрываться. Это ведь правильно обращаться за советом к своему близкому человеку. Но прежде меня ждало совсем другое событие.

Соревнования по мотогонкам для любителей, который проходили в Испании. Для новичков был организован заезд по безопасной трассе, где не было высоких гор или барханов. Это был как бы разогрев перед основным чемпионатом.

— Волнуешься? — поинтересовался Арландо, натягивая мне на голову шлем.

— Немного, — соврала я, когда страх сковывал все тело. Для меня тихой спокойной девочки это было непривычно.

— Помни, что я говорил. Ты должна полностью срастись со своим байком и моим голосом в твоём ухе. Ты должна довериться мне.

— Да, — выдохнула я. — Хорошо! Я постараюсь.

— Не постараюсь, Алиса, а сделаю, — встряхнул он меня. Это помогло! Штурманство я могла доверить только ему.

— Сделаю! — согласилась я, сцепив пальцы на рогах руля.

— Не впивайся в него так. Ты потом управлять не сможешь, — приказал Арландо.

Глубокий вдох, выдох...Еще раз...и ещё раз... В крови начал разливаться кислород, заставляя мышцы расслабиться.

— Давай, я в тебя верю!

Когда дали команду «К старту», мне хотелось просто сбежать отсюда. Нажать на газ и смотаться куда-нибудь подальше. Но вместо этого, я рванула вперёд, минуя все препятствия, и действительно слушала голос только своего любимого штурмана.

Самое тяжелое было удерживать транспорт в своих руках. Если бы не тренажерный зал, который я обнаружила в доме Маттеви, и куда регулярно ходила по вечерам, даже в отсутствие хозяев, то навряд ли мои сухонькие ручонки, которые привыкли держать кисть, смогли бы удерживать мчащуюся махину, весившую на килограмм десять больше меня. Когда ты мчишься по ровной гладкой трассе, коими являются все дороги в Калабрии, тебе, естественно легче управлять мотоциклом. Другое дело гонка по пересеченной местности, куда меня любезно засунул Арландо. Хотя я была ему благодарна потому, что так я смогла ощутить, что могу управлять не только бешеным двухколесным агрегатом, но и своей жизнью.

Именно благодаря этому, среди женщин-любителей я заняла первое место, финишировав впереди от основной соперницы на две секунды раньше. Как только я увидела финишную черту, где нас встречали зрители с восторженными окликами и аплодисментами, что-то щелкнуло внутри, и я поняла, что теперь все в моих руках. Больше не нужно бояться показать себя и свои способности, своего прошлого, своих тараканов, что уютно существовали в голове, больше не нужно скрываться, а просто нужно жить.

Эта жизнь, коротка, и впереди есть финиш к которому ты придешь несмотря ни на что, а вот победителем или проигравшим, когда ты не успел сделать ничего за этот короткий промежуток, решать тебе.

— Ты это сделала! Ты это сделала! — я вдруг перестала ощущать твердую поверхность, смотря в восторженные глаза своего мужчины, который кружил меня на руках и довольно улыбался.

— Хочешь сказать?... — не поверила я, все еще ощущая легкую дрожь в конечностях.

— Чрез пару лет тебя в профессионалы такими темпами можно ставить, — заявил сеньор Маттеви.

— Ты из меня вторую Кьяру Фонтанези хочешь сделать? — рассмеялась я, пока до меня доходило, что я все-таки первая среди семнадцати участниц. П Е Р В А Я! Феерию от этих мыслей я ощутила, стоя на подиуме, а потом молилась всем богам за Арландо, который в этот раз оказался вторым, уступив лидерство действующему чемпиону. Но ничего, он тоже сумел побывать в этот день на почетном пьедестале.

Вечером состоялся банкет в честь победителей. Этого я боялась больше всего. Все камеры и объективы журналистов были прикованы не только к чемпиону, но и, конечно, к людям.

К этому вечеру я тоже готовилась с особой тщательностью. Ну, во-первых, это укладка и макияж, которые должны были под стать Голливуду, и соответствующий наряд. Платье от Шанель, которое мне доставили в номер вместе с цветами с запиской, сидело идеально на моей фигурке. Ну, во-первых, черный, это всегда актуально, эту классику никто не отменял и ничего не заменит. Во-вторых, можно, конечно, было сопротивляться, но я понимала, что рядом с Арландо должна быть соответствующая женщина, под стать его статусу. Да и больно соблазнительно смотрелось платье в коробке, а на мне, так и подавно.

Оно было коротким, намного выше колен, поэтому высокий каблук и его длина делали мои ноги просто бесконечными. Верх его был из прозрачной органзы, отделанной камнями «Сваровски». При чем от линии отреза прозрачная ткань спускалась до середины бедра в виде легкого шлейфа.

Когда я появилась в зале гостиницы в полном одиночестве, внимание гостей, конечно, было обращено ко мне. И вот, из этой толпы появляется «мой принц», окидывая меня удовлетворенным довольным взглядом, берет за руку и ведет вглубь зала. Наверное, именно так ощущают себя звезды. Внутри все клокотало, и я чувствовала себя самой красивой женщиной на свете. Арландо представлял меня многим своим знакомым, которыми перебрисывался несколькими фразами, говорил с журналистами, крепко держа мою руку. А на вопрос «Кто Ваша спутница?», отвечал «Моя невеста». Вот так, за один вечер из статуса девушки, я переросла в статус невесты. Обалдеть! Золушка отдыхает!

Но самый сюрприз ждал меня в номере. Когда, сбегав от гостей чемпионата и надоедливых журналистов, мы оказались, наконец, наедине, Арландо сказал, что ему нужно со мной поговорить.

Номер был украшен свечами, которых до нашего ухода не было, в вазах стояли шикарные цветы, стол был накрыт фруктами и шампанским, которое стояло в ведерке со льдом.

— Алиса, — начал он, взяв мою руку в свою — Я не знаю с чего начать...

Мозг мой соображал в этот момент медленно, поэтому опередить Арландо я не успела.

— Оказывается, подобрать слова тяжелее, чем я думал. В общем, я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Он извлек из кармана маленькую бархатную коробочку, внутри которой оказалось небольшое колечко из белого золота с бриллиантом в четыре карата (его позже оценила Рима), с огранкой из более мелких камешков. Я просто стояла раскрыв широко глаза, когда язык просто присох к небу, а он пользуясь моментом, водрузил это великолепие на мой пальчик.

— Что скажешь? — улыбнулся он, все еще напряженно ожидая моего ответа.

— Ты с ума сошел, — только и смогла выдать я.

— Ты не согласна? — уточнил он.

— Это как-то неожиданно, — я натянуто улыбнулась. А мозг отчаянно соображал, что мне нужно подумать.

Как-то слишком быстро все происходит, я не готова к этому, я не готова к замужеству.

— Я с ответом не тороплю.

Не торопит. Но по сути, я не могла выйти за него замуж. Пусть я носила другую фамилию, у меня были другие документы, но муж у меня законный до сих пор был. И этого не отнять. А я...я не знаю, как ему об этом сказать. Не потому что не хочу, а не могу. Выяснилось, что полностью открыться перед ним мне сложно. Хм, и что это за отношения?

В Россию я улетала с тяжелым сердцем. Мы прощались с ним в аэропорту после трех проведенных дней в Испании. Мы договорились, что кольцо поставлю, но ответ скажу после возвращения. Конечно, это долго, и Провело рассчитывал, что я расцелую брошусь ему на шею. Но я тайно радовалась, что смогу спокойно подготовиться к ответу вдали от него. Отказывать не хотелось, но загонять себя в клетку я категорически не желала.

— Помниться, что ты дорожил своей свободой. Неужели, секс со мной настолько хорош, что ты готов даже жениться, — вспомнила я разговор годовой давности.

— Верить, что люди могут измениться?

— Нет, не верю! Но смотря на тебя, думаю, что чудо иногда происходит. И в независимом ловеласе просыпается домашний мальчик.

Почему я сомневалась в решении выйти за Арландо Маттеви? Причин было несколько. Ну, во-первых, я не хотела уезжать из Шиллы, а если брак подразумевал подчинение мужу, то я должна жить там, где находится его дом, но никак не загородный домик на выходной день. Пока со своей жизнью попрощаться я была не готова. Второе «НО» заключалось в моем отношении к нему. Это не была всепоглощающая любовь. Да, мне с ним было хорошо, да, я была влюблена, да, он был единственный кому я доверяла. И то, как выяснилось, не полностью. И в-третьих, его родители. Вряд ли они примут меня, если уже давно настроены на другую невесту. Я не хотела, чтобы из-за меня он портил с ними отношения. Благородство-благородство...Хотя я помнила себя на месте Арландо, когда мои родители не хотели со мной общаться из-за Вовы. Эти ощущения ненужного ребенка навсегда останутся в моем сознании. И к чему это се привело? Они сделали ВСЕ, чтобы его в моей жизни больше не было. Не думаю, что имея власть, Маттеви спустят это все на тормоза. Главное, чтобы я не оказалась на месте Вовы.

* * *

— Достань мне эту сучку — ладонь со всей силы ударяется о столешницу из красного дуба, заставляя подпрыгнуть стоящие на столе канцелярские принадлежности.

— Вы прекрасно знаете, что я не смогу ей навредить, — Вова вглядывается в силуэт шефа, пытаясь разглядеть на его лице его реакцию.

— А я и не прошу, Володя, — выплевывает тот слова со злостью. В таком случае, Вова Краснослободцев знает, что лучше не перечить этому страшному человеку. — Ты забыл, из какого дерьма я тебя вытащил? Ты забыл, кому обязан, что тебя не порешили там на зоне?

— Не забыл, шеф — Вова сжал губы в тонкую линию. Хуже некуда быть обязанным кому-то тем более такому человеку, как этот.

— Поэтому помалкивай, и делай что я тебе говорю.

— Но при чем тут она? — все еще не может успокоиться Вова.

— А при том, что через нее я смогу добраться до своего старого знакомого и заклятого «друга» — злобно подхихикнул мужчина.

— Вы ей не навредите? — уточнил Краснослободцев.

— Если бы я этого хотел, то никогда бы не позволил тебе лететь к ней. Не беспокойся, мальчик, ни один волосок с твоей благоверной не упадет. Она мне не нужна. Как я покончу с этим дерьмом, можешь забирать ее и делать все, то тебе заблагорассудится.

— Она гражданка другой страны. Ее интерпол будет искать.

— Знаешь, тот, кого я собираюсь убить, пострашнее любого интерпола. И мне надоело с тобой любезничать. Сделай так, чтобы он за ней пришел.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ ОБ АЛКОГОЛЕ, ПОТЕРЯННОЙ ПАМЯТИ И МУЖИКЕ, СПАСШЕМ ЧЕСТЬ ГЕРОИНИ

Петербург встречал меня недобро. Прежде, чем вылетать я, конечно, проверила погоду в городе, но я и подумать не могла, что будет ТАК холодно. Да, дождь это понятно, но обещали двадцать градусов а никак не пятнадцать с промозглым ветром с Финского залива.

Забыла сказать, что за занятое второе место на конкурсе, я получила довольно увесистое денежное вознаграждение и возможность организовать собственную выставку. Но пока ею Я так и не воспользовалась. Найти достойные среди своих работ я так и не смогла, а вот деньги к моим сбережениям были как нельзя кстати. Я старалась быть независимой в финансовом плане от Арландо, и это здорово облегчало жизнь. Подарки, конечно, он любил делать, я просто их принимала с благодарностью, а быть обязанной за то, что он меня обеспечивает не хотелось.

Номер я забронировала в отеле «Счастливый Пушкин» в Адмиралтейском районе. Я уже составила себе маршрут двухдневного пребывания в Петербурге перед самой встречей выпускников. Потому что потом, зная Костика, культурную программу нам заменит алкоголь и чей-нибудь загородный домик или пансионат, где продолжится пьянка. Это не предположение, это факт.

Пока я добралась до небольшого уютного номера в старой пушкинской стилистике с антикварной мебелью и такой же отделкой, я замёрзла хуже всем известного «щуцыка». Кому-то, наверное, было не так холодно, как мне, привыкшей за три года к вечному солнцу и тёплому морю, когда Финский в сравнении с Мессинским проливом мог показаться напитком со льдом в жаркое лето. Я проводила именно такую аналогию.

И так, мне отсюда буквально рукой было подать до Адмиралтейства, Поцелуева моста, Эрмитажа и Мариинского театра с Исаакиевским собором. Место для остановки я выбирала тщательно, а за эту красоту в радиусе двух километров не жалко было отдавать по сто пятьдесят долларов за сутки.

Следующий день обозначился очередной самостоятельной экскурсией по знакомым местам. Конечно, в Мариинский билет было достать тяжело, а вот Эрмитаж я исколесила на своих двоих вдоль и поперек, замирая возле работ Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа» и «Мадонна Литта». Мое сердце замирало вместе со мной пропуская привычные удары. Рембрант с его «Возвращением блудного сына» и «Данаей», которую так же в 1554 году изобразил итальянский художник Тициан. И ещё тысячи произведений, среди которых я просто терялась, растворялась и оживала, когда мой взор обращался к другой картине. А их названия и авторов я могла определить безошибочно. Может через сотни лет одна из моих работ займёт место в этой святой святых, но эта картина ещё не написана. Билет я заказывала через интернет, так как отстоять очередь у меня просто не было времени. И то это получилось только благодаря тому, что в Эрмитаже работала моя однокурсница, которая и посодействовала.

Снова вечером пошел дождь. Топать до гостиницы более полутора километров было чревато ангиной или воспалением лёгких, тем более, что мой организм давно отвык от таких условий проживания. Ловить такси или бомбилу, было лучшим решением.

Подойдя к краю дороги, я протянула руку, останавливая тем самым машину. Вообще, в Италии за это могут оштрафовать. Такси заказывается по телефону, а никак не останавливается на улице, поэтому от этого я тоже отвыкла и чувствовала себя неуютно в таком положении. Благо, передо мной довольно быстро остановился седан с маркой «Volvo» при чем не самой старой модели. Вот те на! Такой деньги навряд ли возьмёт, а рассчитываться телефончиком почти замужней женщине неприлично. Но, будем надеяться на лучшее!

— Добрый вечер, Алиса, — я вглядывалась в знакомые черты лица и пыталась понять, не обман ли это зрения.

— Но как? — в тусклом свете салона автомобиля я видела, как пальцы его крепко обнимали руль, а судя по глазам, он был тоже немного удивлен.

— Будешь выяснять это стоя на улице, или все-таки сядешь? — поинтересовался Захар. Не зря говорят, мир тесен.

— Я просто не могу поверить. Шанс встретить тебя в этом городе ничтожно мал, и тут...

— А ты меня не хотела встречать? — уточнил он, вливаясь в общий поток машин, когда я все же заняла пассажирское кресло.

— А зачем? У меня молодой человек имеется, поэтому мне чужих не положено высматривать, — сообщила я.

— Начинаешь сразу бить по больному? — рассмеялся Захар. — Атака прямо в лоб и сердце.

— А ещё в ребра, голову, печень и глаз, — закончила я, получив смешок в свой адрес. Пока мужчина увлеченно вел автомобиль, пробираясь среди вечернего потока таких же спешащих, я украдкой разглядывала его: на голове совсем короткий «ежик», который по длине соответствовал поросли на лице, уставший взгляд, устремлённый на дорогу, всё ещё такие знакомые морщинки у глаз, крепкие руки... Пальцы просто зудели дотронуться к нему. Почему? Это не мой мужчина. Мой сейчас скачет по съёмочной площадке, разбивает машины и головой стекла.

— Ты какими судьбами здесь? — поинтересовался Захар. От звука его голоса, который проник в мысли, Я даже немного подпрыгнула на месте.

— Совершенно обыкновенными. У меня послезавтра встреча с однокурсниками, вот и прилетела.

— Это здорово! Мы за пятнадцать лет так ни разу всей компанией не собирались, — поделился он.

— Значит, у вас нет Кости Кипеня, который достанет каждого из своей раковины, но явиться на организованное им мероприятие заставит, — нервно рассмеялась я.

— Значит, вам повезло, раз у вас он есть, — и снова пауза, неловкая, давящая. Как раз сейчас я замечаю, что меня везут куда-то, а я ведь не сказала куда мне нужно.

— Захар, мы с тобой проехали нужный поворот. Я живу в гостинице «Счастливый Пушкин».

— Не волнуйся, верну тебя в целостности и сохранности. Тут недалеко от набережной есть хороший бар «Новая Голландия», если позволишь угощу тебя чем-нибудь, например кофе, или рюмкой чая.

— Как все у тебя просто. Похитил девушку, напоил, о дальнейших вариантах я даже думать боюсь.

— Помнится, год назад тебя это не пугало, — улыбнулся он криво, продолжая смотреть на дорогу.

— Не хорошо напоминать девушке о ее слабостях.

— Мне приятно осознавать, что я отношусь к разряду таковых.

Бар был небольшим но до жути уютным, соответствующим времени Великих географических открытий. В глазах пестрило от разнообразия портретов, вывесок, цитат. Народу было немного, поэтому мы без труда выбили себе столик в дальнем углу, чтобы никому не мозолить глаза. Я волновалась. Это проявлялось в виде дрожи в кончиках пальцев, колотящемся сердце, когда я ошибочно это принимала за обычное переохлаждение.

— Девушка замёрзла, — объявил Захар бармену. — Думаю, горячий глинтвейн ей не помешает.

— А Вам, Захар Георгиевич? — оказывается, его тут знают.

— Просто кофе.

Мы молча наслаждались каждый своим напитком, стараясь не встречаться взглядами. Да, я действительно согрелась, но вместе с этим почувствовала слабость не только в голове, но и ногах. Все-таки небольшой градус алкоголя давал о себе знать.

— С тобой даже молчать интересно, — тихо заметила я.

— Знаешь, впервые не могу подобрать слова, — усмехнулся Захар.

— Но тебе удалось меня сюда притащить.

— А мне тебя отпустить нужно было? Ты до сих пор не веришь, что это судьба? — поинтересовался он.

— Второй раз...

— Третий, Алис. Ты не помнишь?

Я попыталась напрячь память, но никаких образов, связанных с Захаром не приходило на ум.

— Нет, — выдохнула я, проведя по лицу ладошками, чтобы сбросить с себя сонную негу, которая накатывала вместе с лёгким алкогольным опьянением. День был сегодня насыщенный, поэтому просто хотелось забраться в кровать, под тёплое одеяло после контрастного душа, нагреться и забыться. Эта встреча слишком растревожила сердце. Только почему? Я сама не понимала.

— Но я тоже рассказывать не буду, может, ты сама сумеешь вспомнить. А нет, так и не нужно забивать свою хорошенькую головку разной ерундой.

— Вообще-то мы выяснили, что ты не ерунда, а слабость, — поправила я, пытаюсь предать монологу более радостный оттенок.

— Я вспоминал о тебе, — выдал он. Неожиданно. Хотя нет, я надеялась на это. Просто прозвучало слишком прямо.

— Честно? Я тоже! — это признание далось слишком легко. — Даже картину написала, которая заняла на конкурсе второе место.

Поведала ему о Риме, о конкурсе, да и вообще, о том, как жила все это время. Благо, теперь у меня была насыщенная жизнь. Захар слушал внимательно, не перебивал, лишь изредка задавал вопросы. А я тораторила, будто делала отчёт.

— Я даже представил тебя на байке.

— Это зрелище не для слабонервных, — рассмеялась я. А потом так невежественно зевнула.

— Устала?

— Есть такое. Отвезешь меня в гостиницу? — попросила я.

— Да, конечно! — согласился Захар.

Прощались мы в этот раз сухо, но теперь он попросил номер телефона, который я просто вынуждена была дать.

Странное чувство теплилось где-то внутри, которая говорило мне о том, что я не хочу выходить из этого автомобиля, что я не хочу оставлять его одного, что я хочу остаться... Да, это было немного странным. Ведь вечер не был наполнен разговорами, какими-то взглядами или сексуальным напряжением, которое должно витать в

воздухе между двух людей, которые даже расстаться нормально не смогли. Нет, мне просто было здесь уютно. Салон пропах им, мужчиной, который сводил меня с ума три ночи. А ведь там есть Арландо. И только мысль об этом спасала меня от безрассудства. И вот снова небольшой номер заставляющий почувствовать себя престарелой барышней, ворчливой, вечно сомневающейся, которая так и не смогла создать семью, родить детей и вынужденная доживать остаток своей жизни в одиночестве. Во времена Александра Сергеевича, я была бы именно такой.

Я глубоко вздохнула, укутываясь одеялом и до подбородка. С утра должна приехать Рима, и все снова станет хорошо. А потом мне будет не до Захара. А пока мне становилось не до своего потенциального жениха. Я даже не смогла ответить на его сообщение, где он интересовался моими делами. Рука не поднялась она, потому что все было не так радужно, как казалось. Сегодня я мысленно изменила Арландо. И если честно, одно нахождение рядом с Захаром, мне подарило больше эмоций, чем секс с Арландо. Я сволочь, знаю, но ничего с собой поделывать не могла.

А утром я летела на встречу с подругой в назначенное место. Запыхавшаяся, с раскрасневшимся от ветра лицом, с растрёпанными волосами. Вот тебе и приехала итальянка покорять северную столицу. Я безбожно опаздывала, когда Рима была во всем пунктуальна. И под испепеляющим ее взглядом я умирать не хотела. Поэтому уж лучше я побуду неряхой, чем попадусь под ее «горячий» язычок.

— А я уже пятнадцать минут тебя жду, — взглянула она на изящные золотые часики на своем запястье. Кафе «Зингерь», которое Рима выбрал для встречи, находилось на Невском проспекте, на втором этаже строения в стиле модерн, с изящной башней, увенчанной стеклянным глобусом. И она, приехавшая с Москвы утром, была там намного раньше, чем я, когда до него мне было полчаса ходьбы через дворы. Стыдно? Ооочень!

— Я проспала! Уж извини, но за два дня перестроиться с другого часового пояса мне очень сложно, — отчасти это была правда.

— Прощаю, непутевая! — Рима обняла меня, и отпустила, предлагая место напротив. — Между прочим, из-за тебя с шефом погрызлась. Ему, видите ли, номер сдавать послезавтра, а я уезжаю. Главное, статью сдала еще вчера, с версткой помогла потому, что наши спецы все по отпускам, а он еще наезжает. — Рима отпила большой глоток кофе.

Я огляделась по сторонам, рассматривая бесконечные стеллажи с книгами, которые напоминали о том, что во время Советского Союза в этом здании находился «Дом книги». Сам зал напоминал венецианскую шкатулку с зеленой обивкой, элегантные удобные кресла, обитые темно-зеленой кожей, старинные деревянные комоды, столики тоже в том же стиле конца девятнадцатого века. Здесь просто хотелось сидеть, потягивая из фарфоровых чашек ароматный кофе, наслаждаясь свежей выпечкой и никуда не торопиться. А из огромных витринных окон был виден северный фасад Казанского собора с его четырнадцатиметровыми колоннадами, на которых благополучно вот уже около двухсот лет покоится фронто́н с «всевидающим оком». Мои студенческие ножки не раз ступали на холодный гранит его лестниц, не раз его стены, облицованные серым пудостским камнем, видели меня. Да, ностальгия, конечно, это дело серьезное. Шикарное место!

— Ты же говорила, что бросила его

— Бросила, но он так просто не отстанет. Теперь вымещает всю злобу на мне. А я же молчать не могу, — театрально вздохнула подруга, подперев щечку, тонкой рукой с изящными длинными пальцами.

— Вот бы мне твои проблемы, — я ткнула в первое попавшееся в меню пирожное, быстро заказала кофе, так как спать все еще хотелось и голова от хмари небесной просто раскалывалась.

— Твой итальяшка что-то начудил? — поинтересовалась она.

— Мг, — тяжелый вздох. — Замуж предложил.

— А ты что? — внезапно напряглась она в ожидании слезно-сопливой истории.

— А я попросила время подумать, — предоставила я радость Рима. — А вчера встретила Захара. Представляешь, как тесен мир.

— Знаешь что? — Рима отправила в себя кусочек торта «Прага», который безумно любила, на сколько я помнила и продолжила с полным ртом. — Я Пы на твоём меШте вЩе отпуШтила, — потом проглотила, запила все еще одним глотком кофе, каким бы кощунством со стороны мне это не казалось, — на самотек. И вообще, если бы мне любимый человек предложил замуж, то я бы не раздумывала. Из чего я делаю соответствующий вывод.

— А может, я испугалась? — возмутилась я.

Кощунство? А я ведь тоже заказала себе кофе и буду им запивать огромный кусок яблочного штруделя, который мне принес официант. Просто в Италии не прилично пить этот напиток с чем-то. Подают его обычно в чашечках размером с наперсток, и пить его нужно неспешно и с наслаждением. Я когда впервые сделала «это» по-русски, посетители кофейни на меня смотрели как на прокаженную. Впредь, я следовала традициям страны, в которой жила. А вот сейчас захотелось поступиться с итальянскими предрассудками.

— А мне кажется, это знак свыше. Вдруг тебе опять понравится в сильных руках твоего Захара? — снова театральная эмоция, выражающая восторг.

— Боже, Рима, ты откуда этого пафоса набралась? — усмехнулась я.

— Не давно писала статью про актрисульку одну. Дама эпатажная, не скрою, вот и заразила меня. Теперь заставили гоняться за загадочным мастером по дереву, к которому вся Москва попасть хочет. Они главное хотят, а я должна разузнать о нем побольше. Скучно. Набреду на какого-нибудь мужлана, и не поминайте лихом. Слушай, а давай сегодня ломанемся в какой-нибудь клубешник и напьемся, — предложила она.

— Снова пить? Мне точно скоро координаты клиники, о которой ты говорила, нужно искать. Я — алкоголичка, — заключила я.

— Потому что пьешь? — уточнила Рима.

— Потому что не могу тебе отказать в этой просьбе, — рассмеялась я.

Мы много гуляли и говорили, зная, что такой день может выпасть не скоро. Мне столько хотелось рассказать, что мысли просто не помещались в голове. А завтра после обеда Рима уедет и черт его знает, когда я смогу ее увидеть снова. Она мне показывала фото и видео, где были запечатлены ее племянники, рассказывала много интересных историй про них. А я плакала потому, что безумно скучала и по дому, и по Арине, и по своей крестнице, которая через год уже должна была пройти в школу. А кто говорил, что будет легко?

А на завтра Алиса Бурджанини чувствовала себя королевой. Почему? Ну, прическа, вышедшая из под рук модного стилиста, к которому меня каким-то образом пропихнула Рима, а там и шикарнейший вечерний макияж, делали свое дело. Образ дополнил стильный брючный костюм и туфли-лодочки на тонкой шпильке.

— Да ты просто красавица! — огласила вердикт подруга — Звони сегодня своему Захару, пусть ворует тебя и никогда не отпускает назад.

— Ты опять? — надулась я. С утра у нее появилась навязчивая идея, оставить меня в России. И уши мне прожужжала, как та ворона. Хотя эти птицы издают совсем другие звуки.

— Ладно, молчу, но этот разговор ещё не закрыт, — пригрозила она. — Так, шикарную женщину из тебя сделали, все слюни пускать будут, а мне пора. А то на самолёт опоздаю, и снова мне завтра влетит от "Крокомота".

Встреча однокурсников проходила в клубе «Lomonosov bar», где я не была ни разу. Под нашу шумную компанию был снят зал, тогда как остальные этажи жили своей жизнью. Дискотека на верхнем этаже, где под качающие треки модного диджея танцевала в экстазе толпа молодежи. На первом этаже располагался караоке-бар. Но его мы оценили пока трезвым взглядом. Без допинга петь ещё не тянуло.

Не скажу, что я была рада видеть всех, но подавляющее большинство с большим откровением встречали меня с улыбкой. Не знаю, что за ней скрывалось, но об этом я старалась не думать.

Костю я обнаружила не сразу. Он решал какие-то организаторские вопросы.

— О, синьорина Бурджанини, в девичестве просто Иванова. Ты все-таки приехала!

— Привет Большой Брат! А как ты думал? Хотя проигнорировать приглашение очень хотелось, — я чмокнул его в гладко выбритую щеку. — Ну, что? Начинаем гулять?

— Через минут пятнадцать начнем. Ведущий приготовится, и поехала пьяночка!

Ещё один вечер попойки не прошел даром. Во-первых, я горланила в караоке, при чем достаточно не плохо, как утверждала машина, выдавая мне оценку. Во-вторых, я танцевала под бешенные ритмы, что царили на танцполе в ночном клубе. В общем, гуляла так, будто завтра умру. И я не думала, что очень этого захочу, когда наступит утро.

Я не помнила, как уехала из клуба, не помнила, как набирала номер и просила меня забрать совершенно заплетающимся языком, я не помнила, как добиралась до кровати, но вот руки, которые меня тащили на себе, забыть было тяжело.

Комната, в которой я проснулась, была огромной и незнакомой. Темные тона ее немного сглаживали похмельную боль в голове, задернутые шторы из плотной ткани не пропускали солнечный свет. Боже, где я и что со мной?

— Есть кто? — огласила я вопрос, как мне казалось, очень громко. Тишина, где-то из глубины доносился звон посуды, а через несколько минут, когда я уже было снова хотела позвать неведомого мне человека, притащившего меня сюда, как в комнате появился Захар. В спортивных светло-серых штанах, в футболке в тон им, он казался очень уютным и домашним.

— Привет! Как себя чувствуешь? — поинтересовался он мягко.

— Ужасно! — потеряла я ладонями лицо, продолжая размазывать дорогую тушь по нему же. — Я как сюда попала?

— Цитирую дословно: «Захар, заberi меня отсюда, а то мне придется спать на улице. Я каблук сломала», — он улыбнулся, протянув мне стакан с шипучей таблеткой. — Все ещё злоупотребляешь?

— Есть такое, — вздохнула я, принимая с благодарностью лекарство от головной боли. — При чем вторую ночь подряд.

— Значит, похмелье тебе переживать не сложно?

— Я умереть хочу! — поделилась, а может, пожаловалась. Между прочим, он второй раз видит меня в таком

состоянии. И я понимаю, что это ужасно. Пьяная женщина это не нормально. Мне стыдно, но ведь это уже случилось.

— Хлчешь помогу? Еда! — после этого слова я представила что-то жирное и до ужаса противное. Меня даже замутило.

— Уйди, чертяка! — схватилась за стакан воды, чтобы запить эту горечь.

А уже потом приоткрыла одеяло, чтобы посмотреть, в чем же я все таки спала. Обнаружила на себе только кружевные трусики-панты и лифчик.

— Ты меня раздел?

— Мне пришлось потому, что ты кричала, что тебя душит костюм, что тебе нужна свобода.

— Издеваешься?

— Нет, но процитировать не могу, там было ещё много ругательных слов, а их мне употреблять в обществе девушки не позволяет воспитание, — продолжал он улыбаться.

— Боже, как же стыдно, — закрыла я руками лицо.

— Ванная там, там же найдешь полотенце, можешь одеть халат, а можешь найти что-нибудь в шкафу. И топай на кухню, будем ужинать.

— Ужинать? — ужаснулись я.

— Время обеда ты безбожно проспала. Для полдника тоже уже поздно. Поэтому ужин.

Ну, на счёт того, что это не дом, а квартира, хоть и большая с современным ремонтом, я убедилась, когда решила открыть шторы. Оттуда открывался прекрасный вид на Неву в лучах заходящего солнца. При чем этаж был явно не первый и не второй.

Боже, это он меня тащили столько на своих руках? Как стыдно! Повторяюсь, но это так! Допилась всё-таки непутёвая!

Где-то в глубине комнаты затренькал мой сотовый. Не делая резких движений, как вполне себе нормальная черепаха, я поползла на его поиски. Клатч лежал вместе с остальными вещами, устроившись уютно на тумбочке из темного дерева.

Арландо. Посмотрев на его улыбающуюся мне с дисплея физиономию, застыдилась ещё больше. Он меня отпустил всего лишь встретиться с однокурсниками, а я нахожусь в квартире чужого мне мужика.

— Привет! — голос его был весел и доволен, чего не скажешь обо мне, от того он звучал слишком громко и снова бил как молоток по наковальне. — Как прошло мероприятие?

— Привет! — выдохнула я. — Очень хорошо. Как дела?

— Нормально! Решил набрать, пока перерыв. Мы сегодня ночью улетаем в Бразилию. Там в джунглях должны продолжиться съёмки. Поэтому на связь буду выходить редко, — предупредил он.

— Это на долго? — если честно, я почему-то даже не расстроилась.

— Думаю, не больше месяца.

Из его речевого оборота вдруг куда-то исчезли все словечки, типа, милая, любимая, моя звезда. И это здорово резало слух.

— А потом ты вернёшься в Шиллу?

— Нет! Сначала мне надо будет в Милан, родители устраивают торжество в честь своего свадебного юбилея, а потом... В общем, я подписал контракт с Голливудом на полгода. Съёмки сериала.

— Даже так? — если честно, я не скажу, что это было плохо, но мне это ужасно не нравилось. — То есть ты мне даришь кольцо, просишь о новом уровне отношений, а затем сваливаешь в закат?

Не знаю, на сколько была обоснована претензия, но на нее сейчас я имела право.

— Ты ведь поедешь со мной.

— Ну, у меня ты об этом не спросил. Кто тебе сказал, что я хочу переезжать, и что меня устраивает жизнь жены каскадера? Арландо, я в качестве твоей девушки переживала по поводу этой работы, а сейчас... Я не хочу ждать тебя, как с очередного поля боя.

— Ты мне отказываешь?

— Я тебе скашала, что решение приму по возвращению. И перед этим нам надо будет поговорить.

— О чем?

— О моем прошлом.

Да, он не знал, что со мной случилось. Не знал, что у меня проблемы с детородной функцией. И думаю, последнее будет проблемно, потому что он мечтает о большой семье. Не знаю почему. Не нашлось во мне сил и смелости все о себе рассказать. Но это не важно. Абсолютно. Потому что решение я приняла. Первый брак у меня вышел каким-то ненастоящим, где я позволила себя любить. Теперь я не хочу этого. Мне изначально надо было все сказать Арландо. Я хочу, чтобы от эмоций плавилась стены, хочу, чтобы меня штормило от одной мысли о нем. Но горячая итальянская кровь её смогла сделать этого. Дело было во мне. Или в том, что я мысленно уже осознала, что

человек, которого я люблю недостижим...

— Когда я вернусь в Италию, мы встретимся, — пообещал Арландо.

— Хорошо!

Я пожелала ему удачи и уже мысленно отпустила.

Контрастный душ выводил легкую дождь от похмелья и приводил мысли в порядок. То, что я увидела в зеркале, когда попала в просторную ванную комнату, если честно меня испугало. И в таком виде, как дешёвая шлюшка, которую таскали где не попадая всю ночь, я предстала перед Захаром. Сколько ещё конфузов должно случиться, чтобы я окончательно была опозорена и растоптана?

Таблетка аспирина начала действовать, прошла правда только боль, тогда как тяжесть во всем теле не проходила. Волосы я решила не сушить, так как после мужского шампуня, это был бы настоящий стресс для них. Макияж, а точнее его жалкие остатки, я смывала жестко, так как средств для его деликатного удаления не нашлось. Меня радовало, что никаких предметов, связанных с нахождением в квартире женщины, я не обнаружила.

Халат, который висел в ванной был огромен, кроме того в нём было очень жарко, поэтому я решила прибегнуть к предложению Захара и похозяйничать в его шкафу.

Там я обнаружила вполне приличную майку, которая очень выгодно подчеркивала фигуру, хотя и была широкой. Это было как раз то, что надо, чтобы сгладить впечатление от моего пробуждения. А ещё я взяла на себя смелость натянуть на себя его шорты. Теперь я готова к встрече с ним. Вздохнув, я решительно направилась искать кухню, ступая босыми ногами по деревянному паркету. Надо же, в интерьере было очень много вещей из натуральных материалов, а они стоили не дешево. Нужное мне помещение нашла по звуку и запаху. Захар нарезал салат, напевая под нос что-то из современного русского рока. С этим стилем я не была знакома, но узнала по музыке, которая звучала из колонок гостиной. И как не странно, он не фальшивила ни в одной из нот.

— На тебе они смотрятся однозначно лучше! — пока я любовалась тем, как ловко он управляется ножом, не заметила, как его пристальный заинтересованный взгляд остановился на мне.

— Ты сам мне разрешил выбрать себе наряд, — развела я руками.

— Присаживайся! Будем есть. Если честно, я голоден.

— Я тоже, но мне кажется организм мой будет бороться с вторжением в пределы желудка чего-то съедобного.

— А мы запихаем!

Не понадобилось.

После ужина я попросила отвезти меня в гостиницу, на что получила решительный отказ.

— Ты останешься сегодня здесь. Комната в твоём распоряжении, в пространство твоё я вторгаться не буду.

* * *

— Рассказывай! — голос мужчины был жестким.

— Она здесь! Как и предполагалось, сегодня осталась у Ольшанского, — говорить эти слова Вове было противно. Алиса в доме какого-то мужика. И хрен его знает, чем они там заняты.

— Это хорошо. Отдыхай, Володя! Пусть голубки поворкуют. Скоро обоим крылышки пообщипаем.

— Вы говорили, что не тронете ее.

— Это дело я доверяю тебе, малыш, — он рассмеялся. От этого смеха в жилах стыла кровь.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ ПРО ИНТЕРЕСНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ, НЕБОЛЬШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И СОМНЕНИЯ. А КУДА БЕЗ НИХ НОРМАЛЬНОЙ ДЕВУШКЕ?

«— Вова-Вова, я прошу тебя, не надо! Я тебя умоляю.

Я знала, чем это все закончится. И все же продолжала стоять рядом с ним, пока он с горящими взглядом не извлёк нож из кармана. Он был совсем не большой, но завораживающее красивый в лучах заходящего солнца. Нож снова блеснул в его руке и в одно короткое движение оказался в моей спине.

— Ты должна ответить за предательство, — на его глазах были слезы. Он убрал руку и я упала на горячий песок...»

В кромешной темноте я подскочила и села на кровати, пытаюсь отойти от очередного, повторяющегося уже который раз, кошмара. По спине пробежал лёгкий холодок. И почему именно Вова убивает меня ножом?

Глаза немного привыкли к темноте так, что я могла разглядеть обстановку уже знакомой комнаты. Спустив босые ступни с кровати, я поплелась не слишком знакомым маршрутом на кухню, чтобы налить себе что-нибудь выпить. Алкоголь обычно приглушал чувство вины перед Краснослободцевым. Как ни крути, а я себя чувствовала немного виноватой. Если бы не заиклилась на своём горе, может жизнь у нас сложилась по-другому.

«Ага, куча детишек и постоянные побои», — ехидно заметил внутренний голосок. Лучше побитой, да с детьми, чем так. Когда три беременности оказались фатальными, и каждый раз я ловила себя на мысли, что не хочу больше мучить себя и этих неродившихся малышей, которых мой организм отвергал, как ненужное чужеродное тело. Грубо, но это было правдой.

Захар спал сном младенца, обняв подушку. Плед давно сполз на пол. Во сне чуть подрагивали длинные ресницы, дыхание было размеренным. На обнаженной спине с каждым вздохом бугрились расслабленные мышцы. Причём все было в меру, красиво и очень мужественно. Пальцы снова начали зудеть от желания прикоснуться к нему. Я их спрятала, скрестив руки на груди, подперев спиной дверной проем. После нескольких минут любования совершенным мужским телом я все-таки не выдержала и подкралась к нему поближе на цыпочках, чтобы не спугнуть его сон. Я пыталась успокоить тяжелое дыхание, которое получилось прерывистым, рвущееся внутри сердце, а мозг кричал “иди спать, не стой тут!”

Едва придвинувшись к Захару с намерением и укрыть, я оказалась застигнута врасплох. Он слишком неожиданно открыл глаза, одно движение руки и вот я лежу распластанной на полу, он восседает на мне, а его ладонь сжимает мое ни в чем не повинное горло.

— Прости, — выдыхает он. Я должна была бы биться в истерике или кричать, но вместо этого возбуждалась от такой позы. — Это рефлекс. Руки мои непроизвольно скользнули по его животу, заставив его выдать тяжёлый вздох.

Неожиданно, он свободной рукой, завел мои запястья мне за голову, расчищая территорию для маневров.

— Если будешь кричать, знай, что соседи могут вызвать полицию, — предупреждает он. А я и не собираюсь, наблюдая заморожено в тусклом свете ночника, как он медленно приближает своё лицо к моему.

“Ты почти замужем! Сопrotивляйся!” — кричит мой ненормальный разум, но я его глушу, отвечая на поцелуй. С этого момента все, я пропала, снова поддавшись на свою слабость. Я тону, хватаясь за него, как за спасательную соломинку, и несусь по течению, боясь захлебнуться в этом наслаждении. Не отпускай, только не отпускай меня...

Щетина его, соприкасаясь с моей кожей, начинает щекотать, и я снова прихожу в себя сопровождая прыжок на Землю обетованную истеричным смехом.

— Черт, я все испортил! — дыхание его тяжёлое, обжигающее.

— Нет, мне нравится, просто нужно немного привыкнуть, — выдыхаю я, проводя ладонями по его щекам и подбородку, спускаюсь к груди, снова к лицу, исследуя СВОЮ территорию.

— У тебя такой красивый смех, — хрипло шепчет он, ласкаясь щекой о мою руку, как котяра. Это все, что нашлось у него сказать?

— Правда? — я притягиваю его голову ближе и снова целую.

Мне нравилось, как звучал его возбуждённый голос, мне нравилась вся интимность этого момента, мне нравилось, что я осталась без майки, которая варварски трещала по швам и была заброшена в темный угол комнаты. А ещё сводили с ума его поцелуи, исследующие мое тело. В контрасте с его бородой, ощущения были просто пленящие, когда спину прокалывал шерстяной плед. Я, кажется, стонала, выгибалась ему на встречу, но сдерживала свои крики, которые утопали где-то внутри, не давая насладиться полностью этим моментом.

— Кричи, — приказал он, убирая мою руку, которую я в отчаянии кусала, когда почувствовала его в себе. Ещё один толчок, сводящий с ума. — Кричи, милая...

— Соседи, — выдыхаю я.

— Пофиг! Я хочу слышать тебя.

И все! Я поплыла, отдаваясь ему, растворяясь в нем, впиваясь коготками в спину. А он рычал, увеличивая темп и заставлял меня не просто кричать, а орать от наслаждения. Оргазм захлестнул с головой, заставляя жадно глотать воздух и забыть о том, что я землянка. Яркая вспышка, лёгкое покалывание во всем теле, ещё чуть-чуть и я ощущаю, как Захар с рыком наваливается на меня.

Я женщина! Я живая! Я желанная! К черту Арландо! Я никогда не раскаюсь, что изменила. Это того стоило! Я никогда ещё не чувствовала себя на столько живой и свободной. Это было именно то, чего я так ждала: дрожащие стены, ласки, которые были похожи на маленькую смерть, и чувство, что я именно там, где и должна быть. Да, это было не хорошо по отношению к Маттеви, но это справедливо по отношению ко мне. Хватит думать о других, пора вспомнить о своих желаниях и потребностях.

— Ты скучала по мне? — Захар довольно улыбнулся, переваливаясь с меня на бок, подпер голову рукой.

— Не знаю, — да, жёстко, но честно. — Но вспоминала.

— Как свою слабость? — пальцы его скользили по моей коже, вызывая толпу мурашек, которые разбегались до самых кончиков волос, кажется.

— А ты этим пользуешься? — уточнила я.

— Я пользуюсь тем, что женщина, которую я хочу, сейчас находится в моем доме. И я был бы полным идиотом, если бы отпустил ее.

Слова эти ласкали слух, вызывая трепет не только в теле, но и в моем маленьком сердечке.

— Но мне пора, Захар. Как бы мне с тобой не было хорошо, у меня дом в другой стране, там у меня любимая работа и..., — я поднялась с места, не способная продолжить. Кто мы теперь друг другу с Арландо?

— И ты так легко забылась?

— Ты моя слабость. Забыл? — улыбнулась я грустно и направилась в ванную комнату. Через полчаса, когда я все-таки решила выйти, на горизонте начинало подниматься солнце, освещая полоску неба в бледно-желтый цвет. Все замерло, казалось сейчас этот многомиллионный город замер перед чем-то великим... Новый день. И я снова погруженная в сомнения и мысли. Поздно сожалеть о содеянном. Хотя кто сказал, что я жалела?

Захара я обнаружила на кухне. Он разливал чай по большим кружкам. Лицо его было сосредоточенно, видно, что он думал над чем-то. Надеюсь, в его голову не закралась такая же навязчивая мысль как у Римы, оставить меня здесь.

— Завтрак! Раз мы так рано проснулись, — мужчина на меня не смотрел. Теперь спрятался за огромной дверью холодильника, копошась там, словно в поисках какого-то клада.

— Спасибо! — я устроилась на высокий стул, разглядывая его спину. А мои коготки сегодня здорово потрудились. По крайней мере территорию я зачем-то пометила. — Дай спирт или водку, — попросила я.

— Думаешь, умру от заражения ран, которые ты мне нанесла? — улыбается, это хорошо.

— А вдруг у меня ногти ядовитые, — он полез в верхний крайний шкафчик откуда извлёк початую бутылку водки. Вату нашел в выдвижном шкафу.

— Тогда лечи, доктор, — объявил мужчина.

— Будет больно, — предупредила я. Только когда он оказался совсем близко, повернулся ко мне спиной, я смогла разглядеть два круглых шрама, расположенных недалеко друг от друга, один под левой лопаткой, другой ближе к позвоночнику. Они удобно скрылись на теле, что я даже не заметила их, а может просто не было времени. И я ещё пугаю этого человека ватным тампоном, пропитанным спиртом. А Захар даже не скривился, когда я прикоснулась антисептиком к царапинам.

— Готово! — я выбросила ватку, вернула на место алкоголь, и принялась за чай, избегая его прямого взгляда.

— Алис, — нарушил Захар тишину первым, — у меня для тебя есть приглашение.

— Какое? — я даже успела напрячься. Думая, что он замуж пригласит? Очень ему нужно. Живёт в своей холостяцкой берлоге, да с удовольствием пользуется своей привлекательностью. Хватает мне этого счастья, одно поблёскивает на руке в свете восходящего солнца.

— Ты была когда-нибудь на настоящем ралли? — поинтересовался он.

— Нет. На гонках была, но не на ралли. А что? — вот она настоящая женская логика! «Нет. А что?».

— Поедешь со мной?

— Если в качестве полевой жены, то нет, — предупредила я.

— Обещаю, что не прикоснусь, пока сама не попросишь, — поднял он руки, словно сдавался.

— А в чем тогда подвох? — уточнила я, проглатывая очередную печеньюшку.

— А почему ты решила, что должен быть подвох? — искреннее удивление на его лице заставило меня даже поверить в правдоподобность этого вопроса. Вот же зараза! Типа он хочет поменять мои стереотипы? Но ведь прекрасно знаю всю мужскую сущность. Блага опыт имеется богатенький. И говоря фразу «все мужики

одинаковые», я предполагаю не секс, а логичность мышления и маленький пунктик «я тебе — ты мне». Хотя всё же под «ты мне» можно предполагать именно секс. Во как! От своих мыслей иногда сама пугаюсь. А вдруг это правда? Ну, да ладно! Сейчас речь о другом.

Есть Захар, есть соблазнительное предложение пожить дикарем в степях и пустынях России, Казахстана, и Китая, где проходит ралли «Шелковый путь», куда он и собирается меня тащить. Только не понимаю, если Ольшанский не профессиональный спортсмен, чего его туда несёт?

— У меня хорошие спонсоры, у меня хорошие показатели на российских и европейских чемпионатах, чего сидеть? Я уже принимал два раза участие в этом спортивном событии, — исчерпывающий ответ и снова искреннее удивление в голосе.

— А что за такая работа, что ты успеваешь и по Родине покататься и за границу посмотреть?

— Секретная! Маленьким девочкам знать не положено, — весело отшучивается.

— А порулить дашь, если поеду? — интересуюсь я.

— Это как попросишь, синьорина Бурджанини.

— Вот жук! — Я глубоко вздыхаю, обдумывая, как бы красиво отказать и выдаю. — Хорошо, я еду!

На сборы мне было дано всего несколько часов, чтобы я выписалась из гостиницы, где натикало счету еще за двое суток, когда я совсем там не появлялась. Ещё мне было необходимо приобрести удобную обувь в виде ботинок, также мой рюкзак пополнился комбинезоном как у профессионального раллиста, легкими вещами потому, что обещали жаркую погоду и целым пакетом сладостей.

— А это зачем? — уточнил Захар.

— Чтобы меньше тратить нервов, пока я буду за тебя болеть.

Потом он долго-долго ругался с менеджером команды, который недоумевал, зачем брать с собой в такие условия девушку.

— Будет вместо водителя при переезде на спецучастки — зло рыкнул в трубку Ольшанский.

— Как знаешь Захар, берёшь ответственность на себя.

— Не проблема, — огрызнулся он.

Вот так я с небольшим рюкзаком, плетясь за Ольшанским, оказалась в аэропорту. Перелет до Москвы обещал быть недолгим и лёгким, я с замиранием сердца ожидала, когда мы попадаем на бивуак, так мне это все было интересно, но почти весь путь я проспала. И так, две недели моего путешествия начинали отчёт послезавтра по маршруту «Москва-Хух-Хото» через Казань, Уфу, Костанай, Астану, Балхаш, Алматы ну и непонятные мне китайские города, о многих из которых я слышала впервые. Поэтому усердно гуглила, пока можно было словить интернет в большом городе, помечая на карте словами, с которыми после получения информации, у меня ассоциировался этот город.

Я заворожёно наблюдала, как подготавливаются машины для соревнований, как словно муравьишки возятся команды механиков, как внимательно изучают маршрут штурманы и водители. Ольшанскому было не до меня, что было очень-очень хорошо потому, что мне не хотелось ему мешать. Поэтому я бродила по бивуаку, знакомясь с закулисным раллийных гонок. Мне нравилось ощущать себя частью этого мира.

Арландо посадил меня на экстрим, как на наркотик, и моя творческая натура вдруг полюбила рисковать. Арландо... В глаза мне ему смотреть будет стыдно это точно. А тут как назло вечером он решился на видеозвонок.

— Чего такая растрепанная? Уже дома? — поинтересовался он.

— Нет, — отрицательно покачала я головой, — еще на Родине.

— Ты же вроде сразу назад собиралась.

— Собиралась! Встретила знакомого, Он участвует в ралли. Предложил мне посмотреть с места участников, — отчиталась я.

— Это надолго?

— Заканчивается двадцать четвертого. Это если ничего не случится.

— Зря он тебе взял, с вашим женским языком. Даже не смей о таком думать. Лучше желай своему знакомому успешного завершения, — строго меня отчитал Маттеви. Если б только ты знал, Арландо... Если бы только знал.

— Хорошо буду настраивать себя только на позитив.

Мы ещё поговорили о его работе, о том, что из-за дождей которые внезапно пришли на материк съемки задержатся.

— Я скучаю по тебе, милая, — эта фраза по-русски ему удавалось почти без акцента.

— Я тоже, — скупно и неоригинально.

— Целую! Люблю!

— И я тебя! — Ложь? А черт его знает. Что-то в этом всё-таки было правдой. И как только я закрыла экран ноутбука, заметила, что рядом стоял Захар, который внимательно слушал наш разговор.

— Идем ужинать. А то останешься голодная, — процедил он, срываясь с места.

Вот такой конфуз, а мне стыдно. М-да, наверное, мне никогда не удастся завести любовника. Я ведь сразу изведу себя муками совести. После этого Захара немножко потерялся. Спали мы с ним в одном трейлере, только вот когда я засыпала, его ещё не было, когда просыпалась — уже не было. Мы много переезжали, большее время находились в пути, потом соревновательный этап и снова переезд. Остановки делались ночью, либо сразу после переезда, и то я была предоставлена сама себе. Зато завела кучу знакомств. Не только с участниками, но и с местным населением.

Вы когда-нибудь совершали путешествия вне крупных магистралей по своей стране или в соседней? Скажу сразу, вы многое потеряли. И прелесть даже не в том, что кругом бескрайние степи с редяущими на них березовыми и осиновыми колами, утопающие в разнотравье и ковыльных перьях, что вокруг слышно щебетание птиц из стрекот кузнечиков, которые своим пением и сравнятся ни с чем. И не в том, что воздух здесь наполнен упоительной свежестью, а солнце опалает кожу, словно охраняя это великолепие. По пути следования встречаются небольшие посёлки и аулы, где совершенно обычные люди встречают гостей с распростертыми объятиями, готовые совершенно незнакомого человека усадить за свой дастархан. Люди. Здесь главное богатство это люди.

Я успела вдоволь пообщаться с местным населением. Мальчишки с выгоревшими челками и загорелой кожей часто бегали к нам на бивуаки, восхищенно разглядывая непривычно раскрашенный транспорт. В Казахстане с аулов нас подкармливали свежими баурсаками, казы и кумысом, который в казахской вариации называется «кымыз».

Я отдыхала душой, Несмотря на то что Захар был занят и мы общались очень редко. Между Балхашем и Алматы его кар потерпел серьезную поломку, поэтому несколько дней ему было вообще не до меня. Всё обошлось, но из тройки лидеров он сместился в десятку.

Теперь уже вокруг раскинулась полупустыня, а спецучастки стали ещё тяжелее. Если на границе между Россией и Казахстаном нас встретили дожди, размыв многие трассы, то сейчас горячий воздух царапал лёгкие и постоянные ветра, которые тянули из Джунгарского, а ныне Жетысуского, Алатау и Западных отрогов Тянь-Шаня, приносили с собой тонны песка, который скрипел иногда на зубах во время обеденной трапезы. Вечером ветер немного стихал и можно было посидеть у костра с гитарой, горланят песни или рассказывая байки о приключениях на различных гонках, пока механики заходили на смену. Таких рассказчиков было много, поэтому вечера обычно проходили в таком компанейском режиме.

— А я думала, ты уже спишь, — Захар немного потеснил рядом сидящих со мной ребят, усаживаясь по левую руку от меня. Пятачок наш уже почти опустел, остались только самые стойкие.

— Собиралась с минуты на минуту, — завершила я.

— Втянул я в тебя в авантюру.

— Мне полезно. И если честно, нравится, — я продолжила своё занятие. В своём альбоме, что прихватила с собой, карандашом я рисовала наброски раллийного кара, который нёсся по бездорожью, подымая клубы пыли из под колес.

— Красиво, — заглянул в альбом Захар.

— Ольшанский, ты решил со мной поговорить? — м-да, актриса моя провалила свою роль и Оскара она уже не получит. Сорвалась я зачем-то.

— Я соскучился, — его рука по-хозяйски легла мне на поясницу, прижимая меня ближе.

— Ну, когда я тебе надоем в следующий раз, ты хотя бы предупреди. Я понимаю, что ты занят, но простого «Привет», когда я появляюсь рядом, думаю я заслуживаю, — говорила во мне обида моим же голосом, который я почему-то не могла контролировать. Вот беда-то.

— Маленькая моя, — а оправдываться Захар и не думал, просто улыбался, терясь небритой щекой о мой висок. — Идём спать, я до чёртиков устал. А здесь, — он указал на рисунок, — поставь подпись и по возвращению подари мне. Я сохраню его для своих потомков. Пусть знают, какая у них талантливая прабабка была.

— Ты не выносим, Ольшанский, — я сдавалась, поддаваясь на его обаяние. С наслаждением вздыхала его запах, принималась ближе, чтобы почувствовать его тепло. Боже, как хорошо! Век бы так сидела.

— Дашь завтра порулить? — снова начала канючить я, выбрав благоприятный момент.

— А ещё говоришь, что я жук.

* * *

— Ну что, Вова? — он снова стоял как перед директором, боясь шевельнуться.

— Завтра прилетают. В аэропорту Алису брать будем?

— Нет, подождем. Пусть распрощаются.

— А если она снова к нему поедет?

— Не поедет, у нее билет уже забронирован. Она останется в аэропорту, — сообщил мужчина.

Внутри Вова почувствовал как что-то начало вибрировать от нетерпения. Завтра он ее увидит, завтра она окажется в его руках и он покажет насколько он силен. Она пожалеет, что оттолкнула его, что предала. Завтра, все завтра. А сейчас нужно подготовить трюм. Не изверг же он в самом деле. Никуда она уже не денется. Алиса, его Алиса.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НЕМНОГО ПРО ВОВУ, НЕМНОГО ПРО ЗАХАРА, НЕМНОГО ПРО ВОЗМЕЗДИЕ. КАК-ТО ТАК!

Пулково бурлил словно муравейник, несмотря на раннее утро вторника. Люди куда-то спешили, бежали, толкались. Мои каникулы подходили к своему логическому завершению. Через три часа самолёт вылетал в Рим, откуда я буду добираться домой. Ностальгия вещь хорошая, но мне хотелось погреть косточки. А в Питере, через день дожди, а потом духота. Но зато здесь был Захар.

За последнюю неделю я смогла к нему привязаться. Он сдержал свое обещание, никакого секса. Конечно, отношения наши были далеки от платонических, но было в этом что-то правильное, как бы глупо это не звучало. И за это время он ни разу не пытался меня поцеловать по-настоящему.

Я вся трепетала от его легких прикосновений, моя душа болела от одной мысли, что не увижу его больше. Но я хотела домой, коим стал маленький город Шилла на самом мыске итальянского сапога.

— Думаю, нам стоит попрощаться здесь, — я остановила его за руку, оторвав от мужчин из команды, которые прилетели вместе с нами.

— Что, Лисёнок, покидаешь нас? — Саня Молотов, штурман, остановился вместе с Захаром.

— Есть такое! — он обнял меня, прижимая крепко-крепко огромными лапищами к себе.

— Как бы Петрович не ворчал, — он указал на менеджера, — ты украсила эти две недели.

— Ты хочешь, чтобы я разревелась здесь? — стёрла я ребром ладони напрашивающиеся слезы.

— Отвали, Сань, — процедил Захар, отталкивая меня подальше от сокомандников. Я только успела помахать ручкой.

— Зачем ты так грубо? — я не пыталась вырвать свою ладонь из его руки.

— Чтобы руки не распускал.

— Ты ревнуешь, Ольшанский? — удивилась я.

— Думаешь, не имею права?

— Дурак ты! — я повисла у него на шее.

— А если я попрошу тебя остаться? — выдохнул он негромко.

— То будешь самой распоследней сволочью. Не заставляй меня делать выбор. Ты мне дорог, я тебе наверное даже люблю, и как бы я ни отрицала, но после тебя все мужики кажутся пресными, — да, слишком смелое признание, но оно принадлежит сильной взрослой женщине.

— И что тогда тебе мешает, если всё так, как ты говоришь?

— А то, что мне нужно объясниться с Арландо. Я пока не могу остаться. Моя душа там, в Италии, а сердце оставляю здесь в Питере вместе с тобой.

— Хорошо, Алис, — согласился он на мое облегчение. — Я не буду тебя уговаривать. Просто знай, что я буду ждать, — он поцеловал меня на прощание в висок и ушёл, не оглядываясь. А я стояла не в силах пошевелиться, понимаю, что может быть, совершаю самую большую ошибку в своей жизни.

Мой желудок отчаянно просил чего-нибудь поесть, а сонные глаза требовали крепкий кофе. До вылета времени ещё было предостаточно, поэтому я решила сначала уважить свой организм.

Кафе попало на глаза неожиданно, оттуда пахло свежесваренным тонизирующим напитком. Мммм! Устроив рюкзак поудобнее на спине, я поплелась в сторону приглашающей вывески. В здании сейчас немного опустело, поэтому мне не приходилось совершать маневры между снующими туда-сюда пассажирами и провожающими.

— Тихо, — услышала я за спиной, не успев дойти до желаемого помещения всего несколько шагов. Голос был знаком, даже слишком. Что-то твердое упёрлось мне в бок, и я услышала щелчок предохранителя. Это пистолет? Черт, это пистолет. Какого хрена тут происходит?

— Заорешь, я выстрелю. Предпримешь попытку освободиться, я выстрелю. Попытаешься сбежать, я выстрелю, — голос звучал жестко и был слишком убедителен для того, чтобы моё тело парализовало от страха.

— Вова, ты что творишь? — говорить было тяжело, как впрочем, и думать.

— Час расплаты, дорогая, — от смеха, который он издал, по спине вдоль позвоночника пробежал холодок. Я хотела было еще раз возразить, но оружие прижалось к моему телу плотнее, вызывая легкую боль.

— Топай, дорогая! У нас впереди долгая дорога.

* * *

Если есть на свете справедливость, то это как раз она. Внутри всё свербело от чувства удовлетворённости. Вова вышагивал рядом с Алисой, а в глазах плясал огонь невероятного счастья. Сколько лет он мечтал об этом моменте,

когда он сможет отомстить. Эту маленькую мысль он вынашивал, холил и лелеял такое долгое время, что поставил ее своей самой главной целью.

Всю свою сознательную жизнь Володя Краснослободцев мечтал вырваться из того места, где вырос. В маленькой деревушке под Псковом было только два варианта, либо спиться и сдохнуть под забором, либо идти работать в поле и тоже спиться, а дальше направление известно. Семья была у него большая. Он был средним ребенком, от того и научился рано самостоятельности. А что? Мамка на работе, а он вместе с двумя сестрами, которые были ему погодками, присматривал за малыши. Отец даже если и получал нечастый выходной, то на шоблу отпрысков в количестве шести штук внимания совсем не обращал. Иногда только, если необходимо было помочь по хозяйству.

Поэтому Вовка никогда не чувствовал себя чем-то обязанным родителям. Им главное было, что они обуты, одеты и накормлены, пусть и не самым вкусным. Сладости выдавались только по праздникам, а мамка каждый раз перепрыгивала свои заначки так, что найти было не возможно, сколько бы не старались.

Поэтому Вовке всегда хотелось жить красиво, чтобы было всё и сразу.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он собрал скудные пожитки в виде запасного белья, сменной рубашки и теплой куртки и уехал куда глаза глядят. На самом деле это был такой своеобразный побег. Сначала жил в районе. Там можно было подработать, чего он совсем не боялся, будь то даже работа грузчиком, а жить можно было на квартире у друга, у которого мамка пила по-черному и появившегося неожиданно мальчишку, совсем не замечала.

А потом прошел слух, что в Питере в группировку Мамонта набираются молодые ребята, желателно спортсмены. А точнее, это он услышал случайно около главного городского кабака, когда разговаривали двое «спортсменов». И тут Володя понял, вот это его шанс. Заядлым спортсменом он не был, но в школе очень хорошо бегал, хорошо стрелял, ну и из драк всегда выходил победителем, что немало важно.

Снова собрал вещи, взял припрятанные на черный день деньги, которые так тщательно собирал много месяцев, и отправился туда, не зная куда, к тому, не зная к кому.

Город встретил его приветливо. Правда, таких как он, желающих иметь лёгкие деньги было много. И как ни крути, а сразу взять и попасть к такому криминальному авторитету, как Мамонт, было сверхсложной задачей. Нельзя вот так просто прийти и сказать: «Возьмите меня к себе». Сначала нужно было заработать, пусть не самое громкое, но имя. А оно, как известно, получается из набора «подвигов» и знакомых. Причем эти знакомые должны тоже иметь репутацию. Короче, пока Вова разбирался в этой иерархии, занялся вымогательством, собрал себе небольшую команду из таких же никому не нужных пацанят, которые помогали ему трясти ларьки, несмотря на то, что они тоже находились под «крышей». Однажды нарвались на слишком крутых ребят. Огрели по полной, даже на счётчик их попытались поставить. Но большую роль сыграло Вовино красноречие. Договорился работать на хозяев территории, где он орудовал, отработать долг, но с тем учётом, что за него поручается перед Мамонтом. Вот так он стал на шагок ближе к своей мечте.

Только вот к Мамонту он не попал. Нашлись люди и поинтереснее этого пресловутого вымершего слона, да и занятия по душе. Он был обычным курьером, мелкой сошкой в большой системе, но получать за одно дельце неплохие деньги и ждать, пока твоими услугами снова воспользуются. Ну а что? Почему бы и нет? Перевозил все, что предложат, не брезговал ни чем. В основном это были наркотики, да оружие. Получалось у него выворачиваться хорошо, а вместе с этим пришел и спрос. Ему было хорошо, и имя заработал.

С женщинами проблем тоже никаких не было, несмотря на неказистую внешность. Начиная с пятнадцати лет, Вовка вел активную половую жизнь. И первая была одноклассница Любка, которая потом пошла по рукам. Ну а дальше дамы опытней и посolidнее, будь то продавщица Милка, или дворничиха Анжела. Всё изменилось, когда он встретил Светку. Длинноногая блондинка с голубыми глазами и красивыми женскими формами. Да он только от одной мысли о ней готов был лезть на стену от стояка.

Добиться ее расположения было не слишком тяжело. Хорошая машина, толстый бумажник, и вот она уже улыбается и вовсю флиртует. Шкура, но удовлетворить желание было просто необходимо. Сколько они еще встречались? Довольно долго для дворового пацана и королевы красоты. Не то, что у него были какие-то чувства, просто она вытворяла такое в постели, что не жалко было тратить деньги. А потом ей надоело. Подвернулся более обеспеченный ухажер и всё! Вильнула хвостом и пропала. И тут на том самом злополучном балконе он видит худенькую девчушку, которая устало выглядит, смотря на город. У нее широкая белозубая улыбка, выразительные глаза, угловатая как подросток, несмотря на то, что заканчивает ВУЗ. Первая мысль «отомстить Светке», следующая — «Да пошла она куда подальше, корова». И затянуло...

Алиса любила его слепо, а его иногда это бесило. Вот и срывался на ней. Но понимал, что никому и никогда ее не отдаст. А потом ее папаша с этим Агеевым... И пошёл Володя по этапу, как закоренелый ЗЭК. Правда отделался четырьмя годами вместо восьми. Если бы не Мамонт, сидящий тогда с ним в одной камере, то пропал бы мальчишка. Алиска исчезла. Натворила дел, как всегда, и исчезла, сука. С воли передали записку о том, что сделала аборт, о том, что снюхалась с Агеевым. И понесло его самолюбие куда-то вдаль, вызывая маленькое желание

прихерачить всех, кто виноват. За это время оно окрепло, и даже появился план.

И вот он с большим удовольствием запикивает ее в фургон, завязывает там руки, пока Валек вырубивает за город, закрывает глаза.

Все! Птичка поймана. Бежать некуда. И покуда Мамонтов не разберется с ее новым ёбарем, он властен творить над ней, что захочет, но пока в мыслях. А там, он осуществить свои самые извращённые фантазии.

* * *

Захар добрался до дома через час. Квартира встретила его эхом, гулявшим среди пустых комнат. Нет, пустыми они были не от того, что в них не было мебели. Ремонт полгода назад закончился успешно. Дизайнер потрудились на славу. Теперь родительская квартира, которую они много лет назад оставили ему и строго-настрого запретили продавать, обрела новую жизнь. Просто здесь он был один.

Ещё бы до своего дома добраться. Небольшой коттеджик на берегу залива он приобрел несколько лет назад, но так и не смог его обустроить под нормальные жилищные условия. Наверное, это дело теперь достанется его жене.

А что? Мысль как-то сама закралась в голову. Сожительницы у него были, именовавшие себя гражданскими женами, причем не одна, и не две. Ритм его жизни просто не оставлял им выбора, либо привыкнуть и смириться, либо уйти. Конечно, второй вариант был проще.

А вот по-настоящему, чтобы с кольцами и маршем Мендельсона давать клятву перед теткой с химической завивкой волос и яркой алой помадой на губах (именно так ему представлялись работницы ЗАГС), никогда. Да, и не хотелось вроде. Что там тётка? Если давать обещание любить всю жизнь, то не перед ней или государством, а перед Богом.

Верующим Захар себя тоже никогда не считал, но основные заповеди соблюдал. Наверное, кроме одной «не убий». Если это в целях безопасности и выбора нет... Работа требовала, и иногда по-другому просто не выходило. Прослужив в органах внутренних дел не один год, он понял насколько жизнь хрупкая штука. А ведь сам не один раз становился мишенью, причём целых два — хирург вытаскивал его с того света, выцарапывая его жизнь у старухи с косой.

Надоело. Бросил всё, ушёл, хотя всё естество иногда просится назад, кричит и зовёт. Хватило с лихвой. Особенно когда его, не ходящего и немощного, мужики таскали по Якутии в поисках чудо-шамана. Долгая история, да и вспоминать он об этом не любил. Неудивительно, что за тринадцать лет нажил себе врагов по самое горло, неудивительно, что и друзей было не меньше.

Он сидел на диване и просто разглядывал потолок, который сверкал в утренних лучах глянецом. Как там? Натяжной? Да, точно! Как-то было беспокойно на душе. Зря он отпустил Алиску, зря.

Он помнил ее угловатой девушкой с огромными уставшими глазами на тот период, пока сажал ее молодого человека. Он тогда не придавал значения, не обратил особого внимания, но запомнил эти глаза. Вернее вспомнил, когда увидел ее в Италии. А как она улыбалась... Ммм! Захар думал, что она вспомнит его, но нет. А может это и к лучшему? Она ведь может не простить. Хотя в чём его вина? Был дан приказ сверху брать живым, а в остальные детали попросили вежливо не соваться. Вот и все!

Ещё сказал, что будет ждать. А вернется ли она вообще? Он как нормальный мужик должен был брать ее в охапку и тащить сюда, окольцевать, а потом уже давать право выбора, когда его просто не должно было остаться. В комнате на кровати лежали вещи, которые она не стала брать с собой на ралли, да и в свою другую жизнь тоже. Она сказала, что любит... Наверное, любит. А может быть и нет. Черт поймешь этих женщин, что у них там на уме? Замуж за одного, сплю и люблю другого. И как-то нехорошо отзываться о ней язык не поворачивается. Она просто настоящая женщина, а это уже оправдание многим ее поступкам. Просто рядом с ней не тот, раз не может ее удержать от глупостей.

Из глубоких раздумий вывел его телефонный звонок. Трубка отчаянно просилась к уху из коридора, где был брошен рюкзак. Желание общаться с кем-то не было, но пришлось вставать. А вдруг что-то важное. Номер на дисплее высветился совсем уж незнакомый. Проведя пальцем по зеленой иконке, ответил.

— Ольшанский, слушаю!

— Хм, привычки так и не изменились, — голос на том конце был так же незнаком, как и номер, но явно принадлежал мужчине.

— Это хорошо, что вы меня знаете, но ответного восторга не ощущаю, — и так настроение было хреновастенькое, а эта напускная загадочность вообще бесила.

— Не узнал, значит. Буду жить долго и счастливо. Мамонтов моя фамилия, помнишь такого?

— Еще бы не помнить, — даже оживился немного. — Чем обязан?

— Всем, Захар Георгиевич. И убитым братом, и умершей женой, и десятью потерянными в тюрьме годами, —

выговаривал каждое слово Мамонт.

— И что ты хочешь от меня?

— Тебя, только тебя. У меня твоя девка, хорошенькая такая, — Захар крепко сжал кулаки. — Если ты к вечеру...

— Я найду тебя раньше, и убью, — дослушивать условия он не стал. Играть по чужим правилам? Нет. От него этого и ждут. А тут эффект неожиданности и выигранное время. Если ему не поставят условия, если его не сумеют найти, то значит трогать Алису им нет смысла. Он просто сбросил вызов и отключил телефон вообще, оставив его дома. Так, если он всё ещё соображает, то возле дома должна быть слежка. Окна комнаты выходили как раз во двор, и разглядеть среди соседских автомобилей две незнакомые машины, одна из которых могла быть по его душу, ему не составило труда.

Это не хорошо потому, что уйти незамеченным не получится, если только... Кажется, место и время для маневров можно найти, а там как карта ляжет. Главное, сейчас добраться до Митяя, а там и помощь и информация, ну и конечно, поддержка. Можно и одному, но он понятия не имеет, где они могут держать Алису.

Дверью, когда уходил, хлопать не стал, вдруг, жучки стоят. Дома его не было больше двух недель, а тут хозяйничай — не хочу. Благо, ключ от чердака у него имелся ещё со времён службы. А замок за эти годы так никому и не пришлось в голову менять, а там, в третьем подъезде живёт Лидочка, одна из его поклонниц. Она-то уж точно ещё не на работе. Немного обаяния, и он сможет через балкон выбраться на соседский, оттуда и до земли недалеко, всего два этажа. Ничего, и не такое проходили.

Лидочка встретила его с заспанными глазами в откровенном пеньюаре, подчёркивающим ее прелести четвертого размера.

— Захар, ты какими судьбами? — удивилась. Ещё бы! Когда они в последний раз общались? Месяцев эдак ...надцать назад.

— Спасай, Лидок, мне нужен твой балкон, — не спрашивая разрешения, входит в квартиру, отесняя ее к стене.

— Лида, кто там? — слышится из спальни мужской голос. Мимикой она показывает ему в сторону кухни, чтобы он быстрее скрылся с глаз. Ещё ревнивых мужей не хватало для комплекта.

— Сосед, Васюш, снова клянчил на бутылку, — Лида запахивает поплотнее халат и вталкивает Захара в огромную кухню, где открывает балконную дверь.

— Гони его поганой метлой, — рявкает Васюш из комнаты.

— Уже, милый! Чайник поставить? — в это время, хватая Захара за футболку, чтобы тот остановился.

— Не, я ещё поваляюсь.

Из комнаты доносится звук включенного телевизора, а Лидка притягивает его к себе ближе, впивается в губы, как пиявка, но он и не пытается сопротивляться. Это такая своеобразная оплата за услугу.

— Беги, герой! — шепчет ему и отпускает. Вот так обошлись малой кровью. Теперь ещё до Митяя добраться. По пути попадается Валентина Сергеевна, тоже соседка, но двумя этажами ниже. Бабка сердобольная, но достаточно сообразительная, и любит его безумно.

— Ты куда это в такую рань, Георгич?

— Да, по делам, Сергеевна. Слушай, дай позвонить, а? А то свой забыл дома.

— Снова партизанить?

— Только, чур, как бы ни пытали, ты меня не видела.

— А разве может быть по-другому? — усмехнулась женщина. С этой расчитаться было проще — сторублевая купюра и никаких проблем.

С Митяем они встретились в сквере, недалеко от управления.

— Что за срочность, Захар? — Митяй, а по паспорту Митрий Павлович, представлял из себя большого дядьку больше похожего на жулика, нежели на мента. Да-да, именно Митрий. То ли паспортистка была бухая или слепая, то ли родители в таком же состоянии, но в документах его имя писалось без пресловутой буквы «Д».

— Срочность настигла меня в виде огромной жирной задницы, — закурил мужчина, присаживаясь на лавочку.

— Баба залетела что ли?

— Да, нет, жопа поменьше такой. Баба, как ты говоришь, залетела, только вот в лапища не кого-нибудь, а самого Мамонта.

— Батюшки, какие люди в городе объявились. Что требуется от меня?

— Прошерстить информационный отдел на информацию, прости за тавтологию.

— А для чего ж он ещё нужен этот отдел? — хихикнула Митяй.

— Я хочу знать о нем все. Мне девчонку искать надо.

— Прикрытие с тыла необходимо?

— А то! И с тыла, и с боку, и на амбразуру, если потребуется.

— Мальчишки идут играть в войнушку? Это по мне!

- А я пока доставать оружие.
 - Не поверю, что у тебя дома такого не имеется, Георгич.
 - Домой нельзя, дома ждут.
 - Ого, как серьезно! А что Мамонтенку-то нужно?
 - Отмщение, то есть Я во всей своей красе.
 - Так дадим дяденьке насладиться предвкушением возмездия.
 - Он может позвонить. Если что...
 - Не видел, да и вообще не знаю кто такой. Остальных тоже предупрежу.
- И так, стратегия вроде вырабатывается, осталось найти место ее реализации.

* * *

Как доехали до того места, где я сейчас находилась, я совсем не помнила. Наверное, мне что-то вкололи. Что я могла разглядеть в этом полумраке? Во-первых, здесь было что-то вроде лежака, где я собственно и лежала. Абсолютно голые стены, темные, кажется железные, или ещё из какого-то металла.

Высоту потолков понять не могу, но по эху, которое отражается от стен от моих шевелений, понятно, что помещение большое. Вот только есть ли тут дверь? Встаю с места. Ноги ватные, голова немного кружится, делаю неуверенный шаг, ещё один, ещё. Через несколько достигают одной из стен, начинаю шарить руками вдоль всего периметра. Ничего. Отчаяние захлестывает меня с невероятной силой. Хочется плакать и кричать. Комок слез подступает к горлу, но я стараюсь держаться. Кричать? А стоит ли? Если я не привязана, если у меня не заклеен рот, значит кричать и звать на помощь бесполезно. Подымаю глаза вверх, голова всё ещё кружится, но замечаю, что наверху есть что-то наподобие люка или точнее решетки. Я не заметила, потому что сейчас, скорее всего, ночь, темная и непроглядная. Боже, Вова... Осознание того, что сюда меня привез Вова, бьёт по голове словно молотком. Сволочь, скотина... Зачем? Для чего?

— Краснослободцев! — кричу я что есть мочи — Краснослободцев! — повторяю еще раз. Нет, слез он от меня не дождется. Решил запугать, пусть. Мне терять нечего. Убить? Ответ тот же самый.

Наверху послышались шаги, тяжёлые, громкие.

— Очухалась? Вовка, иди, тут твоя краля в себя пришла — кричит мужской голос. Снова шаги, эти быстрее... Вот и все! Я готова, я не боюсь, — успокаиваю я себя.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ О ПОХИТИТЕЛЯХ И СПАСИТЕЛЯХ, НЕВЕРНЫХ ДИАГНОЗАХ И НАДЕЖДЕ НА ЛУЧШИЙ ИСХОД

Фонарь пронизывающим лучом ударил прямо в глаза, заставив меня отойти назад. Грохот открывающейся решётки и опускающейся лестницы бил по ушам. Как же громко. Они не понимают, что у меня голова просто раскалывается?

— Вот мы снова встретились, — Вова улыбался. Нет, я не видела, но чувствовала, что это было именно так.

— Почему я здесь? — его энтузиазма я, естественно, не разделяла.

— Так надо! А тебе не нравится мое общество? — искренне удивился он.

— Когда я сижу черт знает где, в темнице под семью замками и охраной. Ты издеваешься, Вова? Да кто ты такой, и что ты о себе возомнил? — я понимала, что мой голос постепенно становится истеричным, но вот поделаться с этим ничего не могла.

— Скоро закончится твоё заточение и мы с тобой...

— Мы с тобой? Ты это все всерьез? Мы с тобой? — не унималась я, начиная, голосить ещё громче, — Никогда в жизни, лучше пристрели меня, — я услышала шлепок, только потом почувствовала, что щека начинает гореть. Вот хрень! Он меня ударил. Он просто взял и зарядил мне пощечину. Господи, да меня никто в жизни кроме него никогда не бил, даже родители. Никто и никогда... И понесло меня в дали дальние! Истерика вместе с обидой начали захлёстывает прямо с головой. И можно было бы быть просто умнее, остановиться, но мой язык неконтролируемо нес всякую чушь, которая ложилась не в очень лестные для Вовы слова.

И дело было не в том, что я так думала, хотя наверное, и в этом тоже. У меня просто включилась защитная реакция больше похожая на истерику. Ещё с кулаками на него кинулась. Нет, это ж надо было додуматься! С кулаками на человека, который не упускал возможности стукнуть меня. Я почувствовала толчок, а следующее мгновение начала куда-то проваливаться, отчаянно цепляясь за действительность.

— Очнись! Ты жива? — как сквозь пелену до меня доносился голос Вовы. Точно, я потеряла сознание. А я то дурным делом подумала, что просто сплю и это один из моих кошмаров про него. А нет! Нате, получайте и расписаться не забудьте! Боже, да что это за день такой? Он меня снова бил, правда на этот раз «за дело», чтобы привести в чувства, видимо. И без этого правая сторона болела от его оплеухи.

— Да перестань ты! — видимо, горький опыт меня совсем не сможет научить. Я снова начала брыкаться, вырываясь из его хватки, чтобы быть подальше от этого человека.

— Я просто посмотрю, что там, — он указал несмело на мой затылок, испуганно оглядывая мое перекошенное злостью лицо.

— Не смей меня трогать! И вообще, пошел вон отсюда, — кричала я, швыряя в него, что попало под руку. А это, должна заметить, было железное ведро, которое просвистело, даже нет, важно прошлепало у самого края головы Краснослободцева, оставив ее, конечно, невредимой и целой, но напуганной.

— Извини, Алисочка, я не хотел.

Это глупое «Извини, я не хотел». А ведь раньше действовало!

И он ушел, оставив меня одну.

Слава богу, хоть додумался перетащить с холодного трюма в каюту. Может, удастся согреться. «Любовь зла...» — истина старая как мир, но вернее ее не найдешь. Я ведь любила его и искренне верила. Дура, набитая, ненормальная, конченная. Наверное, все-таки придется когда-нибудь сказать «спасибо» родителям за то, что освободили меня от него.

Свобода... да, это то, что мне сейчас было необходимо. Хотя тревоги по поводу своего пребывания здесь, я не чувствовала. Мне бы нужно было плакать и паниковать, но вместо этого я начала думать о том, как отсюда можно выбраться. И это несмотря на то, что я становилась похожа на мутанта у которого на затылке начинала расти вторая голова. Это я об огромной шишке, что осталась на мне после соприкосновения черепной коробки со стеной. Спасибо тебе, Краснослободцев Владимир. Ещё не хватало сотрясение заработать. Врача я, конечно, не дождусь, поэтому вынесла сама себе диагноз, сама же и приступила к лечению. Главное сейчас не заснуть, а несколько таблеток обезболивающего, которые мне оставили на малюсеньком столике вместе с водой, немного облегчили состояние дурной головы, которая все продолжала думать. Сначала необходимо было оценить свои шансы. Вовка, конечно преступник, любящий распускать руки, но он мелкая пешка. Что-что, а организовать мое похищение ему бы никогда не пришло в голову. Нужно как-то вызволять себя из его лап. А помочь... А помочь сможет только Захар. Такая кратковременная и очень теплая вспышка в мозгу, заставляющая кровь пульсировать по венам с новой силой и дышать чаще. Вот тебе и плен, а возбуждаюсь от упоминания незнакомого практически мужика. Хотя почему незнакомого? Конечно, странного, но... Боже, меня снова понесло совсем не в то русло. Нет бы просто взять и проверить, есть ли какие лазейки... нет. Оставлять меня наедине с собой в помещении, откуда есть

возможность сбежать, никто бы не стал это точно, но попытка — не пытка.

Иллюминатор, был заперт снаружи, и даже если бы я его открыла, пролезть не смогла бы. Тем более с тем учётом, что в последнее время я набрала парочку (это ещё мягко сказано) килограммчиков. Спишемся все на реакцию организма на непривычный холодный климат от которого я отвыкла. Организм утепляется. И то, что я ем, как ненормальная огромными порциями высококалорийную пищу совсем не в счёт.

Ха! А ведь у меня проблемка появилась. В этой беговне с гонками по пересечённой местности, я и забыла про ежемесячный цикл своего женского организма. Мамочки родные...

Выдохнув, я посадила свою пятую точку на кровать. В ногах стало как-то совсем мягко, сердце затарабанило набатом, отдаваясь в висках. Нет, этого не может быть. А ведь я даже не знаю кто отец... хотя какая разница, когда он все равно не родиться.

Я погладила свой плоский животик и завывла белугой, забыв про то, что собиралась рвать когти отсюда. Вот тебе и сбежала, называется.

* * *

— Думаю, они ее держат на старой лодочной станции. Из всех объектов, которые принадлежат Мамонту, этот самый отдаленный и туда никто не сунется просто так, — Митяй извлёк из пачки сигарету и закурил, вертя в руках карту города, где только что показывал другу расположение места, где сейчас может находиться эта Алиса.

Знаком он с ней, конечно, не был, но что-то подсказывало, что для Захара это не просто увлечение на один день или он спасает ее от того, что попала в беду из-за него. Нет, тут явно что-то было, и это «было» могло сподвигнуть рассудительного Ольшанского на любые глупости. А кто его прикроет? Ну, да! Боевой друг и товарищ.

— И как узнать, чтобы не опарафиниться? — Захар потирает большими ладонями лицо. Не мудрено, что устал. Вторые сутки на ногах без сна и отдыха

— Я разведку послал. Они из кустов понаблюдать и доложат.

— Птенцов своих на боевое задание заслал. А не боишься, что засветятся в силу своей безмозглости?

— На это и рассчитываем. Если там кто есть и девка...

— Митяй, не девка, — буркнул Захар.

— Ну, извините Ваше графское высокоблагородие. Нам холопам все одно, — стал поясничать мужчина, но увидев тяжёлый взгляд друга, продолжил. — Если девушка у них, то они задержатся в любом случае.

— А если они ее прихлопнут для большей убедительности?

— Я смотрел записи с камер наблюдения в аэропорту. И знаешь что? Я выяснил очень интересный факт по поводу исчезновения твоей благоверной, — заинтересованный взгляд Захара сподвиг Митяя на дальнейший рассказ. — Увел ее, тыча в спину пушкой никто иной, как Владимир Краснослободцев, который по нашей базе числится, как бывший Зэка. Как тебе?

— И это тебе о чем-то говорит? Ты ведь тоже помнишь, как мы его брали?

— Помню! И Алису эту вспомнил, как она в истерике отбивала этого самого Володю.

— Хочешь сказать, что она могла это подстроить? — за двадцатилетний стаж дружбы Захар научился понимать Митяя практически по одному выражению лица, которую можно с большим успехом окрестить мордой.

— Ну, а что? Она прилетела из своей Италии, и вы вдруг случайно встречаетесь. Хочешь сказать совпадение? — мысли Митяя ему были понятны, но он не верил. Хоть бейся головой о стену, но не верил в то, что Алиса могла оказаться простой подсадной уткой.

— Она вышла замуж после того, как его посадили. Когда он вышел, развелась, поменяла документы и свалила из страны. Думаешь, этот Краснослободцев не может отомстить ей?

— Думаю, может. Но рассматриваю оба варианта.

— Пацифизмом ты точно не страдаешь! — усмехнулся Захар, а у самого в душе было гадко-гадко. Вот что значит, думать с точки зрения влюбленного человека. А у Митяя все рассчитано. Нет, это явно акт возмездия.

— О! Вероника Андреевна! Доброе утро, — по аллее, где они сейчас находились, вышагивала, отбивая каблукми ритм по брусчатке, высокая молодая женщина в форме сотрудирика.

— Я не думаю, что оно может быть добрым, когда начинается со встречи с Вами, Митрий Павлович, — огрызнулся женщина.

— Ой, и не любите Вы меня, Вероника Андреевна! Я ведь со всей душой!

— Знаете, я не думаю, что у человека, которого боятся все психологи города, может быть такие чистые намерения, — хмыкнула женщина и поспешила прочь.

— М-да, романтик из тебя никакой, — заметил Захар.

— Да, я ее один раз чуть не взорвал нечаянно. Но это история старая и совсем неинтересная. Главное, сейчас

твою блондинку вытащить. А потом может и расскажу.

Из состояния полудремы меня вывел грохот снаружи. Всю ночь убеждала себя не спать, вот только не получилось. К утру все равно начало клонить в сонное забытие. Мыслей было много. Одну только отгоняла подальше, чтобы не свыкаться с ней — ребенок. Это была своеобразная защитная реакция.

В иллюминаторе, естественно, ничего не видно, но ситуация меня начала напрягать. А затем выстрел... От неожиданности Я даже присела на пол. Ещё один, и ещё... Возня где-то в коридоре, звук ударов. И тут дверь распахивается и на пороге появляется Вова. Он тяжело дышит, над бровью саднящая рана, которая заливает лицо кровью.

— Бежим! Бежим со мной, Алиса, — протягивает он мне руку, но сделать шаг вперёд я так и не решаюсь.

— Алиса, не глупи, больше у нас не будет возможности. Мы должны быть вместе.

— Не будет, я в этом уверен, — слышу знакомый хриловатый голос и смотрю, как Вова начинает оседать на пол, пропустив удар.

— Захар! — сердце начинает бешено колотиться, ноги трясутся, и чтобы не упасть от этой глупой эйфории, кидаюсь ему на шею.

— Маленькая моя, хорошая моя! — его большая ладонь гладит меня по волосам, и я даже не чувствую боли от гематомы, когда он не по неосторожности касается. — Прости меня, прости, — дыхание щекочет ухо, а я замираю со счастливой улыбкой на лице. Он пришел, он за мной пришел и заберёт меня. Все! Теперь мне не может быть страшно, я под надёжной защитой.

— Это что? — мой подбородок оказался в его пальцах, а внимательный взгляд начал ощупывать и лицо, помимо того, что шишку он, кажется, заметил. — Откуда эти гематомы?

— Я упала, — соврала и не покраснела. Нет, так нельзя. Ему нельзя врать не под каким предлогом, он заслужил, чтобы я была с ним полностью честна.

— И лицом тоже? Этот говнюк тебя бил? — почти зарычал Захар.

— Один раз, а потом неудачно попытался предотвратить мою истерику — да, вот так лучше. Стыдно, опускающейся глаза, рассматривая зашарканный пол каюты. А потом чувствую поцелуй у самого виска.

— Прости меня, это все из-за меня. Я не хотел, чтобы так получилось.

— Не думаю... — договорить я не успела, так как в дверном проёме, спотыкаясь через упавшую мебель и разбросанные вещи, появился здоровый мужик, заполненный все пространство.

Боже! Озарение пришло яркой вспышкой. Я ведь его помнила, при чем Захара тоже. А ведь он говорил... Черт черт! У меня тогда было единственное желание придушить их обоих, когда теперь просто не мыслила о том, что Захар меня отпустит.

— Георгиц, ты пока тут лобызаяешься с девицей, этот сучёныш сбежал, — огласил мужчина.

— Митяй, побудь с Алисой. Головой отвечаешь.

И все, его и след простыл, а я рассматривала так называемого Митяя, пытаюсь соображать, что сейчас происходит.

— Вот блядство! Пардон, мадам, — обратился он ко мне. — Захар, не глупи.

Толстые пальцы вцепились в мою кофту, потащили за собой к выходу. А чего я ждала? Церемоний по поводу своей персоны?

А мой спаситель мчался через весь док к причалу, откуда удалялась старый катер. Вова поджал хвост и решил ретироваться, как последний трус.

В руках у Захара был дробовик, которым он уже целился вдаль. Один оглушительный выстрел, который заставил меня вскрикнуть, а потом «Бум» — взрыв, и горящий катер идёт ко дну, а оттуда полыхая одеждой, выпрыгивает Вова, пропадающая в воде.

Чтобы не закричать, я зажала рот рукой и села на землю. Это было страшно. Неужели, Захар сделал это только из-за меня?

— Я тебе сказал, оставаться с девушкой, — сжатые губы, холодный взгляд и голос с нотками стали.

— Решил прикрыть. Сейчас наши приедут, и скорая тоже. Этому, думаю, точно понадобится — мой похититель плыл к берегу, из воды показывалась только голова. Жив... Да, мне обидно, но никто не достоин из-за меня смерти.

— Пойду, перехвачу гаденьша, — огласил Митяй, скрываясь с глаз.

С залива дул пронизывающий ветер, заставляющий мерзнуть даже кости. А может, это сказывался стресс и то, что я так и не сумела согреться за ночь. Захар и легко стянул с себя ветровку и накинул на мои плечи, прежде

Потянув меня вверх, чтобы поднять с земли.

— Ты ненавидишь меня? — поинтересовался он, подкуривая сигарету. Мне хотелось тоже, хотя я бросила, когда пошла работать в школу. Что за учитель, от которого воняет табаком?

— А я должна? — я вытянула из рядом лежащей пачки никотиново-табачное изделие и тоже подкурила, игнорируя недовольный взгляд Захара. С каждой затяжкой я делала всё более глубокий вдох, чувствуя, как дым, заполняет легкие, режет их.

— Если ты о том, что я здесь из-за тебя, то скажу, что моя вина в этом тоже есть. Если бы не его жажда мести, то я бы смогла спокойно улететь. А то, что ты сделал несколько минут назад... Знаешь, я впервые подумала о возмездии за все мои слезы, синяки и одержимость им. Наверное, если бы ты ни пришел тогда за ним, он меня бы просто сломал и растоптал. Да, это тоже было в моей жизни, но в противном случае, я бы не смогла собрать себя.

— Значит, эти побои были не первые? — в ответ я покачала отрицательно головой. — И ты меня вспомнила, как я понимаю? — теперь утвердительный жест. — Знаешь, я испугался, что не смогу больше тебя увидеть.

— Но ты ведь меня отпустил.

— А разве возможно удержать человека насильно? Ты девочка взрослая, сама должна делать выбор. Нам пора ехать, а то сейчас налетят мои бывшие коллеги. А тебе нужно в больницу. Вдруг сотрясение с такой-то шишкой.

У меня даже сил не было возражать, поэтому выслушав через час с копейками от пожилого дяденьки-врача, что сотряс лёгкий, но есть, и что мне сейчас нужен покой, я смело напросилась в «гости» к Ольшанскому.

— Приютишь?

— А у меня есть выбор? — усмехнулся он. В квартире на полочках вместо ожидаемой пыли, я увидела идеальную чистоту, которая так же царила во всех комнатах. Значит, Захар злоупотребляет услугами домработницы.

Похоже, гипотеза о беременности была не верна. По пути я закупила средствами женской гигиены и теперь смывала с себя в душе прошлые сутки, пытаюсь согреться под горячими струями. Состояние и так было не самым замечательным, а с приходом неожиданных «гостей», как мы всегда выражались в молодости, так и вовсе усугубилось, ноющей поясницей и абсолютным дискомфортом организма.

Где-то в глубине души я вздохнула спокойно, ведь пережить ещё один выкидыш я просто не смогу. Захар накормил меня вкусным ужином, который заказал из ресторана, так как ни сил, ни желания готовить не было ни у кого из нас.

— Устала? — поинтересовался он, когда я уже укладывалась на кровать. Захар присел рядом, принялся гладить мою щиколотку.

— Мне нельзя сейчас, — виновато опустила я глаза.

— А я, — в одно мгновение он оказался рядом, — ничего и не просил.

Крепкие руки обняли меня, его подбородок коснулся макушки, поцеловал, и я снова «поплыла» в эмоциональном смысле. Было потрясающе уютно, словно мы совпадали как две половинки пазла.

— Захар, — на этот разговор я решила как-то совсем случайно, не боясь нарушить эту умиротворённость.

— Мм? — кажется он тоже расслабился.

— У меня есть проблема со здоровьем, поэтому я не уверена, что лучший вариант второй половины.

— Ну, давай, я буду сам решать, насколько я хорош для тебя.

— Когда Вову посадили... — Я снова погружалась в глубины памяти, понимая, что с каждым разом, когда я рассказываю об этом, мне становится легче. Тяжело хранить все в себе и переживать это самостоятельно.

— Значит, ты решила, что родители в этом виноваты? — сделал он вывод.

— Кого-то обвинять нужно было.

— Это не правильно. Как бы там ни было, они старались, чтобы тебе было хорошо, даже если это будет против твоей воли. Просто я проходил через это. Но несмотря на все, они тебя любят, поверь.

— Я тоже об этом думала, много, долго, мучительно... В итоге, пришла к выводу, что я не держу на них зла, но пока не готова к встрече, — поделилась я сокровенным.

— Поэтому, ты и не можешь выносить ребенка. Это не какой-то порок твоего организма, а психологическая травма. Вся эта ситуация, плюс обида, плюс слова врача... А если ты тогда была так легко вменяемая, что согласилась замуж выйти за Агеева, то и вывод можно сделать соответствующий.

— Ты психоанализом занимаешься?

— Нет, — он улыбнулся, — это было, кажется, лет сто назад. Я работал ещё в органах. Мы как раз брали того самого Мамонта, который тебя похитил, меня ранили. Ранение было серьезное, но не смертельное. Важные для жизни органы не были задеты, операция прошла успешно. Но когда я пришел в себя, я просто не смог встать. Врачи начали исследование, которое показало, что организм функционирует нормально, и предпосылок для инвалидности совсем нет. А я все не вставал, сначала неделю, потом месяц, который постепенно превращался в полгода.

Захар помнил четко это время, когда его тело перестало слушаться хозяина, когда от осмысления того, что он может остаться инвалидом, мозг просто взрывался. А ещё дело было в том, что с этой проблемой, пришла и следующая. Он стал просто потихоньку, но верно умирать. И это проявлялось не только в том, что органы начали постепенно отказывать, а ещё в его моральном состоянии, когда и жить-то не хотелось.

Он тут же остался один потому, что та, которая была до этого рядом, сбежала, испугавшись трудностей со словами «Ты теперь не мужчина, и вряд ли жилец. Спасибо! Нам было хорошо! Но, теперь наши дорожки расходятся».

Эти долгие недели складывались в месяцы, которые тянулись мучительно долго, словно качественная жевательная резинка. Родители бросили работу, чтобы находиться рядом, и теперь стало ясно кто настоящий друг, когда Митяй мотался по всем возможным знакомым, чтобы найти возможность помочь. А врачи разводили руками, мол, мы здесь бессильны.

Однажды примчался Митька запыхавшийся, но с сияющими глазами.

— Собирайте вашего сына, мы едем в Якутию.

Не возразили, помогли с билетами, отец вызвонил знакомых, чтобы помогли в дороге, даже сам собрался. Но Митька остановил, сказал, что справятся с мужиками сами. Целую неделю они блуждали по тундре в поисках того самого знаменитого шамана, который работал только с самыми тяжёлыми случаями. А он тут вдруг раз, и нашелся, когда они совсем отчаялись.

— Вылечил? — удивилась Алиса, даже намного приподнялась с места. Но он быстро вернул ее назад. Так было удобнее.

— Я же здесь, с тобой, живой, здоровый. У него метод такой «Лечить нужно не тело, а душу».

— Думаешь, у меня больна душа? — она снова приподнялась.

— Ну, если верить ему, то да. Он говорит, что если захочет человек, он может себе отрастить даже недостающую конечность, — вспомнил он старика с морщинистым лицом.

— Бред, — вспрыснула Алиса от смеха. Но Захар снова вернул ее назад на своё плечо.

— Ну, ты этого наверное уже не узнаешь, — хитро улыбнулся он.

— А ты меня не отвезешь к нему?

— Не знаю, я не привык делать что-то бесплатно.

— Я хочу родить, — выдохнула она, замерла на мгновение. — Я хочу родить тебе ребенка.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ О ЕЩЕ ОДНОМ ПУТЕШЕСТВИИ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Республика Саха, Якутск.

Если честно, я не думала, что северные города могут быть настолько красивы. Сюда нас занесло спустя четыре дня после нашего ночного разговора. Что со мной происходило? Да ничего такого, что могло бы отрицательно сказаться на моей жизни. Я скучала по теплой Италии, но вот Арландо... Он остался для меня пройденным этапом. И я знала, что эта рука, которая держит мою руку, шагая по зданию аэропорта, уже никогда и никуда меня не отпустит. Я попросила его об этом.

— Я хочу родить, — выдохнула я, замерла на мгновение, ожидая ответной реакции. — Я хочу родить тебе ребенка.

— Всего лишь одного? — самодовольная улыбка на его лице заставила меня расслабиться.

— Ты ведь меня не отпустишь? Не отпускай, хорошо?

— Хорошо! Никогда не отпущу. Твоё место здесь, рядом со мной. И какому-то итальяшке я тебя не отдам, — а затем медвежьи объятия зажали меня словно тисками.

— Я поговорю с ним, обещаю.

— Будем на это надеяться.

Вот только поговорить так и не получилось. Дозвониться до Маттеви было невозможно. Как трус оставила сообщение: «Прости, Арландо, я не вернусь. Я остаюсь на своей Родине. Когда ты не будешь занят, мы поговорим». И чем я лучше Вовки? Объяснение было только одно — я женщина, и все тебе тут. Имею право. Хотя даже женщине такое не должна сходить с рук. Я снова сбежала, как сделала это в случае с Тимофеем. Боялась, что меня не отпустит, а он даже не искал.

За столько лет своей жизни северные районы страны я ни разу не ещё не посещала. Была в Питере, Москве и Сочи. Всё остальное было для меня загадкой. Захар показал мне часть красоты нашей страны, когда тащил на ралли. Теперь я просто была одержима идеей поехать на Алтай и Байкал, о которых он так много рассказывал.

— Свозишь? — просила я с горящими глазами.

— Обязательно! И ты забудешь о своей Италии. Ещё есть Карелия, но там я был всего один раз, но тоже остался доволен.

— Ты так много путешествуешь?

— Эта привычка с детства, сформированная отцом.

Я снова начинаю «гулить» в поисках информации и фото на огромных просторах всемирной паутины. И раз... В браузере смартфона выползает назойливый заголовок из раздела «новости». «МАТТЕВИ НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ СИМПАТИЯМИ?» Подумалось мне, что это на счёт работы. А нет, не тут-то было. Читаю. «Каскадер и спортсмен Арландо Маттеви снова был замечен с очередной пассией. На съемках картины, где красавчик дублирует главного героя, выполняя сложные трюки, у него сложились отнюдь не самые дружеские отношения с моделью Кассандрой Блур. Неужели между наследником и топ- моделью могли возникнуть романтические чувства? Как утверждают очевидцы, парочка мило прогуливалась и беседовала в непринужденной обстановке в одном из самых дорогих ресторанов города Бразилиа. Хотя недавно завидный жених Италии предстал в обществе с незнакомой дамой перед многотысячной толпой. Пара уверенно позировала перед камерой, не пытаясь прятать свои отношения. Ходили слухи, что Маттеви младший сделал белокурой красавице предложение, что подтвердило кольцо на пальце, когда влюбленные прощались перед отлетом наследника «MatteviCorporation» в Бразилию. Какая из версий правда покажет время.»

Вот так! Получается что мы одного поля ягодки. Рассматриваю фотографии... Ну, она красивая. Не даром же моделью слывется. Красивых среди них немало, но такого очарования и шарма я не видела давно. Внутри потихоньку начинает шевелиться ревность, хотя на сердце становится намного легче от того, что не я одна обманщица. И было ли, или не было у них что-то, но пресса теперь эту новость точно не выпустит из виду.

— Что-то случилось? — Захар подкрался совсем незаметно, положив руки на мои плечи. Мягкими движениями он начал их разминать, заставляя толпу мурашек разбежаться от места соприкосновения по всей площади моего тела.

— Нет, ничего, — соврала я. А может просто не доказала правду? Имела ли я вообще право ревновать Арландо? Думаю, теперь абсолютно никакого. — Я сейчас расслабляюсь и усну, а мне ещё в душ идти, — мурлыкала я от удовольствия.

— Я тебя могу отнести и вымыть, если попросишь, — его губы тронули область шеи, от чего я почти подпрыгнула на месте. Тяжело было держать себя в руках, когда мы находились рядом.

А между тем губы Ольшанского смелеют, как и руки, задирающую мне футболку со спины, когда он исследует

участок между шеей и плечом. Простите, соседи, но сегодня мне не до вашего спокойствия. Пофиг, пофиг, пофиг...

Безумствовать до утра не даёт мысль, что завтра ждет тяжелый день и не факт, что завтра же он и закончится. Меня ожидает долгая дорога через тайгу в тундру, чтобы попытаться счастье еще одного волшебника. Надеюсь у него получится.

Республика Саха или по-другому Якутия, относится к Дальневосточному федеральному округу самого большого государства на планете. Несмотря на достаточно большую территорию, из-за природных условий, население здесь приближена к миллиону, но не дотягивает малость. Причём, более 40 % территории Республики находятся за Северным полярным кругом, куда мне предстояло отправиться. Когда мы прибыли в Якутск, погода порадовала своим летним вариантом и температурой переваливающей далеко за двадцать. А вот вечером уже чувствовалось дыхание с севера. И разница с Петербургом в 4 градуса широты ощущалось достаточно холодной ночью. Это в июле- то месяц. А дальше больше... Не зря я приобретала перед отъездом тёплую куртку и сапоги. Забила я свою сумку исключительно зимними вариантами по настоянию Захара.

Наш проводник Темир, человеком оказался малоразговорчивым, и это только с Захаром. Я для него, видимо, была не самым лучшим собеседником. Как позже рассказал Ольшанский, Темир был сыном друга его отца, который умер два года назад. Именно поэтому обратился мой спутник к нему, а тот в свою очередь не смог отказать. В общем, из-за этого я уяснила немного информации, от того и такие познания.

Свое путешествие мы начали от поселка Жатай, который имеет статус городского типа. Причал, где нас ждал Темир, находился за поселком, и мы прибыли туда рано утром. Долину Гуймаада укутывало туманом, который наплывал с Лены ватными хлопьями. Я думала рассмотреть поближе возвышенность Чочур Муран, находящуюся всего в нескольких километрах и являющуюся одной из достопримечательностей якутчан, но из-за белой плотной пелены видела только густой сосновый лес на ее вершине.

Пейзажи этого места просто поражали своим величием и великолепием. По воде мы пробирались на моторной лодке, я поплотнее куталась в куртку и прижималась теснее к Захару, чтобы сохранить тепло. Я с удовольствием рассматривала густой таёжный лес, пугающий своим мраком и таинственностью. Часто по пути встречались небольшие поселки, где с причалов нас приветствовала местная детвора, махая руками и выкрикивая что-то на сахском.

Через несколько часов любования местными красотами, у меня начало рябить в глазах, пока Темир не причалил у небольшого пирса. От долгого пребывания на свежем воздухе, который после городского резал легкие, отвыкшие от такой роскоши, желудок мой сводило от голода. Нас встречал человек в МЧСовской форме с капитанским погонами

— Полковник Берестов приказал Вас сопроводить, — огласил он цель своего пребывания здесь и уже через полчаса тряски по раздолбанным дорогам, которые-то и дорогами трудно назвать, мы оказались в полевом лагере спасателей. Оказывается, из-за продолжительных дождей с Верхоянска сошла сель, поэтому из Якутска они сменили место дислокации, перебравшись ближе к поселку Жиганск.

М-да, если бы я знала, что в моем приключении будут замешаны столько людей, отговорила себя от этой мысли. Это ж сколько пришлось человек потревожить, даже добраться до военных, чтобы исполнить мою прихоть. Я стыдливо прятала глаза, когда Захар встретился с тем самым Берестовым крепкими мужскими объятьями.

Нас разместили в одной из палаток, или как это называется, попрощавшись до вечера.

— Откуда ты их всех знаешь? — удивилась я.

— Мой отец геолог, забыла? Он много лет проработал в Якутии, перерыв всю землю, где могли по предположению находиться алмазы. Поэтому и знакомых столько осталось, а точнее сказать, друзей.

— Ничего себе! — удивлялась я с каждым днём. А ещё больше меня поразило то, что Ольшанский знал язык сахов. Объяснял он это тем, что в юности тоже был заражен романтизмом полевых работ, часто покидал Петербург, чтобы помогать отцу и жил среди местного населения.

Я почему ты сразу вспомнила Арину, у которой отец тоже ученый, но ее мама почему-то не выдержала ритма этой жизни. А родители Захара до сих пор были вместе.

Вечером нас ждало офицерское застолье. Полковник Берестов рассказывал байки о своих подвигах и знакомстве с Ольшанским-старшим, а я с удовольствием слушала, восторгаясь, порою, насыщенностью приключениями жизни этих мужчин.

После нескольких рюмок, внимание ко мне стало более пристальным. Я уже отбивалась от надоедливых вопросов по поводу моей персоны. Захар ревностно обнимал меня за талию, начиная постепенно закипать, хотя здесь даже флиртом не пахло, не говоря уже о чем-то большем. Ребёнка, даже в таком большом мужчине никто не мог скрыть.

К полудню следующего дня к нам прибыл все тот же капитан, который сообщил, что транспорт готов. Транспорт? Только не оленей, ни машины, или даже вездехода, что соответствовало бы этой местности, я не увидела. Ждал нас вертолет, крутящий своими огромными лопастями «пропеллера» прямо над головой. Я боязливо

оглядела шпуковину, явно советского года выпуска, но подталкиваемая Захаром, всё-таки залезла в него. Ну что поехали?

А точнее, полетели над огромными пространствами леса, который сменился более редкими деревьями, чередующимися зеркалами озерной глади и болотами. И тяжело представить, что всего через пару месяцев этот зелёный ковёр, полыхающий буйными красками превратится в белоснежную пустыню, где не будет ни дорог, ни тепла долгих и семь месяцев. Боже мой, и как же меня сюда занесло?

Вскоре мы прибыли в поселок Жиганск. Скажу сразу, что темнеет на севере рано, а для меня, если темно, то уже вечер. Даже не рассматривая местность, по прохладе и запаху рыбы было понятно, что поселок тоже стоит на реке, только это была река Стрекаловка, которая является притоком Лены. И естественно, одним из занятий местного населения является рыбный промысел.

За эти дни я столько съела рыбы, что запасы фосфора в организме хватило бы на год вперёд. И снова на столе, которым нас встречала администрация поселка, главным блюдом была рыба, которую я уплетала с удовольствием. И опять же, знакомые мужчины, интересующиеся делами моего вроде как свёкра.

— И всех этих людей пришлось дергать из-за меня.

— А ты думаешь, я детей не хочу? — заявил Захар на мои стенания.

— Ты бы мог найти себе здоровую женщину, а не возиться со мной, — продолжала делиться я своими переживаниями.

— Мог. Но я с тобой, поэтому у тебя даже мыслей таких не должно возникать, а иначе я просто тебя заброшу в какую-нибудь глухой поселок и заберу только когда ты перестанешь страдать дурью.

То ли слова возымели действие, то ли этот волшебный поцелуй в висок, который был коронным у Ольшанского, я расслабилась.

А дальше нас ждал ещё один перелет. Пока Служба спасения перевозила гуманитарную помощь, мы под шумок стали пассажирами авиатранспорта. На этот раз рано утром мы приземлились в крохотном поселке далеко от Жиганска. Именно из таких вот поселений и состояло основное население улуса. При температуре тринадцать градусов я просто срослась со своей курткой, когда местная ребятня носилась вокруг нас в футболках, играя в подобие наших «салок». Почему-то здесь эти погодные условия мне было переносить тяжелее. Темир всё это время следовавший за нами молчаливой тенью, тут вдруг ожил в общении с местным населением. Местный язык я не понимала, зато Захар почти с легкостью оперировал им, посвящая в детали диалога и меня. Балаган Шамана, к которому мы направлялись, стоял далеко от поселения.

— Алиса? — из толпы вышла женщина, высокая, тонкая как тростиночка. Она говорила на русском, поэтому я могла ее понять. Только не пойму, откуда она меня знала.

— Идем, он тебя ждёт, — объявила она, взяв меня за руку. — Я Айты, внучка шамана.

— А откуда ты меня знаешь? — поинтересовалась я у женщины, пока она легко обходила кочки, тогда как я спотыкалась и начинала злиться.

— Дед сказал, что ты должна прилететь. Ты не бойся, он человек странный, но он сказал, что поможет тебе.

— Почему? Захар мне говорил, что он не за каждого берется.

— Этого уже нам не понять, по какому принципу выбирает он людей, нуждающихся в помощи.

Мне женщина казалась чуть ли не божеством со своими раскосыми глазами, светлой обветренной кожей, темными смоляными волосами. Осанка ее была горделивая, тогда как взгляд обволакивал каким-то теплом. Говорила она мягко, певуче, хотелось ее слушать.

— Я помню твоего мужа, — Заявила Айты.

— Он мне не муж.

— Если вы не получили документы перед государством, это не значит, что он тебе не муж. Вам благоволят духи.

— Ты тоже...

— Нет, — усмехнулась она, — я, конечно, и обладаю хорошей интуицией, но дара не получила. У нас он передается по мужской линии, и дедушка говорит, что мой сын должен его унаследовать.

— У тебя есть сын?

— Еще нет. Я вышла замуж в начале весны, мы живём в Верхоянске. Но я не могу надолго оставлять дедушку. Муж позволяет мне находиться в поселении, пока он в командировке, чтобы я не скучала.

— Это здорово.

И так, передо мной появился балаган, окутанный оленьими шкурами, по форме напоминающий казахскую юрту.

— Иди, — улыбнулась женщина. — И ничего не бойся, ты сильная.

Преодолевая навалившуюся вдруг усталость и волнение, я двинулась вперед, утопая во мраке жилища. Глаза к нему привыкли не сразу, а потом уже я смогла отчётливо разглядеть пучки трав, развешанных вдоль стены, очаг

посередине, где горел огонь, а дым поднимаясь вверх, уходил в круглое отверстие на самой макушке балагана. У огня сидел старик, одетый в шубу, правда принадлежность меха какому-то зверю не стала отгадывать. На голове у него был убор, увешанный бусами из камней и костей.

Скорее всего, кости принадлежали животным, не думаю, что украшения делали из человеческих. В полумраке разглядеть его лица толком я не смогла, зато пряди седых волос отчетливо просматривались под скупыми пучками света, падающим сверху. Он указал мне на пол, устланный коврами, и я повинувшись указаниям, уселась напротив.

— Смотри в огонь, — приказал старик. Этому голосу Я сопротивляться не могла. В очаг он кинул несколько веточек сухих трав, которые начали обволакивать помещение густым дымом, а я как замороженная смотрела на языки пламени, которые начали рисовать причудливые картины. Я видела двух пляшущих оленят, они играли на просторной поляне. Они были настолько увлечены своей игрой, что не заметили приближение волков, которые окружали их плотным кольцом. Эти образы были настолько правдивы, что у меня возникло непреодолимое желание спасти их. Я начала кричать, вот только звук получался совсем тихий и... Нет, это кричала не я, это кричала животное, которое в испуге билось между наступающими хищниками. В один миг я превратилась зайца, оказавшегося на открытом пространстве. Над ним кружил беркут, пытаюсь его поймать. А я бежала со всей силы, пытаюсь скрыться от хищной птицы, которая нападала с каждым удобным случаем, но я снова выворачивались и мчалась к холмам в надежде скрыться там. Когти больно впивались в шкуру, но я изворачивалась и продолжала. Немного, осталось немного дотянуть... И вдруг я становлюсь птицей, кажется фазаном. Мирно ковыряю в только что вырытой из под снега ямке, где много корма. Почему я не боюсь? Если в двух случаях меня преследовали хищники, то сейчас тоже должно что-то случиться. Глупый-глупый фазан. Я замечаю, тень сзади, а потом вижу только огромную кошачью лапу....

Я открываю глаза и с криком, сажусь на лежак. В помещении по-прежнему темно, но тепло. Из этого мрака снова появляется старик.

— Страшно? — спрашивает он.

— Страшно, — соглашаюсь я. — Мне было больно. Что вы со мной сделали?

— Это не я. Это твоя душа. Видишь, она очень лёгкая добыча для сильных хищников. Она больна.

— Хотите сказать, что все мои проблемы из-за этого?

Он промолчал, оставив у изголовья сложенную сорочку и кафтан.

— Иди до своего мужа, скажи, чтобы приезжал через две недели.

Две недели? Он серьезно? ОН СЕРЬЕЗНО?

Захар ждал меня снаружи, он курил, рассматривая горизонт.

— Привет! — поздоровались я, поцеловав в небритую щеку. Мне казалось, что не видела я его целую вечность.

Он оглядел мой новый наряд и одобрительно улыбнулся.

— Тебе идёт.

— Поверю, потому что зеркала у него нет.

— Какое время он тебе дал?

— Сказал, что две недели.

— Хорошо! Я если что останусь в поселении. Меня приютил старейшина, вспомнил, что когда-то я здесь проел целый месяц. Правда всю ночь проворочался, думал о тебе, — он притянул мен ближе и поцеловал в макушку. — Все будет хорошо, я обещаю.

— Я знаю. Но, как всю ночь? Мы же прилетели только, — не поняла я.

— Мы прилетели сутки назад, Алис, — сообщил Захар.

Но как же? Прошло-то всего не больше часа. Если лечение и дальше будет таким, то я и не замечу этих двух недель.

Но не тут-то было... Мои видения повторялись раз за разом, причем не всегда они были такими безобидными. Было больно невероятно, когда я попадалась в когти орла, рвущего мою тушку на куски, или когда меня в шкуру фазана душил барс. И это повторялось много-много раз, когда я корчилась в муках, а Шаман наблюдал за этим с совершенно непроницаемым лицом. Все изменилось, когда я уже знала, что меня ждет, поэтому пыталась сначала бежать, а потом драться и отбиваться от мучивших меня образов. Вы знали когда-нибудь, что у зайцев мощные задние лапы, которыми они могут задрать орла? Нет, думаю, это бывает только в видениях, но на самом деле своего соперника они могут победить именно так. А у оленя, даже маленького, очень сильный удар, и если он попадет копытом человеку по голове, может убить его. Ну, это не мои фантазии уже. И вот, это я уже волк, это я уже орел, это я уже барс, крадущийся на мягких лапах в поисках добычи. Это я хищник, и мне не жалко свою добычу, я наслаждаюсь своими маленькими победами, потому что сегодня останусь сытой, и смогу накормить свое потомство. Я сильная... Я СИЛЬНАЯ!

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ О НОСТАЛЬГИИ, МАМЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ЭТОЙ ИСТОРИИ

Мне казалось, что я разучилась ходить, все тело ныло от долгого лежания, но оно было отдохнувшим. А может, не из-за лежания? После всего, что со мной творил Шаман, мне была предложен огромный ушат с горячей водой и отварами трав. Принимала я свою «ванну» в его же юрте, правда помогала мне во всем этом Айты. Я не сразу заметила на своём теле царапины, словно от когтей и клыков животных.

— Что это? — если честно, я была напугана.

— Это твоё перерождение, — объяснила женщина, намывая мне волосы. — Не бойся, они быстро заживут, — заверила она. Теперь я не удивлялась уже ничему, но свято верила в то, что это все было не напрасно. Все получится! Теплая вода, от которой пахло скошенным сеном почему-то, здорово успокаивала. Я снова расслаблялась и погружалась в сладкую негу своих видений. Я была рысью. Да именно рысью. В этом образе я чувствовала себя очень комфортно. Я на мягких пушистых лапах ступала по мокрому снегу, бродя среди высоких сосен по крутым склонам гор. Мое тело было гибкое, шаги пружинистые и тихие. Да, мне это нравилось просто безумно.

— Ты ещё не успела отдохнуть за две недели? — услышала я насмешливый голос Айты. Пока я сидела в импровизированной ванне, молодая женщина подошла берестовую кору и прошлась вдоль моего тела, нашептывая какие-то слова. Дым, как я ожидала, не щипал глаза и не заставлял задыхаться.

— Это для изгнания злых духов, которые могли прицепиться к тебе в том мире и очистки души, — объяснила она.

— В том мире? — уточнила я.

— А ты думаешь, ты просто спала? Нет, это был другой мир, откуда приходят и куда уходят наши души. Только так он мог тебя вылечить, — заявление, мягко говоря, было странным. Но как я уже говорила, я уже ничему не удивлялась. Странности меня уже не пугали.

А ещё я чувствовала себя безумно голодной. Диета на одних отварах здорово отразилась на моей внешности. Все лишние килограммы, о которых так пекутся современные модницы, пропали бесследно.

— На пищу пока сильно не налегай, — объяснила Айты, обтирая меня жёсткой тканью.

После того, как я обсохла, меня, наконец, выпустили наружу. Утро только-только занималось, и ранняя заря окрашивала горизонт в алый цвет. Я вздохнула полной грудью и почувствовала лёгкое головокружение. Ноги меня понесли к поселению, где уже всю возились люди в хозяйственных хлопотах.

Захар я увидела издали. Он помогал женщине развешивать куски мяса в какую-то бочку, видимо, для копчения. У меня внутри все сжалось от его созерцания, от того, как он двигался, как жестикулировал, разговаривая с ней. У него уже почти борода отросла, по крайней мере, густая поросль на лице делала его безумно уютным и домашним. Он словно что-то почувствовал, обернулся, замер, видимо, не узнал меня сразу, такую изменившуюся. Опять же, себя я не видела, но чувствовала. Хотя и по похудевшим рукам можно было понять, что стало с моим телом.

Захар оставил своё занятие, сказав что-то женщине, и направился ко мне, обтерев руки полотенцем.

— Привет! — выдохнула я, борясь со слезами. Как же я соскучилась!

— Привет, родная! — он обхватил меня своими лапищами, оторвал от земли и прижал к себе крепко-крепко. Мне казалось, даже кости затрещали. — Я соскучился. И кстати, ты очень хорошо выглядишь.

— Тебе нравятся тощие селёдки? — уточнила я

— Нет, просто ты стала какая-то другая. Глаза горят.

— Потому что тебя увидела, и ужасно хочу есть.

— Ну, это мы поправим. Сначала, пир на весь мир, а потом долгая прогулка. Завтра прилетит вертолет, и мы с тобой отправимся назад.

Дорога домой была, конечно, быстрее. Правда на следующий день случилось то, о чем я даже подумать не могла. Это случилось в Жиганске, пока я потихоньку точила домашнюю колбаску и запивала это яство кумысом, который понемногу начал кружить голову, Захар вошёл в гостеприимный дом главы поселка, где я беседовала с хозяйкой, с очень довольной улыбкой.

— Бросай все, идём!

— Куда? — не поняла я и даже немного испугалась. Через несколько минут мы оказались в зале дома культуры, где нас ждали несколько человек.

— Ну что, готова?

— К чему?

— Совершать самый безумный поступок в своей жизни...

И «Тадада-там, тадада-там, там-там, тарам-пам-пам-пам»... Кому не понятно, то это Марш Мендельсона под который я входила в зал, с колотящимся сердцем и подкашивающимися ногами. Что это? Для чего это?

Первая паническая мысль — сбежать. Но предвидя это, Захар крепко держал меня за руку. Потом — закатить истерику. Но думаю, мой голос все равно бы не одолел громкость торжественной музыки. А следующая — сказать «нет». Но когда я увидела виноватый, но торжествующий взгляд своего жениха, я поняла, что язык мой просто не повернется, чтобы сказать что-то подобное. «Да» и только «да». Когда после торжественных клятв и обмена серебряными кольцами, я спросила у Ольшанского, зачем он так поторопился с бракосочетанием? Ответ был прост: — Чтобы ты не сбежала.

Ну, да, получая фамилию мужа, я становлюсь гражданкой этой страны. Значит, теперь мне точно не удастся сбежать. Но пока я этого и не хотела. Хотя с моей тягой на приключения, это «пока» могло когда-нибудь случиться. От меня можно ожидать что угодно.

В Петербург я вернулась уже в новом статусе. Когда подругам сообщила, что остаюсь, то реакция каждой была неоднозначна.

— Вернулась всё-таки блудная дочь, — заявила Рима.

— Значит, теперь будем видеться, — обрадовалась Полина.

— И даже не сказала, что замуж выходит, — обиделась Арина.

По приезду Захар погрузился в работу, а я училась быть хорошей женой для холостяка, который прожил столько лет один. Конечно, это было тяжело в силу его сформированных привычек, но он все терпел, сжав зубы и поглощая все, что я приготовлю огромными порциями, комментируя о полезности женщины в доме.

Через неделю нагрянули Рима и Полина для того, чтобы потаскать меня по магазинам, так как вещи мои, отправленные тетей Розой, находились еще в пути.

— А ты не собираешься навестить крестницу? — поинтересовалась Полина.

— Собиралась. Просто с Тимофеем боюсь встречаться. А ещё нужно, наконец, поговорить с родителями.

— Слова мудрой женщины! Нужно за это выпить! — чокнулась чашкой кофе о мою Рима.

А потом я выслушивала о неугодном королеве Риме Пимановой холопе, который посмел ей перечить и даже оскорбить. По-моему, моя подруга просто влюбилась.

Параллельно со всеми этими событиями, я пыталась найти работу. С моим образованием найти что-то высокооплачиваемое было тяжело, зато предложили должность преподавателя в академии. Ну, а что? Все лучше, чем ничего. С моей ученой степенью, с моим талантом педагога, думаю, с этой должностью я могла бы справиться. На шее у Захара тоже сидеть не хотелось, да и с ума сходила я в четырех стенах.

До начала учебного года оставалась всего неделя, когда я все-таки решилась на ещё один отчаянный шаг. Я собиралась ехать к родителям. Эту идею мой супруг поддержал с большим воодушевлением.

— Давай я с тобой поеду, если ты хочешь.

— Думаю, мне сначала самостоятельно нужно разобраться. Я тебе позвоню потом.

— Как скажешь, солнце, — согласился он. — Деньги нужны?

— Нужны, — опустила я глаза. — Я тебе отдам.

— Ага! Умнее ничего не могла придумать? Хотя у тебя есть возможность отработать. МММ! В спальне... — глаза его заблестели, улыбка напозла на лицо хитрющая, хитрющая.

Конечно, это было сказано в шутку, но процесс был уже запущен и необратим!

Ностальгия. Во всех словарях это слово обозначает тоску по Родине, по детству, родному краю. А в качестве медицинского термина, это даже психическое расстройство, связанное со всем вышеперечисленным. Да, с последним определением я согласна.

Душа просто болела, катастрофически, когда я, заезжая в город на автобусе, рассматривала знакомые улицы, все таких же размеренно идущих людей, а не спешащих, как в больших городах. И вон тот знакомый поворот, ведущий к ресторану «Берёзка». А там Аринка, наверное, уже руководит своим властным голосом, оставив своих малых Барышниковых на бабушку. Хотя как говорила Рима, там и Ромкин отец играет в присмотре за внучатами немаловажную роль, пока дети поднимают свой бизнес.

А здесь поворот, ведущий к моему дому, вернее, к дому моих родителей. Сколько? Три года? Почти три с половиной года. Я давно перестала считать, понимая, что это занятие может ранить только сильнее. Может быть, если бы я не совершила своё псевдо-паломничество к Шаману, я бы до сих пор обижалась. С этим перерождением, я обрела какую-то мудрость, которая позволила мне простить родителей.

Снова мои вещи, которые я взяла с собой поместились в небольшой рюкзак, который я закинула за спину, обшаркивая подошвы новых мокасин о старенький асфальт, державшийся всё ещё «молодцом», направляясь с автовокзала к стоянке, где могла найти такси.

Не стала звонить своим девочкам потому, что знала, что до папы и мамы не доберусь. Эти засранки меня

просто так не отпустят. Решу этот вопрос, потом уже встречу с Аринкой.

Через минут двадцать я подъехала к кованым воротам дома, который когда-то был излюбленным местом для посещения моими одноклассниками. Мы любили устраивать пикники в саду, пока мама нам таскала всякие вкусности, приготовленные собственными руками. Что с подростков взять?!

Калитка была открыта, мне оставалось только ее толкнуть и сделать первый нерешительный шаг. Я не думала, что это может быть так сложно. Ничего не изменилось, только вот цветов стало больше во дворе. А на крыльце, вытянувшись пригрелся на солнышке мой найдёныш, который уже превратился в старого ленивого кота, Туча. Назвала я его так из-за грязно-серого цвета, ну и, естественно, из-за погоды, в которую я его нашла.

— Есть кто дома? — подала я голос, не замечая хоть каких-то движений ни внутри, ни снаружи. Ага, послышались шаги, которые с каждым ударом моего сердца становились все громче и громче.

Знакомая фигура, вытирающая руки о передник... наверняка папе готовит ужин. Изменилась, немного осунулась, волосы белеют ярко выраженной сединой, но все так же безупречно уложены. Вокруг глаз стало больше морщинок. Понимаю, что многие из них появились из-за меня, непутёвой дочери.

Мама, моя мама. Я не забыла, как пахнут твои руки, как они могут ласкать и обнимать. Я не забыла твой голос, который напевал мне колыбельные, немного фальшивя. Я не забыла твои глаза, сколько в них всегда было любви и тепла, даренных только мне... Боже! Я смотрела, как она прикрывает трясущейся рукой рот и сама начала реветь.

— Господи, Господи, — тихо шептала она, пытаюсь выговорить сквозь всхлипы слова. Ком сковал мое горло, и чтобы окончательно не впасть в слезную истерику, я кинулась к ней. Наверное, все эти годы я мечтала об этом.

Что может делать мать и дочь после столь долгой разлуки. Мы просто плакали, я обнимая ее колени, она, глядя меня по голове. Не нужно было слов, чтобы понять друг друга. Мы, наверное, никогда не были ещё столь близки. Мама, мама, мама...

А вечером, после того, как я не менее эмоционально встретила папу, мы долго-долго говорили о моей жизни. Я рассказывала о своём счастье, которое родители приняли как своё, я рассказывала о новой работе, упуская многие моменты моей итальянской жизни, боясь их обидеть. Мы так и уснули с мамой вдвоем, боясь выпустить друг друга из объятий, и я снова чувствовала себя маленькой девочкой.

К Арине я смогла попасть только через два дня. Все это время родители затаскивали меня дома и отказывались, куда-либо отпускать.

— А со своим мужем ты нас познакомишься хоть? — уточнила мама.

— На выходных приедет, мы говорили с ним, — объяснила я.

— На выходных? А чего ж ты молчишь? Нужно дом в порядок привести, подготовиться к встрече с зятем, — забегала мама. И когда это только она стала такой хозяйственной?

— Конечно, нужно! Но эту миссию я возлагаю на вас, — а сама потихоньку слиняла из дома.

Подруга моя давно жила на два дома. Первое место поселения находилось на территории дома отдыха, где Ромка, как и обещал, отгрохал огромный дом. Второй — это была квартира, где иногда приходилось оставаться, а с тем учётом, что Наська должна была идти в школу, то это было даже необходимым.

В ресторане хозяйки не оказалось. Управляющий послал меня в гостиницу, где мадам Барышникова раздавала весёленьких «люлей» персоналу, а вместе с тем, как я заметила по прибытию, и своему муженьку. Вся такая в классике, на каблуках, прическа «аля-греческая богиня» с интересным плетением. Ну, прям «ПИСЬНЭСЬ ВУМАН» в теле подростка. А ещё мать троих детей, когда со спины ее саму можно было принять за девочку.

А голос-то, а голос! Бедный Ромка! Он кривился от каждого произнесенного ею слова, понимая, что это все говорить в его честь. Фанфар не хватало ещё!

После воодушевляющей мотивации все подопечные Аринки поползли по рабочим местам.

— Какого черта ты на меня наезжаешь при подчинённых? — возмутился Ромка. Ууу! Походу, назревал семейный мини-скандал, ну или что-то вроде разборок. Я шагнула вперёд, чтобы обозначить хоть как-то своё присутствие в прачечной. Да-да, нагоняи раздавались так, чтобы гости дорогие, которые только должны были подняться с постелек в своих уютных номерах, не слышали грозный хозяйский тон.

Нет, не заметили, продолжили спорить дальше.

— Если бы ты не косячил, Барышников, никто бы на тебя не орал. У меня такое ощущение, что я должна сама все и везде успевать. Смотри мне, допляшешься. Сделаю тебя нянькой и домохозяином, — ткнула пальчиком с идеальным маникюром Аринка в грудь своего мужика.

— Да я чувствую себя тряпкой с твоими диктаторскими замашками.

— Ну, так и докажи, что ты МУЖИК! Я понимаю, что сейчас практически все на тебе, но почему-то я успеваю и детьми заниматься, и рестораном, и сюда нос совать.

— Хм! Люблю, когда ты злишься? — Ромка расплылся в довольной улыбке и притянул жену к себе.

— Фу, фу, фу! Мне ещё живого порно не хватало лицезреть. Отпусти мою подругу, извращенец! — подала я голос.

— Бог ты мой! — мужчина отлепился от Аринки, обратив на меня свой удивленный взор. — Это кого в наши края, да попутным-то ветром занесло! — теперь в его грязных ручонках оказалось зажатым мое трепыхающееся тельце. — Как Вас теперь величать, мадам?

— Теперь я Ольшанская! — гордо огласила я.

— Так, любимый мой, родной, перестань лапать чужих жен, и марш работать. Смотри, герой, оставлю тебя без зарплаты, — пригрозила мужу моя подруга.

— О! Вот ни минуты покоя с вами. Все, иду-иду, а то правда без зарплаты оставишь, горгона! — Ромка удалился, а мы с Аринкой с возгласами, кинулись друг к другу в объятия.

На вечер была назначена суппер-крутая пьянка, в которой моя многодетная мамашка готова была даже оставить детей на попечение мужа. Да и как это все происходило.

— Барышников, меня сегодня не жди! Я буду рано... утром. Пьяная!

— Да? И с какой это кстати?

— С такой, что я уже и так три раза сидела с детьми, пока ты шляется с друзьями. Все! Пора возвращаться долги.

— Ты за все три раза собираешься отгулять? — хмыкнула он.

— Может за четыре или за пять, это как рюмка зайдет. Так что, любимый, — Арина чмокнула мужа. — Если тебе вдруг позвонят и поросят меня забрать, не думай, что это розыгрыш! Мамки сегодня нет. Есть свободно гуляющая кошечка Ариша, — я давилась от смеха от этой комедии. Неужели материнство может настолько снести башню? Наверное, все-таки дело в мужике. Мой смех достиг апогея, когда Ромка в тон жене голосом похотливого самца вторил:

— Твой котик будет ждать тебя дома с котятами!

М-да, однозначно, это безумие передается воздушно-половым путем и присуще только чите Барышниковых.

Римка была оповещена раньше остальных, что я в городе, поэтому забив на работу, уже летела к нам. Полинка тоже решила сорваться из назойливых лап руководителя своей интернатуры, собираясь поддержать компанию. И судя по расстройству памяти, тысячам звонков и сообщений на номер мужа, я поняла, что встреча удалась на славу.

А уже на выходных нас ждал тихий семейный ужин с моими родителями, и знакомство Захара с Ромой. Я наслаждалась обществом шумных котятков с фамилией Барышниковы, а ещё мне просто было хорошо. Вот хорошо и все!

И уже не пугала встреча с Тимофеем, которого я случайно встретила перед отъездом. Да, этот разговор должен был состояться. Он как-то сверхспокойно говорил о том, что ему пришлось пережить после моего побега.

— Я тебя искал, знаешь? — заявил он.

— Если бы хотел, то нашел. Значит, была не судьба.

— Почему ты такая злая, Алис. Ты ведь не была такой.

— Была, ты просто сломал меня, сделал марионетку, которой так легко управлять. Сделал меня слабой, немощной. А я смогла воспротивиться. Тебя только это и мучило, когда я уехала. И где-то в глубине души, ты это понимал. Так ведь? Ты думал, что я слабая, а оказалось, я еще была способна сопротивляться. Не вороши прошлое. Я прошу прощения за то, что так бесцеремонно поступила. Но не жалею, нисколько!

Меня уже не напрягало расставание в одностороннем порядке с Арландо, с которым я поступила так не красиво... Все потом, потом. У меня есть любимый муж, на которого я смотрю с замираньем сердца, как оказалось, у меня есть дом на берегу залива, который теперь мы собирались отстроить для будущих Ольшанских. И уже никуда не хотелось бежать. Я чувствовала себя на своём месте, в своей тарелке, словно так оно и должно быть. А самое главное, теперь я знала, что такое любовь. Не больная, не из-за благодарности, а настоящая, от которой хотелось жить, дышать, творить.

Тимофей мне дал развод. Он не стал сопротивляться, потому что знал, что бесполезно. И если для синьорины Бурджанини было все ясно, как белый день и она была женой господина Ольшанского. То для бывшей Агеевой все было не так просто. Я скрывалась под новой фамилией ото всех, но я хотела, чтобы моя личность настоящая, с той, с которой я родилась, вернулась к нормальной жизни. И это случилось. Я не стала долго ждать после развода, и в этом паспорте, под торжественный вальс Мендельсона, в кругу друзей и родственников, у меня появился новый штамп. Так я начинала свою новую жизнь, избавившись от страхов, сомнений и груша прошлого. Я любила, и по-настоящему была счастлива. Согласна, не все у меня получилось правильно и гладко.

Будучи на седьмом месяце беременности, я все же встретила с Арландо. Мы с Захаром полетели в Италию для встречи с его родителями, там я и улучила момент, поговорить с ним и объяснить. Я знала, что останусь непонятой, и не ждала прощения. Просто мне было необходимо попросить прощение и уже со спокойной душой жить дальше. Мы говорили больше часа. Я рассказала ему все о своей жизни, и даже поделилась приключениями, которые со мной произошли, пока он работал.

— Знаешь, я злился на тебя, — сообщил он. — Это выглядело самым настоящим предательством с твоей стороны. Но я понимаю, что не получится насильно заставить кого-то любить. И мне жаль, что я не стал тем человеком, с которым бы ты обрела спокойствие.

— С тобой я обрела свободу, научилась принимать и любить себя. Надеюсь, наша встреча принесла что-то полезное и в твою жизнь.

— Я так глубоко не заглядывал. Но теперь я настороженно отношусь к любого рода чувствам. Я женюсь на девушке, которую мне выбрали родители. И ирония в том, что она русская.

— Снова наступаешь на те же грабли?

— Они отличаются от предыдущих. Дело в том, что мы друг друга не любим.

— Я только могу вам обоим посочувствовать. Я хочу, чтобы ты был счастлив, сеньор Маттеви.

И пока мой Отелло не начал беспокоиться моим долгим отсутствием, я распрощалась с Арландо, закрывая эту страницу. Теперь каждый из нас продолжит жить дальше. Главное, что я в любви, потому что у меня есть любимый муж, и скоро появится сын. Это главное! Сейчас, это самое главное!

Больше книг на сайте - Knigoed.net